

Кирилл Шишов

**ОПЫТЫ
В СТИХАХ И В ПРОЗЕ**
(ТЕТРАДИ 2003—2004 ГОДОВ)

г. Челябинск,
2005 г.

Ш65

Ш65 Шишов К. А. Опыты в стихах и в прозе. Челябинск: Цицеро, 2005 г. — 348 с.

В оформлении обложки использована работа
Дж. П. Паннини «Архитектурный пейзаж с Колизеем»

© Шишов, К. А., 2004 г.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Какая кроткая заря
Встает за лесом осиянно,
Как будто сгустки янтаря —
Над белоснежным океаном.
И ослепительно снега
Переливаются при свете,
Очерчивая берега,
Где снег разгладил ночью ветер..
И снова торжествует свет
В моей душе неколебимо,
Хоть прожито не мало лет
И мук испытано незримо..
Так Рождества вселенский миг
Сквозь мрак ведет людскую Совесть..
Не отрекайся ты от них,
Хоть Рождество — отнюдь не новость..

*7 января 2003 г.
ст. Кисегач.*

* * *

И снова я о матери скорблю,
 Ее души я ощущаю предель,
 Наивную провинции незрелость,
 Которую все больше я люблю...

Ее душа подобна кораблю,
 Чьи паруса, готовые на смелость,
 Противореча твердому рулю,
 Напряжены, не зная неумелость...

Им столько злоключений Рок несет!
 Течения и рифы их терзают,
 Но паруса огнем зари сверкают
 И свято верят в счастливый исход...

О, мама, мама, ты — моя Надежда,
 И ты жива
     в душе моей,
                     как прежде...

7 января 2003 г.
 ст. Киселевич.

СОНЕТЫ ДОЧЕРИ

* * *

Уж скоро десять лет, как ты — жена..
 Ты превратилась в Женщину из деды,
 Самой себе всегда во всем верна,
 С собой владея в доброте и в гнев.

Еще ты слышишь детские напевы,
 Но, суетою дней окружена,
 Ты к высшему всегда устремлена
 Подобно прародительнице Еве...

Любимая! Святая красота
 И душу твою так преображает,
 Что с каждым днем все больше поражает —
 Какую стойкость придает мечта...

Ты устремленьем, как в фату, одета,
 И от тебя исходит столько света..
 18.01.03 г.

* * *

Да, на пространстве нескольких шагов
 Проходит жизнь твоя передо мною,
 И не хватает мне порою слов,
 Чтоб передать, как восхищен тобою.

Всегда владеет музыка душою
 Тех первозданных дедовских основ,
 Когда лицо ты поутру умоешь,
 Освобождаясь от горячих снов...

Готовишь завтрак. Делаешь омлет.
 Упустишь кофе... Все идет как песня.
 И нету состояния чудесней,
 Чем видеть мне наследье детских лет.

Мне все в тебе знакомо,
   все — открытье!
 Я каждый миг встречаю,
   как событие...

18.01.03 г.

* * *

Два мальчика — у каждого плеча —
 Как пристяжные — в жизнь несутся рядом,
 А ты — коренником — так горяча,
 Так вдохновенна поступью и взглядом...

То ты подобна току водопада,
 То так тепла — как яркая свеча...
 Энергия округлого плеча
 И стан летящий, словно стан наяды...

Мне Аттики богини каждый день
 Спят глаза, когда тобой люблюсь..
 Так радостно стремясь и повинуюсь
 Летит за самкой молодой олень.

Но я — отец! Пусть мальчики бегут,
 И жизни груз стремительно несут..
 18.01.03 г.

* * *

Какой струной родительской души
 Мелодия тебе передается..
 Какie детские карандаши
 В тебе воплощены игрою солнца.

Из этого далекого оконца
 Так все твои движенья хороши,
 Как капли деревенского колодца
 Летят с ведра в предугроенной тиши...

Ты вся — рассвет, и обещанье счастья.
 Невидимая аура твоя,
 Всегда полна очарованьем власти
 И волшебством звучащего ручья...

Ты — сказка, ты — веселая богиня..
 Да будет мир под окнами твоими..
 18.01.03 г.

* * *

Наставницей была тебе Природа —
 Река и поле. Заповедный лес.
 Протяжность песен русского народа
 И сказок мир, исполненный чудес.

Но шел событий ход наперерез,
 И ты, взрослея трудно, год от года,
 Преображала детскую свободу
 В упорство — океанский волнорез.

Я наблюдал, как детские овалы,
Округлые и плавные черты
Ты собственной волею меняла
В гармонию девичьей красоты.

Уже тогда в тебя загадка мира
Рождала волю, как в стрелке из тира.

18.01.03 г.

КРАСНЫЕ СОСНЫ

В морозной утренней заре
Встает неспешно солнце
В крещенский праздник в январе
И освещает сосны.

Мгновенье зимних позолот
Так коротко и дивно,
Как излияние щедрот
Вакхического гимна...

Секунду длится или две —
Уходит солнце в тучи..
Так жизнь проходит на земле..
Судьба — так будет лучше..

* * *

Кот на ветке сидит березы,
 Не меняя изысканной позы.
 Возле корпуса с парой колонн
 Целый час он сидит, напряжен...

Что он ждет? Иль птичьей охоты?
 Или ждет — кто-то бросит отбросы,
 Или просто встречает зарю?
 Я стою и зачем-то смотрю...

Поджидаю ли с кем-то знакомства
 Или жду от судьбы вероломства,
 Иль увидеть боюсь, как птенец
 В лапах зверя найдет свой конец?

САНАТОРИЙ КИСЕГАЧ

Здесь не рождаются, не умирают —
 Здоровье здесь по капле поправляют,
 Давление меряют, едят с утра таблетки,
 В себе самих боясь узнать секреты...

Потом идут на погружение в воды,
 Вдыхают смеси газа кислорода,
 Поверхность кожи умащают маслом,
 Чтобы была она и чистой и прекрасной.

Здесь наслаждаются обратным ходом чисел:
 Давление падает, а пульс удар повысил,
 Стал крепче шаг и правильней осанка...
 Здесь Храм Бессмертия, здесь с Богом перебранка,

Наука ратоборствует с Природой,
 Здесь — горечь жизни с призрачной свободой...

*19 января 2003 г.,
 сан. Кисегач*

* * *

Основа жизни — ритм и повседневность..
 Ведь в каждом есть — живет седая древность,
 От пращуров пусть будет все как было..
 От самого рожденья до могилы.

Но каждого подстерегает случай,
 И только он волнует нас и мучит,
 И новости всегда чрезвычайны..
 Они необычайны и случайны,

И весь эфир заполнен только ими —
 Не нашими событиями простыми —
 Рождением детей, потоком буден,
 Где каждый шаг и напряжен, и труден,

Весь мир волнует случай, — не обычай,
 Не человеческий быт иль говор птичий,
 А потрясения, войны, катастрофы,
 Поэтов вызывающие строфы,

Политиков, выковывающих речи,
 Зачисленных в пророки и в предтечи..
 Но ты не поддавайся обольщению
 Нить потерять земного превращения
 От крошечных событий частной жизни —
 К крушению державы иль отчизны..

Все тесно связано, и формула событий
 Дается мудрому ценой его открытий.

19.01.03 г.

ОТСУТСТВИЕ

Отсутствую в доме два месяца..
 А, может, два года прошло..
 Ну что ж, все обдуманно взвесится,
 Прояснится жизни стекло..

Оно затуманено скоростью
 Событий мирской суеты,
 Людских неприятностей горечью,
 Потерею смысла судьбы..

Так лес, даже взглядом внимательным,
 Почти невозможно понять,
 Как вырос он так замечательно,
 И мог красоту всю собрать..

Но мысль постепенно распутает
 Волшебные связи его,
 И Бога — незримого спутника —
 Почувствуем мы естество..

19.01.03 г.

(период декабрь-январь)

**24 ФЕВРАЛЯ 2003 г. —
12 ЛЕТ ВНУКУ ВАДИКУ!**

Погибло Государство —
И нам родился ты,
Как будто в благодарность
Осуществив мечты...

Красивый и волшебный
Наш мальчик — ангелок,
И к десяти прошедший
И Запад и Восток,

Увидевший те страны,
Что не узнаем мы,
Слетав за океаны,
Где лучшие умы...

Расти большой и мудрый
И Родину люби..
Двенадцать — это Утро,
Все в жизни впереди...

КОГДА...

Когда сольются воедино
Твоя и всех народов боль —
Когда ты вспоминаешь Сына
Мифологический пароль...

Когда, прозя ослепнуть вскоре,
Взывает только к Богу плоть —
Те дни земной людской юдоли
Сливаются в тебе, Господь...

Один — защита и опора,
Один — надежда и судьба,
Хозяин света и фавора,
Владыка каждого раба...

Что мы на этом свете значим
В событий страшной череде...
Иссечены каналы плача,
И одиноки мы в тщете...

БАЛЛАДА О ТРЕТЬЕМ

Моральные суждение субъекта должны относиться только к собственным помыслам независимо от моральных качеств поведения окружающих людей.

Принцип рефлексивной морали

Подскажи, Господь-Создатель —
Третий где сокрыт предатель?
Где он — третий — не заметен —
Скрыт пока на белом свете?..

Первый, помню, был мне другом,
Давним связанный досугом,
Первой песней у костра,
Первой болью, что остра...

Он, мою любовь заметил,
Был со мною чист и светел,
Радость счастья разделил,
Радость слова не таил...

Был я, видно, виноват,
Что беспечен был мой взгляд,
Речи чисты и наивны
Стали Господу противны,

Потому среди друзей
Стал он карою моей...
Я его давно простил,
Хоть он счастье мне губил...

Был второй — мой ученик..
В душу трепетно проник,
На глазах мужая мыслью,
Презирал соблазн корысти,

Помогал нести беду,
И соседскую вражду...

Виноват я был в доверьи,
Распахнув наотмашь двери,
Всем делился чересчур,
Словно властью — самодур...

И его послал Господь
Мне гордыню побороть,
Дерзость нрава укротить
И тропу свою забыть...

Нет ни счастья, ни тропы,
Очи пусты и слепы,
Сердце робко, слабнет ум,
И в ушах — то звон, то шум...

Жалоб нет и препирательств,
Жду лишь следующих предательств,
Оттого что ты, Господь,
Одолеешь мою плоть...

01.04.03 г.

* * *

Сорвется ли яблоко с ветки,
Беда ли грядет иль навет —
Так движется жизнь незаметно,
И меркнет от жалости свет...

Весь мир сострадания просит,
С твоей не считаясь бедой,
Так дождь иссекает колосья
Приземистых туч чередой.

Удел нищеты — состраданье,
Пронзительность боли чужой,
И, кажется, слышишь рыдания
Детишек, заросших паршой...

* * *

Растворись, растворись, растворись
В бесконечности, свежей извечно..
Бесконечность для нас скоротечна —
Ей чужды и азарт, и корысть..

Не грусти, что она бессердечна,
Ты таишь, как сокровище — мысль,
И она — бесконечно — извечна..
До нее, до нее дотянись..

01.04.03 г.

* * *

Г. К.

Ты сострадания не ждешь,
Хотя страдаешь одиноко,
Хотя соединила ложь
С поэзией и прозой Блока...

Ты с детства знаешь — жизнь жестока,
Но вот охватывает дрожь
В преддверии крутого срока,
Где и лекарства не возьмешь...

Мы — на распутье. На краю,
Когда поката вниз дорога,
И очи пристальные Бога
Не обещают сон в раю...

О, спутница прекрасных дней —
Подглазицы черней, черней...
02.04.03 г.

К/ф «Римские каникулы»
Грегори Пек и Одри Хепберн
(60-е годы)

* * *

Обаяние старого фильма...
Обаянье нашей любви...
И слеза пробивает обильно
Очи старые — очи мои...
Как весною свежи соловьи,
И лицо твое было умильно...
Рим далекий иль старая Вильна —
Это вспышки угасшей зари,
Был экран образцом или грезой,
Ты — принцесса, а я — ловелас,
Только просятся радости слезы,
Словно видим исчезнувший час...
Век двадцатый, железный, суровый —
Ты — волшебник для нас образцовый...
27.04.03 г.

* * *

Закаленный изменами женщин
 И предательством прежних друзей,
 Все же счастья узнал ты не меньше,
 Чем любой ловелас-ротозей...

Жизнь всегда словно древний музей,
 Где равны богомаз-алиментчик
 И жемчужин бесстыдный оценщик
 В перекрестке судеб и стезей...

И в катанье случайных горошин,
 Как свидетельствует кегельбан,
 Дерзкий промельк видений хороших
 Всем живущим таинственно дан...

Но не все остановят мгновенье
 В четком росчерке стихотворенья...
 27.04.03 г.

* * *

Три кротких государя
 Избаловали Русь,
 Ее идею шаря
 Среди Манек и Марусь..
 И стала эта кротость
 Причиной многих бед,
 И резким поворотом
 В судьбе Руси — их след:
 Ники за Александром,
 За сыном его — внук,
 Затем — совсем Кассандра —
 Октябрьской бомбы звук..
 Тираны и убийцы
 Взнуздали так народ,
 Что стали, как кормильцы,
 Растить людей, как скот..
 27.04.03 г.

Прошло 95-летие областной газеты
«Челябинский рабочий»

* * *

Газета двадцатого века
С мечтой о рабочей звезде,
Сегодня ты, словно калека,
Как битая птица в гнезде...

Холушьством украшена вечным
И трусостью в смеси с дерьмом,
Ты выглядишь старцем увечным,
Бредущим в терпимости дом...

И пусть, громыхая стихами
Иль словом своим разбитным,
Ты, созданная при хаме,
Кому-то слагаешь и гимн —

Никто из потомков грядущих
Твоей не поверит строке —
Манерно-изысканно-лгушей
Во все времена налегке...

27.04.03 г.

ТРУСОСТЬ И ПОЭЗИЯ

(новелла)

Обойти собаку, лежащую на полу возле дивана, надо было аккуратно, чтобы не наступить на хвост. Собака лежала в привычной позе, не поднимая головы и даже не хлопая толстым, как канат, хвостом по полу; она была сыта и устала от вечерней прогулки, ибо я терпеливо обошел с ней вечером по всему парку, полному пустых пластмассовых бутылок, пакетов под продукты и всякой всячины, раздутой бешеным ветром, свирепым от резкой смены температуры...

У нас всегда так в конце апреля — только проклянутся почки и покажутся робкие листочки у кленов — погода, словно в ярости, бешенствует. С севера нависают сизые тучи, напрягается до мрачной синевы небо, неистовствует борей, и замерзают на три сантиметра лужи: идет раскачка поединка Севера и Юга, нежности и мата, толерантности и дикости в самой природе...

Я отношусь к этому снисходительно, видя, как складывается по кусочкам этнической мозаики — сам характер живущих здесь — яростных и наивных, терпеливых и срывающихся на драки, самоуверенных в непогрешимости своей и отчаянных трусов в душе...

Я и сам такой. Всегда таким был. И сегодня с утра был такой, когда шел к мэру Города на прием, замерзая в дурацкой турецкой кожаной куртке, предназначенной совсем не для такого климата, потертой до облезлости всего за три года и местами уже лысой, как моя дурная трусливая голова...

Я боялся всего: раздраженного мэра, с которым почти год не мог встретиться (по политико-этическим причи-

нам), его старой злой секретарши (сидит двадцать лет на одном месте и рывкает на всех, кто не принесет презента); боялся и нового законодательства, излаженного в столице насчет частной собственности на землю и угрожающей крахом моей крошечной благотворительной организации, где мы всегда жили на птичьих правах, боясь начальства, налоговиков, помешанных на собственной гениальности творцов от кисти и пера, а также всяких ревизоров, смотрителей, желчных соседей и просто... прохожих, глазеющих в наши витринно-громадные окна на первом этаже...

Словом, под ураганным северно-ледяным ветром, под прищуренным ироническим взглядом секретарши, под скользящим душу ужасом от невозможности противостоять всем стихиям этой проклятой земли я совершенно пал духом... Но в кабинет мэра я вошел, собрав всю волю, пропустив вперед, конечно, женщину, даму-подвижницу, энтузиастку-волонтерку своего благородного дела...

Это была удивительная Женщина, посвятившая себя делу сохранения памяти полу-гения, полу-пророка, полумастера, полу-дилетанта, который был и мне, конечно, дорог, но Она понимала его глубже, самоотверженней, беззаветней, и поэтому заходила в кабинет мэра не крадучись, как я, а грудью вперед, с гордым взглядом и расширенными от воодушевления глазами...

Я невольно залюбовался ей (и это — в который раз!), когда она четко и ясно пояснила мэру, что теперь во имя памяти гения-учителя-пророка мы все трое связаны пожизненно одной целью, и для восстановления памяти о нем нужно, обязательно, непременно, во что бы то ни стало...

Мэр долго смотрел на нее печальными усталыми глазами, и стало жалко его. Почти год я не видел его близко. Я знал, сколько помоев выливают ежедневно на него мест-

ные газеты. Сколько гадостей шепчут обыватели. Сколько желчи вырывает в мозгах соперников...

Он постарел на десяток лет. Вместо лихого юного прыткого баскетболиста рядом сидел почти старик с мешками подглазид и... почти дрожащими пальцами... А она — моя энтузиастка — презрительно описывала гнусности контрразведки и охраны, пытками заставивших Учителя после войны подписать оговор на себя, и он — этот оговор — не только привел его в советский концлагерь, но и после смерти, спустя многие годы, ядовитым облаком лжи омрачает иконописный лик Учителя-Пророка-Творца и Провозвестника новой эры...

Я сидел и по-прежнему трусил, представляя себя то молодым, когда я робко внимал словам Учителя, а потом, идя домой, старался забыть о своем восторге перед ним из боязни за свою мать: дружить с бывшим эзком она боялась смертельно, и я не мог огорчать ее — вдову красного командира, погибшего на фронте...

А потом, когда я, став вузовским доцентом, ездил к Учителю в провинциальный городок, я тоже боялся особо говорить о наших долгих беседах, потому что все считали моего старика соблазнителем юных девственниц и совратителем неокрепших душ. А вдруг я и есть — неокрепшая неискушенная душа, проглядевшая изменника и предателя под личиной красной и сладкопевца...

Словом, я слушал Ее и, несмотря на свои далеко не юные годы, все-таки боялся: вдруг мэр, сам уставший, как и я, от противостояния погоде, глупости, жадности, зависти, сорвется и скажет — «идите к черту с Вашим Пророком, его придуманным музеем, киноролями — давно поросшими мхом и плесенью... Вы — авантюристы и дилетанты, и вы изматали меня за эти годы...»

И правда — эпопея с музеем тянулась долгие годы: у нас срывали замки и спиливали памятные доски, угрожали народным судом и разоблачением предателя Родины, были от ненависти к его прошлому и глумливо ехидничали над настоящим...

А в настоящем — даже вступив, давно покинув свет, во второе столетие Учитель был по-прежнему оклеветанным, вываленным в грязи своей эпохой, и это угрожало и всем нам — его пособникам, нахлебникам, подпевалам и слонтякам...

Рушилась идея чуть окрепшего Фестиваля Кино в его память. Ненужными становились наши благородные идеи. Пустыми была и моя старость и воинствующая влюбленность в Учителя доброй половины моего трусливого Города...

Но произошло Чудо!

Мэр, выслушав защитную речь моей Дамы, вздохнула, взяла бумагу, где столичный адвокат обозначил сумму, следующую ему за реабилитацию Учителя — и кивнул головой!..

Чудо произошло: мэр сделал опять ставку на оклеветанного Учителя — конечно, пророка! Конечно, гения, как я всегда это знал, писал, доказывал в своем творчестве, повестях, эссе, новеллах и стихах...

Затем так же спокойно мэр взял и мои бумаги на землю, кивая и одобряя их. Взял и перелистал и книги мои, написанные давно, но вышедшие за этот год, и даже пошутит над моими спонсорами за их утрюмость и угловатость, с какими они ведут себя в депутатском корпусе, где все руководители края состоят в должности, подобно бывлым купцам первой гильдии, миллионщикам и отцам-благотелям...

Так начался почти поэтически этот холодный день, постепенно согреваясь от апрельски-пронзительного солнца, все более упорно согревавшего мой город, добиваясь сбрасывания

сывания тополиных чешуек, которые я заметил на тротуаре, счастливо выходя из парадных дверей любимой мэрии...

И тут я решился, наконец, сдвинуть с мертвой точки и другое длинно-предаинное дело закрепления памяти другого моего Учителя, в юности потрясшего меня своей смелостью инвектив против Власти, выстраданной им в другом концлагере и выкристаллизованной им в своих гневных трудах... по биологии.

Да, он был всемирным Генетиком, давно тоже умершим, и реабилитированным тоже после смерти его более настойчивыми друзьями и учениками, которые смело отметили его столетие выпуском специальных фильмов, книг и даже... марок, вопреки всем инстанциям и проклятиям отсталой части далеко не гражданского общества...

У меня давно зрела идея превратить в музей его тайную лабораторию, скрытую в горах Урала. Я даже неоднократно посещал эти места, где в юности слушал его вдохновенные лекции, восторгаясь космическим масштабом мысли, но робкая моя мысль отступала пред чисто бытовыми трудностями: там, в горах, хозяйничали иные научные силы, давно забывшие какого-то умершего биолога, пусти и известного, но постороннего их интересам современного бизнеса от науки...

И вот, окрыленный поэзией памяти, я вдохновенно написал на работе открытое письмо — обращение ко всем властям, всем ученым, всем энтузиастам: «Восстановим славу края! Откроем школу юных биологов в великой старинной, овеянной легендами лаборатории Гения! Заглянем в будущее, когда на Земле будут не пять, не десять, а двадцать миллиардов людей!..»

Я давно договорился о таком письме с единственным биологом, работавшим в этих заповедных местах, но все тянул время, боясь не получить поддержки значимых личностей региона...

Но сегодня — о, чудо, в апреле! — на первый же мой робкий звонок откликнулся... сам генерал чрезвычайных войск, с которым я почти год не виделся, но который обещал мне неопределяемую поддержку, если будут шансы..

Сегодня генерал был на месте, внимательно выслушал мой поэтический бред по телефону, внося точные коррективы, и выдал — о, чудо! чудо! — целую обойму крупных ученых, давно согласных поддержать идею музея и давно ждущих моего поэтического слова!.. Тут были и академики, и член-коррр, и промышленники, и даже... министры (правда, областных правительств).

День приобрел опасно-поэтические очертания. Все яснее я чувствовал крылья Аполлона над головой, пока еще недоверчиво-осторожной и тщедушной в привычном опасении впасть в эйфорию..

Но апрель — а был его предпоследний день — решил не дать мне роздыху от вдохновения..

В обед сестра, терпеливо приглашавшая меня отведать пасхальных яств, оборвочила меня поэтическими кошками, роскошно выросшими за две недели, как я не бывал у нее... Потом, потрясая чудом появления на свет третьего внука, пришла на работу с шампанским моя бывшая сослуживица — ныне вольная бабка в третьей степени — еще вполне молодая, счастливая и веселая, каким был и я при рождении своих двух внуков и теперь — сейчас — поверивший, что и у меня будет — о, чудо! — и своя третья внучка, единственная и неповторимая, на которую — естественно — не жалко отдать все оставшиеся годы. Кстати, сколько их у меня там? До ее свадьбы дотянуть надо — с оптимизмом, окончательно осмелев, подумал я, встречая следующий акт поэтического апрельского действия...

А этот акт, собственно, и состоял в попытке понять — существует ли поэзия сегодня?..

Да, именно этот вопрос собрались в конце дня решить мои единомышленники — энтузиасты: есть ли вообще сегодня поэзия, как, например, детектив или фантастика, дамский роман или рекламные журналы, в нужности и ценности которых никто из современников не сомневается... А вот в поэзии, оказывается, никто не уверен..

Пришедший первым современный Гений от поэзии — в модном английском пальто, в темных очках, изящным уайльдовским профилем, спокойно сказал: «Поэзия есть в моей антологии, которую я заканчиваю. Там — пятьдесят имен, и заказы у меня на сайт идут сотнями. Я готов при вашей оплате включить еще пяток — не больше..»

Все пришедшие потом были профаны, пугливые и тайно алчущие славы, но — за чужой счет. Денег же не было не у кого, но были топ-менеджеры неких олигархов, заинтересованных в тусовке «Есть ли поэзия сегодня...» Никаких изданий они не оплачивали, поэзия была неликвидной для их цели..

И все — остолбенели. Зачем вообще собирать народ, зачем лезть на сцену с рукописями, которых никто не хочет издавать..

Издатели долго крепились, слушая стенания графоманов, и — наконец — вслед за Гением, исчезли по одному..

Мы остались вчетвером — я и трое женщин, среди которых — топ-менеджер олигарха, упорно твердившая: «Мне не нужны ни поэты, ни книги, ни актеры. Моя цель — доказать, что поэзия сегодня есть. И у меня есть купленный театр, призы и режиссеры. Ваши идеи в этом ключе? Вы что, не понимаете — нужно доказательство просто наличия поэзии сегодня в душах людей! Все на виду — спортсмены,

бизнесмены, издатели, журналисты, политики, а поэты прятались, грызут ручки или локти в одиночестве, ждут своих посвященных и плюют презрительно на быдло. Это — непорядок. Поэзию — рядом! Понятно!..»

И тут я понял — почему именно сегодня все так волшебно происходит. Поэзия — действительно — рядом: в этой усталой обреченности мэра рисковать ради реабилитации умершего Пророка, в этой восторженной готовности чрезвычайного генерала воздвигать музеи в заповедных горах, в неодолимой страсти моей сестры отмечать пасху... на третий день ради родного брата... И в появлении третьего внука у бабки, которая еще может танцевать в балете... И в том, что поэзия — не книги, не рукописи, не жюри и конкурсы, а нечто совсем, совсем иное...

Так мы вместе придумали праздник всех народных проявлений поэзии: и соленой шутки в рифму в площадном действии на улице, и гитарной частушке бардов, и в экспромтах, открыто выброшенных в зал, где все — участники, а не маститые пииты... Мы вдруг поняли, что поэтом должен стать каждый, кого мы привлечем в зал лучшего театра города...

Сатира и верлибр, буриме или двустишие, шаржированный гротеск или эпиграмма властной фигуре — вот откуда издревле происходила поэзия на гульбищах и позорищах, на игрищах и торжищах...

Поэзия среди нас — Караван поэзии — так назвали мы выдуманный нами праздник, ограничиваясь только этим — стихией, фантазией профанов, выдумкой неофитов, неуклюжестью графоманов...

Пусть будет так, — думал я, идя домой в компании с глубоко чтимой мной издательницей, лишенной на этом будущем празднике возможности издать за чужие деньги

очередного гения, вроде меня. Она долго придумывала, как все-таки выстроить пирамидку изданных, но не купленных ее авторов, как привлечь к их шедеврам внимание потенциальных покупателей...

А я доказывал ей, насквозь пронизываемый ветром, что у нас главное — поэзия в каждом, а не книги, которых никто не читает...

Придя домой и прогуляв собаку, я еще раз подивился странной поэтичности этого дня. И, осторожно обойдя собаку, решил не спугивать поэзию ее сна...

(Написано с 24 до 2 ч. ночи 30 апреля 2003 г.)

* * *

Почему у мамочки
 Слито все из вечности?
 Только ль окончательно
 Из-за бесконечности?
 Пермь, Свердловск, уралочка,
 Гимназистка — в медики?..
 Или здесь прокрадася
 Русь сама наследием?
 Искренность, доверчивость,
 В идеалы влюбчивость..
 Христианство — свечками,
 С книжками задумчивость..
 Стойкость, отчуждение
 От мешанской яности..
 И во всем — парение
 Вперекор опасности..

3.05.03 г.

с. Варламово.

(читая прозу Б. А. Пастернака
 «Детство Люверс», «Повесть» и т. д.)

СОНЕТ

Опять — предгорья Уфалея,
 Водохранилище и даль,
 Которой лгать я не умею,
 В которой — нежность и печаль..
 Из этих гор — моя скрижаль,
 Не легче книги Моисея..
 Урал — отнюдь не Иудея,
 Хотя обоих рожет сталь..
 Не десять заповедей только
 Пришлось мне с болью постигать —
 Природы постигаешь стойкость,
 Когда она тебе, как мать:
 Кожок земли на крышку бросив,
 Волос почувствовал я просесть..
 29.05.03 г.

СОЛОВЕЙ — 1

Сбивая яблоневый цвет,
Идут дожди в исходе мая,
Намокших веток силуэт
Поникнул, кость почти ломая,

Потоки грязи собирая,
Обрывки скомканных газет,
Обертки, пачки из-под чая,
Несутся вниз.. Один эстет

Невидимый и своенравный,
Бесчинством звука упоён,
Возносит голос свой державный
Средь мокрых лиственных знамен.

Разбойник в соловьиной роще
В своей стихии полон мощи..
31.05.03 г.

СОЛОВЕЙ — 2

Замри, поэт, услышав голос
Соперника в густой листве..
Самой Природы смысл и совесть —
Звучит и свищет соловей..

В его извилистой канве
Услышь не жалобную повесть,
А о любви извечной новость,
От коей он осоловел..

Перемежая щелк и трели,
Задор, и дерзость, и азарт,
Он не страшится ни капли,
Ни влаги, режущей глаза..

Он упоён и насторожен,
Священнодействуя до дрожи..
31.05.03 г.

22 ИЮНЯ — ВОСКРЕСЕНЬЕ, 2003 г. РАЗМЫШЛЕНИЯ

Сегодня 62 года со дня ВОВ — Великой Отечественной... Ветераны, песни, плакаты, снова Белорусский вокзал, правдивые, наконец, ужасы: «нас одели в форму, снятую с убитых солдат... просушили на кустах и, мятую, одели на нас... глянули мы друг на друга — и слезы навернулись на глаза...»

Господи! Какая трагедия позади, затмившая Разум Нации, на столетие вперед мстящая и изнуряющая поколения...

Гордость Победы и подсознательное ощущение той глубокой связи сегодняшних бед с той, громадной, адской пропастью, куда ушли текатомбы самых талантливых, самых звездоносных, самых осиянных вдохновением, которого уже потом не иметь нации...

Я знаю это по гибели отца своего с его набросками, достоинством мудрого творца нравственной позиции интеллекта, попавшего в кровавую клоаку борьбы за власть вокруг...

И там же сгнуло то, что было взято из прошлой России — от чеховских и менделеевских достоинств, что пережило и Гражданскую, и НЭПовскую, и переломную пору... Так и не возродилось оно в оттепели или застое — тонкое, мудрое кормчее дело России, подобное лоцманской проводке корабля в порт между рифов, бурь и штормов...

Развалена Страна — империя. Разбита титаническая держава, в коей все теперь пахнет сыростью тюрем, тленом раскопанных позорных расстрельных ям, отбросами тайных следственных протоколов, зловонием нищенского быта нынешних ветеранов фронта или бывших обитателей концлагерей...

Союз распался в 91-м. Союз Европы возник тогда же... Сегодня у него одна валюта, два десятка стран и конституция впереди... Линия на соглашательство, презренная большевиками тактика уступок, оплеванная Советами открытость (буржуазно-иезуитская, конечно, классово-бесстыдная, наглая, естественно и вообще — чуждая нам морально, ибо нам надо «либо все — или ничего»...).

Веками воевавшая, веками коварная, династиями погрязшая в традициях двоедушия и изошренного дипломатического обмана — эта старая Европа... примирила франков и германцев, романские и варяжские этносы и «шаг за шагом» движется даже... к осмыслению балканского порохового погребя — источника трех мировых войн, включая «холодную»... (Сараево, Тито, Милошевич с Фердинандом и Гаврилол Принципом).

Итак, мы — в поаном изнеможении от страсти идей, средств, наличных лидеров, ментальной романтики и даже... яркости подделцов...

Там, в Европе, эти крохоборы — юристы, законники-бюрократы, похабные ловкачи и продажные шлюхи империализма.. строят какой-то Маастрихско-Гаагско-Брюссельско-Страстбургский Мир, куда и мы теперь хотим, поскуливая от нищеты ума, постанывая от водочной изжоги, повизгивая от свербящей зависти к их сытости, их изобилия, их дотошности...

Вот какие мысли одолели меня 22 июня в воскресенье на 62-м году со дня начала ВОВ...

БАЛЛАДА О ХОЛОДИЛЬНИКЕ

Холодильник — сердце дома...
Звук его — как сердца стук,
Милый, радостный, знакомый,
Убаюкивает звук...

Кажется, совсем недавно
В доме он моем возник,
Сразу став элитой главной,
Чье блаженство я постиг:

Сын накормлен свежим мясом,
Дочки — свежим молоком,
Немудреные запасы
Сберегал он, как нарком...

Сам получен по талону,
По знакомству, по звонку,
Был он дома эталоном,
Знаком близости к мирку

Приближенных к супер-власти,
Где элита и комфорт...
Холодильник — символ счастья,
Знать — хозяин — первый сорт...

Это было так недавно...
Годы мигом пронеслись,
Накренья стремглав и плавно...
Изменилась вовсе жизнь.

Как столбы — стоят гиганты
Холодильники — шкафы,
Тихо шепчут элегантно,
Как поэт — конец строфы.

Шепот, вздохи, морозилка
Так бездонна, как жена,
Или шлюха, иль подстилка,
Что и вовсе не нужна...

Все противно — старость, глупость,
Две машины, три жены,
С инвалидой вечно скупость,
Да ведь доллары нужны...

Внук насилует компьютер,
Дивиденды клянчит дочь,
От советов кама-сутер
То ли немочь, то ли мочь...

До тебя ли, холодильник,
Тостер, гриль иль ЭВМ,
Если зять, хоть не насильник,
Но отпущенный совсем...

И не слышен ритм у сердца,
Пульт запутался в TV,
То ли где-то хлопнет дверца,
То ли бизнес — в голове...

25.06.03 г.
с. Варламова.

СКРОМНАЯ ПОДОСТЬ

Скромная подость
 Имеет свой герб,
 Это, конечно, не молот,
 Не серп,
 Скромная подость
 Настолько скромна,
 Что ей символика
 Не нужна.
 Но для поэта, чей символ
 Перо —
 Подость — не золото, не серебро,
 Подость, которая очень скромна,
 Тоже, по-видому, очень важна.
 Это — не рифма. Ее не украсть.
 Это — не деньги и даже не власть.
 Это — как живопись карандашом,
 Это — как саженец в мире большом.
 Это — как сперма в соитии тел:
 «Сын — идиот!» Но ведь я не хотел.
 Вовсе не думал. Не знал. Не гадал.
 Стоит ли делать из спермы скандал,
 Пусть идиот, козь родился — живет...
 Скромная подость не знает забот...
 Символ ее в микроскоп разгляди —
 Видишь — она пред тобой впереди...

СЧАСТЬЕ

Счастья не может быть много,
 Счастье дарует Господь;
 Есть у медведя берлога —
 Значит, жива его плоть...
 Есть у тебя дом и пища,
 Дети и даже жена —
 Значит, ты духом не нищий,
 Если подруга верна.
 Что же касается денег —
 Им, как и счастьем, цена
 Ровно и безраздельно —
 Как твоя совесть сильна...
 Это я понял не сразу:
 Стоит соблазны отсечь —
 Сразу сверкает алмазом
 Мысли и разума речь,
 Сразу заметны детали
 Бога с тобою игры...
 Мы человечеством стали,
 Духом взлетев от мурь...
 26.06.03 г.,
 с. Варламово.

НОЧНАЯ ГРОЗА

Мальники спят под железною крышей..
Гром канонады звучит в небесах,
Ливня тяжелую поступь я слышу,
Вижу зарниц за окном чудеса,

Страха идет на меня полоса,
Молнии треск придвигается ближе,
Ахнет, снижаясь все ниже и ниже,
Словно держа мою жизнь на весах...

Крышу чинил я, предчувствуя беды,
Только что днем по наитью души,
Или — верней — по совету соседа,
Люди уж больно в Руси хороши...

Мальчики спят и сонят произвольно,
Я же не сплю — мне их сна и довольно...

29.06.03 г.,
с. Варламово.

* * *

Гроза с диким треском более трех часов, с усилением ливня и треском прямо над головой (свет автоматом гаснет напроць) — и это тотчас после дневной починки вместе с Юрой крыши в сотый! раз, когда всю изобретательность и внимательность его я учел и его советы... Эта кровля текла непрерывно годами, и мы отсекали десятки причин. Даже изобрели резиновые фартуки на чердачные отверстия, чтобы косой дождь не залетал с севера... А колхоз, не умея мыслить, почти сгноил даже стропила, не говоря о сгнившем почти поле тамбура второго этажа.

Мы чистили желоба, стыковали сливы ювелирно на винтах и болтах, делали спец-леса, чтобы наладить водосток для ливней, бетонировали отмостки, куда сходились и снега тающие, и ливни летние, чтобы побороть грибок в доме...

И только после пяти-шести лет решился я отделывать ремонтom комнаты с помощью гипса — столь нежного и капризного, но красивого ангельски своими лепнинами и выкружками...

И вот, приехав неделю назад, увидел — желтые пятна, подтеки на потолке, грусть и тоску... И снова мы думали о причинах, лазили по чердаку в самый полдень яркого солнечного дня, когда каждая дырочка выказывает себя, словно на рентгене...

И он нашел отошедшую возле трубы щель кровли в сочетании со срезанной временем кирпичной юбкой — по трубе прямо вниз мог идти поток ливневой воды...

И мы сделали валики из цементного раствора, едва успевшие (?) схватиться... И ночью пошла бешеная гроза... Я все три часа ходил по дому, как лунатик, трепеща от ужаса... А мальчики (трое) спали...

И везде было сухо на потолках...

ИЮЛЬ

Гроза ночная с грохотом и треском
 Над городом громадным пронеслась,
 И мир зеленых трав опять воскреснул,
 Свою земную обретая власть,

И снова нас охватывает страсть,
 Откинут ритм, обыденный и пресный,
 И видеть вновь знакомую окрестность,
 Как Мироздания пресвятую часть...

Иду травую мокрую, и липы
 Медвяный запах в ноздри пряно бьет..
 Мы сами видим Мир — либо великим,
 Либо ничтожность в нас полет убьет..

Учись, душа, у гроз ночных прилежно,
 Пусть даже поражение неизбежно..

01.07.03 г.,
 г. Челябинск.

РЫБАК

В громадных сапогах-ботфортах
 С заверткой из резины до колен,
 С собакою-дворянкой для эскорта
 И с удочкой в чехле, познавшем тлен,

Идет он через парк к воде запруды,
 А за спиной — нагруженный рюкзак..
 И в этом неспешании — и мудрость,
 И вызов, чем владеет лишь чужак.

И эта отрешенность, и особость —
 На фоне мракобесия машин,
 Гудящих от неистовства и злобы
 Крутых и озабоченных мужчин..
 01.07.03 г.

ЭПИТАФИЯ ВЕЛИКОМУ СОВРЕМЕННОМУ**1 августа умер Наум Юрьевич Орлов**

Наум Юрьевич — художник и режиссер классической философской традиции русской культуры.

Более тридцати лет трудясь в Челябинске, он создал не только яркий живой организм Театра, где личности актеров стали легендой для нескольких поколений.

Н. Ю. сумел прозорливо увидеть вектор невидимых превращений, когда в недрах тоталитарного общества медленно вызревало появление самостоятельных личностей, когда Россия рождала в муках мыслящее поколение, которому он и посвятил все свое творчество...

Переосмысливая Чехова и Островского, титанов зарубежной классики от Шекспира до Чапека и Уайльда, самостоятельно создав ряд сценических вариантов русской исторической постановки, он стал выдающимся создателем Мировоззрения целого поколения Уральцев, Россиян, готовых принять вызовы времени и отстаивать достоинство Человека перед любым насилием, как государства, так и нуворишей, скоробогачей, олигархов всех немислимых урней динизма и невиданного ханжества...

Память о нем — это драгоценный слав великих традиций и остроты современного нравственного выбора.

Искусство при свете Совести — эти слова Цветаевой применимы к нему в полной мере...

01.08.03 г.

* * *

Перестаньте. Перестаньте...

Арестанты. Арестанты...

Вы — таланты — не устаньте —

Толераньте. Толераньте...

Пусть плебеи и галантны,

Вы преграды не тараньте:

Скрытны в истине таланты,

Сочиняйте и экраньте...

Только истины не раньте,

Состраданье — в арестанте,

Стыд и зависть — даже в банте,

А не водке и не кьянти...

01.08.03 г.

* * *

На двух машинах приезжали дети...
 Скажи — не это ль — жизни апогей,
 Что хорошо нам жить на этом свете
 На светлой Родине в стране своей...

Не в этом ли — итог премногих дней,
 Что в доме малом при огромном свете
 Мы собрались, и есть вино в буфете,
 И баня топится, и пар ее все злей...

Тревожен мир, исполненный террором,
 Распахнут мир, и внуки, хохоча,
 Играют в террористов под забором,
 С гранатометами взамен меча..

Мы собрались семьею небольшою,
 И с нами — предки с раненой душою...

08.08.03 г., пятница,
 с. Варламово.

* * *

А, может быть, все-таки Прошлое —
 Лишь наше бессилие знать
 Доподлинно и по-хорошему,
 Что жизнь никогда не понять..

На всем совершенном — печать
 Таинственно-завороженна,
 И правда всегда заморожена,
 Чтоб рядом живущим — не знать..

Нужна простота современнику,
 Оттенки ему не нужны.
 Он сказки является пленником,
 Похожей на верность жены..

И только потом и впоследствии
 Все явится в целом..

На следствии..

08.08.03 г.

ЛАСТОЧКА

Высоко в небе, сизом от зари,
Где солнце пробивается сквозь дымку,
Где медный провод желтизной горит —
Я вижу эту птаху — невидимку.

Все лето хлопотала у гнезда
Она в дуэте с верным сателлитом,
И вот уже ночами холода
Готовиться в далекий рейс велят им...

Летают рядом крупные птенцы,
А ласточка как будто сожалеет,
Что без нее лихие огольцы
И мух и мошек добывать умеют.

Она подолгу у гнезда сидит
В раздумье и усталости от лета...
Так старый и усталый инвалид
Сидит у дома, солнышком согретый...

*09.08.03 г., суббота,
с. Варламово.*

КОШКА В ДЕРЕВНЕ

Я снова — ласковый тюремщик
У милой кошечки моей...
Она была такой смиренной
В течение премногих дней,
Котов не ведая в испуге,
Всегда хранила только дом...
О ней заботясь, как подруге,
Я не делил ее с котом.
И вот уже почти под старость —
Тринадцать лет — громадный срок! —
Ей и в деревне жить досталось,
Прибыть в наш маленький домок
На восемь комнат, десять окон,
Где за стеклом и во дворе
То петухи кричат высоко,
То трактор гонит по жаре...
И вот, испугана чужбиной,
Она, как девочка, робка,
И то ласкается невинно,
То в окна смотрит из домка...
И все же, страх одолевая,
Все норовит уйти во двор,
Где зелень на земле живая,
Невиданная до сих пор...
Ее притягивает запах
Травы цветущей во всю мочь...
Но стынет кровь от страха в лапах,
И я спешу, чтоб ей помочь...

БЕССЛАВЬЕ

Бесславье и забвение — итог
 Почти любого русского пиита,
 Лишь только минет поколения срок —
 И имя, даже славное, забыто,
 Так изменяются условия быта —
 Меняется и целой жизни прок,
 Что только в частоте хвалебных строк
 Надежда есть для очень знаменитых..
 А нам — провинциальным чудакам,
 Славянофильским горе-любовудрам —
 Забвенья в Лете нет — не миновать..
 И только сквозь столетья знатокам
 Откроется провинция, как утро,
 В которой в каждом слове — Благодать..

09.08.03 г., 16⁰⁰–17⁰⁰,

с. Варламово.

* * *

Пить сухое вино «Шардоне»
 И закусывать страсбургским сыром —
 Это значит, мне жить наравне
 С самым славным еврейским банкиром.

Пусть он правит таинственно миром,
 Исповедуясь сатане —
 Я с российским неласковым клиром
 Остаюсь в самой бедной стране..

Но такая у нас благодать:
 Крохи радости скромные в бане
 И в прекрасном вине, как в Нирване,
 Никому это не передать..

Будет каждому впредь по заслугам:
 Деньги — жадному. Слабому — друга..

09.08.03 г., 20⁰⁰,

с. Варламово.

БАННЫЙ ЛИСТ

Баллада

Финско-русский коктейль:
 и подогрев электричеством камня —
 И лихая жара, абсолютно сухая притом..
 Но славянская баня желанна
 и очень близка мне —
 Осторожно плескаю на камни российским ковшом..
 А потом я распаренный веник
 сушу над потоком
 Зло-шипящего пара, что камни дают..
 Вот листок оторвался от ветки
 своей ненароком
 И на финское габбро упал,
 что и жиллист и круг..
 Он упал и сторел за секунду,
 в мгновение, как порох,
 Как солдат от фугаса
 сторает живьем на броне,
 Лишь послышался легкий томительный шорох,
 И запахло паленым,
 иль все это кажется мне..
 Сразу баня наполнилась
 не ароматом,
 А какой-то живинкой,
 погибшего плотью живой..
 Так скорбит не Россия
 над убиенным солдатом —
 А живая история
 чиркнула вмиг пред страной..

Этот лист
 по инструкции был невозможен
 В строго западной бане,
 к тому ж абсолютно сухой..
 Но в России
 Закон всегда непреложен,
 И обычай сгорать —
 это подвиг дурацкий лихой..
 10.08.03 г., 23.00,
 в бане Варламовского дома

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Ход истории России — шаг вперед и два назад,
 Напрягли свои усилия — заметались наугад,
 Научились, оборзели — глядь: обочина опять,
 И давай палить без цели — собственных сынов
 стрелять...

Приутихли, нарожали — дети вновь махнут рукой,
 Некому писать скрижали — старики пусть на покой..
 То анархия, то тюрьмы, то развал, а то — тюрьма,
 То начальственные штурмы, то от планов кутерьма...

Кто продвинулся — в доносах, кто отстал —
 ходи в Сибирь,
 У кого в душе вопросы — хлюпик, а не богатырь..
 Так и маемся столетья между бунтом и царем,
 С каждым новым лихолетьем нагружая свое ярём..

Опостылело Природе от негодных ни к чему,
 Зря ль пословица в народе: про тюрьму и про суму..

11.08.03 г.,
 ночь, полнолуние.

БАЛЛАДА О СТАРОМ ВЕНИКЕ

Он рос в лесу берез российских,
 Своей не ведая судьбы..
 Овес еще не колосился,
 И не повывезли грибы,
 Когда охотчею рукою
 Он был по веточке пленен,
 И стал являть своей судьбою
 Продажный памятник времен.
 Он был подровнен и очищен
 От грубых веток и кистей,
 Он предназначен и для нищих
 И для изысканных гостей.
 Он стал король славянской бани,
 Он перед каменной плясал,
 И слушал мат российской брани,
 Как феодала мыл вассал,
 Как сделки делались в миллионах,
 Пока на лавке отдыхал,
 И как пути в обход закона
 Лихой сутяга отыскал..
 Он завсегдагай был у власти,
 Пахучим паром обдавав
 Все выступающие части
 И свой выказывая нрав..
 Отделанные липой стены
 И финской сауны набор
 Так полюбил он постепенно,
 Как и собака любит двор.
 Теряя понемногу листья,
 Он ждал вечернего труда,

Как откровенья мудрых истин,
 Где нет ни фальши, ни стыда..
 Он равенство познал нагое,
 Излечивал любой недуг,
 И нервы оставлял в покое,
 Как лучший и надежный друг..
 Но не прошло и середины
 Его служенья чистоте —
 Как заменен был, и отныне
 Не нужен стал и нищете..
 Его закинули сначала
 На пыльный в ветхости чердак,
 Потом пожарник и начальник
 Обследовал в свой срок бардак..
 И веник старый плюс калоши
 Плюс ватник и еще тулуп
 В костер снесли весьма хороший,
 Где все сгорело и без труб..
 Другие веники плясали
 По спинам, ляжкам и грудям,
 Его ж судьбы не описали,
 Лишь я ему ту честь отдам.
 А как же... Сам интеллигентом,
 Я тоже — старый веник сам,
 Как побратиму и коллеге
 Я похвалу ему воздам.
 Мы все, возросшие в России,
 В ее бесчисленных лесах,
 Старались избежать насилья,
 Служили честно по часам..
 Ну, истрепались, ну, без лоска,
 Затем и вышвырнули нас..

Поскольку каждая березка
 Отдаст для Родины запас,
 А веники одним моментом,
 В костре исчезнут навсегда..
 И не нужны интеллигенты,
 Исчерпан срок у них когда..

P. S.

Сегодня правит власть Элита,
 Им свежесть в вениках нужна.
 И пусть без слов, не знаменито,
 Палит старье всегда страна..

P. P. S.

Музеев веников не видно,
 И в этом тоже есть резон:
 Вот без оружия странам стыдно,
 А веник — свежим быть должен..

Хотя он в истории заслужен,
 Живя в фольклоре сотни лет,
 Но — старый — никому не нужен..
 Не в том ли — бед Руси секрет?

12.08.03 г.,
 с. Варламово.

МОЯ ЛЮБЕЗНАЯ ЕВРЕЙКА

Цикл

* * *

Моя любезная еврейка
 Опять явилась мне во сне,
 Незыблима и прелестна,
 Как свежий розан по весне...

Она тогда казалась мне
 Настолько броско-интересна,
 Что в ней таилась неизвестность,
 Тревожная моей родне.

Соединенье интеллекта
 И ослепительной красоты
 Взрывным подобием эффекта
 Заполнило мои часы.

Я был поистине испуган —
 Достоин ли такого друга...

* * *

Достоин ли такого друга
 Я в нищем городе своем,
 Вокзального питомец круга
 Имея скромный окоем...

Как часто, будучи вдвоем,
 Играя роль почти ашуга,
 И скрашивая миг досуга,
 Я сравнивал свой жалкий дом:

Да, я, конечно, был начитан,
 Писал азартные стихи,
 Но был по жизни беззащитен
 Как молодые петухи.

Она — всемирности принцесса.
 Достойна Ротшильда и Креза...

* * *

Достойна Ротшильда и Креза
 Ее роскошный бюст и рост,
 И удержать их бесполезно,
 Поскольку я и юн, и прост...

Ей был мой Город — только мост
 В пути еврейского прогресса,
 Тому виною — Холокост
 И сталинская злая пресса...

Настанут, думал я, и дни,
 Когда свобода воссияет,
 И мы — простые россияне —
 Опять останемся одни...

Но ей не мог я объяснить
 Тех рассуждений юных нить...

* * *

Тех рассуждений юных нить
 Была логически железна,
 Она мне предвещала бездну,
 Что я не мог не оценить...

Хотя поистине чудесна
Ее способность полюбить
Того, кто будет ей полезным
И станет мужем, может быть..

Так я надеялся.. Увы,
Она заторопила время,
Ее признание, как бремя, —
Признание в девичьей любви..

О! Боги, вы даете счастье,
Не предлагая соучастье..

* * *

Не предлагая соучастье
Мальчишке в восемнадцать лет..
Да было ли в моей то власти
Нести влюбленности обет..

Я до сих пор не ведал свет,
Послевоенное ненастье
Во всем являло свой секрет
Угрозами сплошной напасти.

Кем буду, как снесу обиды,
Как выживу в борьбе с судьбой,
Как быть красавице мюридом,
Не разобравшись и с собой?..

Мне молнией ударив в душу,
Господь уверен был: я струшу..

* * *

Господь уверен был: я струшу,
Я убегу, ее предав,
И цельный мир ее разрушу,
И романтический кроткий нрав..

Так, в круге мировых держав
Коварство проявив наружу,
Поляки были равнодушны,
Евреев в лагерь согнав..

Я знал урок войны жестокой.
Хотя и не космополит,
Но чувство нации высокой
Хранил, не накопив обид,

И я решил спасти еврейку,
Введя ее в одну семейку..

* * *

Кто знает узость кругозора
Тяжелых лет после войны —
Тот не предьявит мне укора
В незнание русской старины.

Была одна лишь у страны
Дiasпора полна простора:
Метисы — нации опора —
Везде толковы и нужны.

Отцы-евреи, коммунисты,
Сыны Утопии надежд,

В тылу сокрывшись, оптимисты,
Столь отличались от невежд,

Что браки их и на Урале
Охотно ЗАГСы признавали...

* * *

Таких семей я знал не мало...
Сама красавица моя,
Не зная климата подвала,
Не знала нравов и ворья...

Отец изъездил все края,
Спецдолжностей пройдя каналы,
Скопив те книжные анналы,
Что видел в этом доме я...

И мать ее, славянка видом,
Всегда радушна и добра,
Семейство сделала гибридным —
Была в наличии сестра...

Таким и должен быть, я думал,
Ее избранник в мире пугал...

* * *

Да, я сознательно и жестко
Ввел девушку в заветный круг
Элитных юношей и звездных,
Где не было моих подруг,

Когда оно свершилось вдруг,
И каяться уж было поздно —
Я с горечью познал серьезность
Раскаянья и тщетных мук...

Мы разошлись и отделились
По разным семьям и делам,
У нас и дети появились,
Прибавившись к разным берегам...

И этой жизни ерунда
Нас разделила навсегда...

* * *

И вот, через миры и годы,
С американских берегов,
Где мощно статуя Свободы
Всем простирает свой покров,

Ко мне домой, под отчий кров,
Приходит гнусный голос оды —
С упреками такого рода,
Что был я пода и бестолков...

С издевкой, спесью и сарказмом,
С карикатурой напролом,
В стихах, исполненных маразма,
Мне пишут муж с женой вдвоем:

Мол, я бежал антисемитом,
Предав красавицы ланиты...

* * *

Предав красавицы ланиты,
Я поступил, как идиот,
В непримиримости воспитан,
Как впрочем, весь российский сброд..

Все понято наоборот,
И, по традициям элиты,
Когда вы счастливы и сыты,
Вам кажется — весь мир — урод..

Увы, вина моя безмерна:
Создатель счастья двоих,
Я поступил нелегально,
Не докучая воле их..

За что же в старости и в холе
Юродствовать о давней боли..

* * *

Да, я любил, любил тревожно.
Я до сих пор ее люблю —
Ту девочку, что невозможно
Забить, как молодость свою..

Но никогда не отступлю
(Что и предвидеть было сложно),
Что королеву — королю
Отдать плебею непреложно..

Я чист и телом, и душой
Пред той любовью Первой, Верной,
И всей судьбой невероятной
Не оскверняюсь я паршой,

И не прося от вас прощенья —
Я вовсе не желаю мщенья..

Послесловие

Мы чище к старости, мудрее.
Давно накоплен чувств запас,
Подобен гордому еврею
Любой, узнавший свет из нас.

Давно не пишем на заказ,
Мы признаем грехи скорее,
Чем заряжаем батареи
Иль конструируем фугас..

Познали мы, где желчь и зависть,
А где — радушие и любовь,
И как юродствует мерзавец,
Чье сердце гонит злую кровь..

И если есть Господь на свете —
Он низости людской ответит.
Я — не судья. Я жил без фальши.
Так жить и собираюсь дальше..

16—17.08.03 г.,
с. Варламово.

ДЕНЬ РОССИЙСКОГО ФЛАГА!

Три дня наводили красоту в доме в Варламово: ждали немецкую съемочную группу, которую привезет москвич Дима — продюсер фильма об Урале. Явились в девять часов вечера и были два часа. Сняли рассказ мой о Бажове и тут же умчались. Завтра в Златоусте — съемки на тему о немцах. Рослые громадные, как эсэсовцы. Наелись ухи и помчались.

Жаль, что ни поговорить, ни пообщаться. Лаконичные и деловые... Нечего и говорить, что никакого впечатления нет от них. А Дима явно хочет туда, только думает, как лучше себя продать. Грустно, да Бог с ними — столичане — иной народ... Все себя продали — от президента до последнего вахтера в этой стране. Только провинция держит Россию из последних сил...

Вон баба Лена — семнадцатого внука (внучку) поднимает, а крепкая (имея семь сыновей) — как дуб... И хохочет, тетешкая внучку. Одеты, как в городе, домик — кроха, но гордая и разухабистая. Штукатурила мой дом и готова хоть на что... Вплоть до крайности... Вот и есть в ней Россия не городская...

21.08.03 г.

* * *

Последние капли вина
Слизнули усталые губы:
То малая в жизни вина
Медлительно прошлое губит...

Как влага уходит в сосуде —
Так ночью грядет тишина,
И тут не спасет ни жена,
Ни даже любимые люди...

Итоги пора подводить
И слушать моление Природы,
Свою путеводную нить
Терять в глубине небосвода...

Печальна не старость, о, нет,
А все ускользающий свет...

26.08.03 г.

* * *

Я этой женщины, как ноты,
 Давно умолкшей, чую звук:
 Ее щемящие длинноты
 Чуть слышной речи средь подруг...

И мягкость сладострастных рук
 В ночи я вижу, как на фото,
 Волос под лампой позолота
 И приглушенный сердца стук...

Разрыва с нею я не жаждал,
 Я с наслажденьем с нею был,
 Пусть не отчаянно отважным,
 Но зрело берегущим пыл.

И с каждым годом все печальней
 Итог любви первоначальной...
 26.08.03 г.

* * *

Одно свиданье в Ленинграде
 Мне часто видится во снах:
 Не яркость ночи в Летнем Саде
 И не усопших славный прах —

Я был тогда чуть не монах,
 Она, подобная наяде,
 Меня манила в каждом взгляде
 Разрыва вызывая страх...

И зрелость страсти на обиде
 Замешанная и любви
 Дала венки таких событий,
 Что ныне колотье в крови...

Глаза закрою — и отпряну:
 Так страшно видеть в теле рану...
 26.08.03 г.

* * *

Какое бронзовое лето!
 Какие на полях хлеба!
 Звенят колосья, так прогреты,
 Что в август входит молотьба!..

О, Родины моей судьба:
 Твои мне ведомы секреты,
 Твое грядущее воспето
 Отнюдь не строчками раба..

Таит российский чернозем
 Такую будущность планеты,
 Что древних пращуров заветы
 Покажутся наивным сном..

И здесь не климата капризы,
 А почерк божьей экспертизы..
 26.08.03 г.

* * *

Черное видится белым
 В наши незрелые дни,
 Юноша — оробелым,
 Разум его — в тени..

Некогда от суетни
 Тайное видеть смело,
 Только и ошалело
 Мечешься в ритм беготни..

В полдень иль под закат
 Только раскроются связи:
 Жалкая участь фантазий,
 Быта фальшивого ад..

Но ничего не изменишь —
 Сварены жизни пельмени..
 26.08.03 г.

* * *

А кто-то ждал меня в Москве...
 Такое нынче мне приснилось:
 Несказанная будет милость
 И радость счастья в голове...

В Москве, в Москве, не на Неве,
 Со мною что-то приключилось.
 Она — высокая — явилась
 Нагою девой на траве...

Какие плавные объятия...
 Какая линия груди...
 Вот наспех сброшенное платье,
 Чтоб страстный пыл не остудить...

Проснулся я с дрожащим взглядом...
 Да это же — супруга рядом...
 27.08.03 г.

* * *

Мы — не праведники, не негодяи...
 Реалисты ли мы наяву...
 Уж полвека, как мы сохраняем
 Всей Российской идеи канву...

Совесь, совесь... Звезда зоревая,
 Слепяющая сову...
 Может, ты — не предвестие рая,
 Но ночами — тобой лишь живу.

Не безгрешен, но друга не предал,
 И, всегда отдаляясь от зла,
 То лечил от недуга соседа,
 То на рынке — упрямой осла...

Пусть все это — фантазии чести,
 Только с Совесью жили мы вместе...
 29.08.03 г.

*А. Соколову
Ю. Кунину*

* * *

Сателлиты мои, сателлиты,
Робко-честные жизни друзья...
Вы по-прежнему миру открыты,
Так же праведна ваша стезя...

Вашу суть и промолвить нельзя —
Не гранитные подвигов плиты,
Монументы для вас не отлиты —
Жили вы, не клонясь, не дерзя,

Но стоят по России на память
Вашим детям и внукам уже
И дворцы, и старинные храмы,
И заводы во всем форсаже...

Рукотворные ваши идеи
Долговечнее тем, чем скромнее...
29.08.03 г.

* * *

Когда в работе потаенной
И чувств, и сердца, и ума
Достигнешь ты поры преклонной,
Чтоб стать подобием дерьма —

Скажи себе — земля сама
К тебе была ль неблагосклонной,
Коль щедротою неумной
Наполнены все закрома...

Горн юности. Титаны детства,
Олимп студенческой поры..
Науки в зрелости наследство,
И водопады детворы...

Попробуй только не молиться,
Когда придется в ней ложиться...
03.09.03 г.

С. Колисниченко — геологу и педагогу

* * *

Какое лето! Осень! Люди!
Настоянные зноем дни!
Сентябрь даже не остудит
Взрыв нашей бурной трепотни...

И мы такие не одни —
Жрецы, романтики и судьи,
И в том никто нас не осудит,
Что верность Родине храним...

Не только золота запасы
Мы учим юных извлекать —
Мы дарим им земное счастье,
Чтоб узнавать страну, как мать...

В отвале, в шахте, в каждой грани —
Земля щемяще душу ранит...

03.09.03 г.,

*с. Верхняя Санарка,
древние прииски старателей.*

С. Колисниченко

* * *

Копи прозрачных топазов,
Шахты, где древняя медь..
Все открывается сразу,
Если увидеть сумеешь...

Предки умели терпеть,
Вглубь проникая по лазу,
Тайные смутные сказы
Ярко оставив гореть...

Гордость, и горечь, и радость —
Все для потомков дарить,
Не ожидая награды,
Потом ту землю покрыть...

Подвига крутость не броска,
Как на кургане березка...

04.09.03 г.,

с. Верхняя Санарка.

*Губернатору области Петру Сумину
уроженцу В. Санарки*

ХРАМ

Я не ведаю подвига выше,
Чем увидеть в родимом селе
Древнерусскую скатную крышу
Храма божьего в русской земле...

Сколько скрыто разрывов во мгле!
Как погибельно прошлое дышит!
Но иконно-лампадную нишу
Ставишь ты — коммунист — среди полей...

То ль прозрение, то ль покаянье —
Но России воскреснуть дано,
Коль такое вершится деянье,
И история смотрит в окно...

Русь — погост возле божьего храма —
Только нами утишится драма...
05.09.03 г.,
с. Верхняя Санарка.

П. Сумину

* * *

Кому — нести знамена мятежей,
Кому — смирять кровавую толпу,
Найдя такую точку на меже,
Чтоб упереть упрямую стопу...

Как нелегко найти свою тропу,
В историю войдя на вираже...
Земля скрывает трупы на сажень,
У взрослых и детей — в глазах испуг...

Но ты меж двух людских когорт замри,
Врачуй и раздавай хлеба и снесь,
И, чтоб погас кровавый блеск зари —
Мятежных слов не воскрешай и впредь...

С расстрельной ямой рядом встанет Храм,
И долго в нем звенеть колоколам...
05.09.03 г. 9³⁰,
с. Варламово — первое мрачное утро без солнца —
предвестие осени глухой...

Л. БРЕЖНЕВ! (МАМОНТ!)

Не Наполеон и не Калигула,
И вообще НИКТО... но не злодей...
Власть к тебе лягушкою допрыгала,
Чтоб остался ты среди людей.

Ты мне всех правителей милей —
Ни шута в тебе, ни даже идола
Я не чтил, но время твое выдало
Сына мне, чей яшмы дух твердей...

Время равноденствия потребностей
Изможденной праведной страны
Без порывов дерзостных и вредностей,
Чтоб выросли способные сыны...

Так, почий под бронзой и мрамором
Ты, кто был средь коммунистов мамонтом...

05.09.03 г.,
с. Варламово,
во время котки картошки...

* * *

Кровавый Марс и красная Луна
На уровне одном на небосводе
Тяжелые пророчат времена,
В семнадцатом как будто страшном годе...

Горят леса при жаркой злой погоде
И хлебу будет дикая цена,
И на распутье выбора страна,
Разброд умов и бестолочь в народе..

Средневековые снова настает —
Бесписьменная эра и молебны,
Во всем, о чем суждения, разброд,
И только Президенту — глас хвалебный...

Как это вечно на родной земле,
А грянет час — народ навеселе..

08.09.03 г.,
с. Варламово

* * *

Культура — это коммунизм,
А коммунизм — культура..
Так, сквозь стекло научных призм
Судили раньше садуру...

И пусть ничтожен человек —
Мы воспитаем новых,
Беря в словесности разбег
При помощи Пановой... (Веры)

Но оказалось — коммунизм
Негоден для способных,
И строим мы капитализм
Какой-то свой, особый:

В котором только богачи
Достойны сытой жизни,
А кто — не сволочь, не рвачи —
Башкой об стенку дрызни...

08.09.03 z.

КАК ВЕДЕТ ПРОВИДЕНИЕ

Итак, за два дня 8—9 сентября узнал, что книга в 5 томах «История Челябинской области в фотографиях» получила диплом на 16 Международной ярмарке в Москве, как «Лучшая книга России», где я — автор всех (?) очерков (а где М. С. Фонтов — автор 3-го тома?)... Я — «Лучшее перо России — 2003»?..

Значит, Провидение, дав мне мучительное испытание и потрясение от отказа в моем понимании ВО (3 том М. С. с его консервативной позицией) внезапно? дало мне редчайшее для провинции счастье понять, что я — не только на верном пути, но и выдержал испытание на проверку совести и достоинства. Я не дал себе соблазна уступить — и получил... спокойную и достойную оценку труда десятков лет: только зная Урал — и Россию поймешь, и получишь знак Высших сил в избранном пути...

И невольно все опять соединяется в совпадениях:

— 9 сентября — 175 лет Л. Н. Толстому, открытие его «Философского дневника»!, показ «Воскресения», где снова те мотивы Нехлюдова, которые вели меня по молодости — отказ от первой любви ради ее сохранения (Нэлли) в самобытности иудейства и интуиция «не навреди»...

— Отказ от К. в момент зачатия сына у Милы и твердое понимание невозможности оставить сына без отца и идти по линии прихоти, соблазна и на волне эмоции... Я всегда помнил каждую строку Л. Н. на эту тему: животное и духовное всегда боролись, и я одолел первое в себе... И сын сторицей одаряет меня любовью всю-всю жизнь... Разве не Промысел Господний вел тогда меня, неразумного....

— Отказ (трижды) от Москвы при интуитивном ощущении долга, тайны, полнокровности при полной отдаче слову здесь, на родной земле...

— Отказ от института ради Слова после всех перипетий 86—90 года...

— Выход на тему Александра I, работа над трагедиями в стихах в зиму 2003 года, когда и начата эта Тетрадь, которая так много содержит чистых и почти божественных знаков Кормчего, ведущего меня. Даже внезапная смерть Наума Орлова, последняя беседа с которым в апреле 2003 г. кончилась словами его: «А пьесы-то нет. Это нельзя поставить на сцене...» И судьба убирает его резко и таинственно... (умер в августе с. г.)

— Отказ от плотской жизни уже с весны с. г. и постоянное напряжение от этого, соблазны иных вариантов, сны, полные видений и семейственных в них — и мучительное укрощение себя с постоянным упреком обиды и к жене, и к Господу, и собственному похотливому «я», которое противится и бунтует против старчества...

Если соединять воедино все это — это и будет цельная картина происходящего в системе «творчество — мир», которая совсем иначе открывает причинно-следственные связи, внешние проявления которых — лишь результат внутренних подвижек Духа, наконец-то одолеваящих злую животную плоть...

Странно, но это открывается лишь наедине, в Варламово, в моем божественном доме, где понимаешь все как траекторию Закона Терпения и Труда в противовес Нетерпению и Вспыльчивости...

И еще штрихи — в сентябре возвратился через пять лет другой Орлов — Валерий, с которым давно расстались — он уехал за рубеж, а теперь — снова на

Урале, и хочет сотрудничать и даже — быть менеджером подписки...

Сегодня такое письмо на 5-томное издание ушло на Губернатора с подписями тех, кто послан мне много лет назад Провидением — В. Королевым и В. Богдан-овским (Король и Богоданный Человек?? Почему такие фамилии здесь?..)

Можно ли поверить, что все это — просто так? Что я читаю книгу (10, 20, 30!? по счету) об Александре I А. Трубецкого — эмигранта — об Императоре, ушедшем в старцы. И это — работа 90-х годов XX века, и новые штрихи к облику Благословенного, вплоть до поворота к Евангелию и духовной победе над Наполеоном, зная при этом «Декларацию прав Человека» — от П. Строганова, Англию — от В. Кочубя, Польшу — от А. Чарторыйского и Н. Новосильцева.. Храм Христа-Спасителя не случаен тут (память 1812 г. — это поворот именно Ал-дра!), равно как версия ухода как Императора, так и Льва Толстого..

Вот какие круги мыслей о России дарит возраст, труд в одном направлении и упорная битва с самим собой.

И еще «Весенняя распутица» Пастернака:

«В далекий хутор на Урале
Тащился человек верхом...»

— о соловье-разбойнике в стране беглых каторжан...
И дан именно пейзаж Урала на фоне безумств Соловья (см. мои стихи в начале о соловье):

«Земля и небо, лес и поле
Ловили этот редкий звук,
Размеренные эти доли
Безумья, боли, счастья, мук...»

Вот какое взаимное пересечение с Б. А. открывается мне всегда и зрело, ненавязчиво и сердечно...

Спасибо, о жизнь, за такие откровенья, доли чистого неба Тайны и Провидения...

Именно в этой Тетради-2003 так много сделано и достигнуто, хотя пружина часов все сжимается и растет напряженность необходимого серьезного труда, к которому так хочется приникнуть средь суеты и мелочей...

*Написано в ночь с 10 по 11 сентября 2003 г.
в одиночье Варламова.*

МЫСЛИ В «ЗАВЕРШЕНИЕ» ТЕТРАДИ: «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ»...

Энциклопедия выживания (экзистенциализма)

Так бы я хотел назвать обобщенный материал тех поисков по гео-био-этно-социосфере, который делаю со студентами-экономистами.

Понять это возможно с объединенных (по-моему) философских позиций деизма и теизма (пантеизм Природы и Богодуховных моральных заповедей)...

Поневоле приходишь к объединенной позиции, где не хватает понимания и научного знания о сущности процессов: артефакты выпадают, имея человеческую, а следовательно — и моральную природу (смесь атеизма и теизма в причудливых сочетаниях)...

Можно ли это провести последовательно и одухотворенно, ибо, будучи нелогичной, природа Человека так сложна и враждебна Природе и Духу, что ее невозможно понять — лишь эмпирически обобщить... А призывы и проповеди бесполезны...

Таким предварительным выводом оканчивается тетрадь, начатая в январе 2003 года — годе наибольшей зрелости моей жизни, сочетания мысли и страсти, горечи и отчаянья...

12.09.03 г.

* * *

Моя любимая тетрадь —
 Моих раздумий излишние...
 Какое счастье вспоминать
 Твоих открытий состраданье...

Как будто светится сиянье,
 С небес исходит Благодать
 Печали тихая печать
 Смиряет юные желанья.

Дано ли нам понять себя,
 Просвечивая дни и годы,
 Обманность дерзостной свободы
 Или смиренность возлюбя...

Но ты, тетрадь труда и духа,
 Оттачиваешь чуткость слуха...

*12 сентября 2003 г.,
 д. Варламово: дождь, ветер, почти обвальное
 похолодание, слякоть и отчаяние селян, не успевших
 в поле закончить труды, тишиная для России и Урала
 озлобленность на все вокруг, кроме себя — любимого...
 Я включил отопление и вставил вторые рамы.
 Сожалею, что так мало могу сделать один: нужно
 водостоки сделать и отмостку дома, закончить
 кладку ограды в сад и изоляцию тамбура в баню...
 Увы, вызовы и для меня есть...*

Р. С.

В тетради 2003 года имеются также пьесы в стихах: «Екатерина III» и «Двоесердие», которые публикуются отдельно...
 (Примечание автора)

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето, бабье лето —
 Утешение земли...
 Слабым сонышком согреты
 Лес и пахота вдали.

Тучи временно ушли
 В даль, свои тая секреты,
 И, поэтами воспеты,
 Жнут степные корабли

Сладкозвучные колосья
 Бронзовеющих хлебов..
 В нашей жизни снова осень,
 А к зиме ты не готов..

Не готов. И страшно, страшно
 Смотрит прямо в душу пашня...

*16 сентября 2003 г.,
 с. Варламово.*

В честь 75-летия В. И. Соломина —
академика строительства и архитектуры

ПОДРАЖАНИЕ ПУШКИНУ

«То академик, то герой,
то мореплаватель, то плотник...»
(А. С. Пушкин, *стансы*)

И академик, и герой,
Знаток фундаментов и зданий —
Вы — основатель мирозданий
Со всей компьютерной игрой..

И — главное — вы нам родной
Всей основательностью знаний,
Уча предвидеть нас заранее
Стихии вероятный строй..

Опорный край страны — Урал,
Но нет опоры без расчета,
Вы трудитесь не для почета,
Чтоб строй российский процветал.

Вы — Царь расчета, хоть не плотник —
Вы просто царственный работник.
19 сентября 2003 г.

ОКТАБРЬ

Стояли гениальные погоды,
Пах яблоком антоновским октябрь,
И, редкая в такое время года,
Судьба сулила спад абракадабр..

Березы золоченый канделябр
Торжественно манил меня под своды,
Где пели гимн пернатые рапсоды,
Что им не страшен даже и декабрь..

И я поверил, что не страшен мир,
И будет смерть вся в золотом убранстве,
В таком же постепенном постоянстве,
Как этот, реквием поющий клир..

Ни ветерка, лишь шелестенье листьев,
И кровь Христа — рябиновые кисти..
*29 сентября 2003 г.,
парк Шериневского бора.*

ЭЛЕГИЯ ОСЕНИ

Жнивьё. Холмы. Осенняя пора.
И солнце золотое, и берёзы...
Посмотришь — и знакомые края
Вновь вызывают и восторг, и слезы...

Приносит грузди девочка моя, —
И нет старухи — бабы и стервозы,
А есть зимы грядущие угрозы,
И чудом сохраненная семья...

Природа в ожерелье красоты —
Как ты — моя жена и королева,
Несущая тяжёлые плоды,
Исполненная благодати и гнева...

Не далеки пурга и седина...
Как будешь ты тогда совсем одна...

5 октября 2003 г.

*Дорога через Архангельское, лес возле картофельного поля,
где мы сажали картофель с Наташей лет десять назад...
И был Мелёхин, и Анюта была подростком...*

39 ЛЕТ

(сонет)

Тридцать девять лет, как я женат,
Закален, как сталь упругой сабли,
И сильнее юноши стократ,
Хоть и силы прежние ослабли...

Обошли тюремные нотабли,
Не знаком военный мне наряд,
Но привычны и топор, и грабли,
И любим осенний старый сад...

Женщина, которая моя —
Мне, увы, по-прежнему чужая, —
Ворох и амбиций, и вранья,
Только мне и с ней не надо рая...

Гибкость и упругость — мой закон,
Он судьбой и жизнью закален...

5 октября 2003 г.

* * *

Сестра моя родная,
 Любимая моя...
 Ты чувствуешь — я знаю —
 И толику вранья,
 Ты веришь только чести
 Упорного труда,
 Не признавая мести
 И лести никогда...
 Но эта одинокость —
 Печальной ноты звук —
 Униженная кротость —
 Царица всех наук,
 Но эта боль ночная
 И глухота детей,
 Тебе — моя родная,
 Все с каждым днем
 Больней...
 Откуда эта горечь,
 Ты говоришь всегда:
 Такая наша доля —
 Вослед добру — беда...

19 октября 2003 г.

ОДИН ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Грогада дня осеннего:
 Внезапная любовь,
 Как чаша меда пенного
 Нам взволновала кровь,
 Потом — посадка астровой
 Рассады в палисад,
 Наперебежку с распрями —
 Кто в чем был виноват,
 Потом у кладки каменной
 Как бы дворцовый спор,
 Потом — сжиганье пламени,
 Где топливом — весь сор...
 И вот — трудом очищены —
 Как пара голубков,
 В урочище гриб ищем мы —
 Ты — ас, я — бестолков.
 Собака в грусти мечется
 Меж соснами в траве,
 Она — хоть онемечена —
 Жратва лишь в голове...
 И вот несемся, гордые,
 С опятами в ведре,
 А пес кивает мордюю,
 Испачканной в коре...
 Дорога неказистая
 Вся в золоте берез,
 Усеянная листьями,
 Что умерли в мороз...

А мы, опять ожившие,
 Вновь начинаем брань
 И раны, чуть зажившие, —
 Хлесть веником от бань...
 Нам жарко, мы распарены,
 Машина, как снаряд,
 Все просится в аварию —
 Решить, кто виноват...
 Конечно — я отвечаю,
 И на сцепление жму,
 Быстрее бы до места бы
 Добраться нам сквозь тьму...
 Ну, вот и дом. С поклажею,
 Сопя, как паровоз,
 Жену свою отважнюю
 Я, кажется, доvez...
 Потом гараж. Ей яблочки
 Румяные достал
 И мышцею ослабшею
 Замка замкнул металл.
 Домой придя — рассольником
 Без водки закусил,
 Обозван был раскольниковом
 Семейных дружных сил,
 И заклеял грязнулею,
 Запачкавшим весь пол,
 И расшатавшим стулья,
 Творя свой произвол...
 Собака лишь довольная,
 Грызя костей мослы,
 С охранных дел уволена,
 Пришла ко мне в послы...

И с нею, шумно дышащей
 От перегрузок дня,
 Я снова стал мальчишищем,
 А бабий мир — брехня..

*19 октября 2003 г.,
 после поездки в воскресенье на посадки
 многолетних трав и цветов в питомнике
 в Варламово.*

МИЛОЧКЕ 61 ГОД

Привет, старушка-бабушка!
С рождением тебя!
Здоровия неслабого
Во имя всех ребят.

Гражданское могущество
На грядках полюбя,
Цени свое имущество
Во имя всех ребят...

Настырностью богатая,
Родных всех беребя,
Ровный доход с затратами
Во имя всех ребят...

Грибы считая ценностью,
А водку — пригубя,
Ровняйся с современностью
Во имя всех ребят...

И — наконец — с величием
Меня всегда долбя,
Порадуй нас приличием
Во имя всех ребят.

22 октября 2003 г.

ТРИ СТАРЫХ СНИМКА

То было тридцать лет тому назад...
Я молод был и отрастил бородку,
А юный сын закончил детский сад
И в первый класс ходил, мать-сумасбродку
Не слушаясь упрямо, а со мной
Был шелковым, послушным и дотошным,
Читая Жюль Верна и Дюма...
Дом оглашался иногда истошным
Конфликтом — это юная жена
Моя Алешу изводила то посудой,
То кашей недоваренной... Она —
Та каша — нас до слез — мужчин обеих —
Выматывала, но терпели мы:
Мы ждали — дочку я, а он — сестричку,
И нервная беременность жены
Пронизывала дом, мотала нервы,
Алеша тихо плакал по ночам,
А я с ним вел окольные беседы —
Как должен от вести себя с сестрой,
Поскольку я уверен — будет дочка...
И эти снимки старые, с Москвы
Неведомым фотографом отсняты,
Спустя десятилетия принесла
Мне Ирочка — любимая сестричка,
На снимках с нами снятая в те годы
Причастием заезжим из столицы...
Те снимки появились в дни, когда
Мы отмечали шесть десятилетий
Жены моей, и дочь сидела рядом,
А внук — ровесник сына моего тех лет, —

Сноровисто боролся в коридоре
С двоюродными братьями, визжа..
И думал я — как жизнь прошла мгновенно,
И сын мой не поздравил снова мать,
И у него — увы — не будет дочки,
Поскольку он богат, жена упряма,
Они привыкли ездить за границу —
То в Таиланд, то в Англию, то в Штаты,
А я — в провинции — почти уговорил
И дочь свою, и зятя — костоправа
Решиться на ребенка на второго..
На этих снимках молод я, и вызов
И в позе, и в манере одеваться,
Жена печальна, и бледна, устала —
Почти полгода дочь нося под сердцем..
22 октября 2003 г.

РАМАДАН

Воздержись от развлечений,
От еды и увлечений,
От разврата и питья,
От совместного житья..
Если ты мудрец не слабый —
Помолись земле Каабы,
Магомету-мудрецу
И прости обман глушцу.
27 октября 2003 г.

* * *

Страны убийство на моих глазах
 Свершает эта банда-камарилья,
 Посеяв снова ложь и черный страх,
 И молодежи подрезая крылья.

У них в руках — орудие всеилья,
 Пусть матери замечутся в слезах —
 Они — холодные, с моралью на устах —
 Втыкают в них для боли бандерилья...

Они залезли к ним в ночные сны,
 И иссушили их воображение,
 Не мысль у них, а только привиденья,
 И жажда власти — силы сатаны...

О! Дьявольская ханжеская муть,
 В которой от тоски не продохнуть...

29 октября 2003 г.

ДВА ХИЩНИКА

Моя собака снова голодна,
 Отбросы ищет с жадностью она,
 Рвет поводок, почуяв чье-то мясо,
 И пожирает, вся трясаясь, припасы...

Моя собака, мой красивый пес
 Мне не ответит на простой вопрос —
 «Каков предел насытиться тебе,
 Я изнемог в кормежке и гульбе...»

Мой друг еврейский — жадный музыкант —
 Имеет богом созданный талант,
 Но мал ему российский гонорар,
 Пусть он не молод, но отнюдь не стар.

Я не задам ему пустой вопрос:
 «Ты в этих землях счастливо возрос,
 Обучен, дипломирован и сыт,
 Зачем же Запад так тебя манит...»

Вопрос измешен: он на скрипке — бог,
 Ему открыты тысячи дорог,
 Его любя, я слушаю смычок, —
 Обычный и российский дурачок..

29 октября 2003 г.

* * *

Когда неведомым путем
Ведет Господь тебя по миру —
Не думай Разумом о том,
Настроить как для славы лиру...

Не поклоняйся лишь кумиру
И не являйся знатоком,
Вотще открывшему ключом
Высокознания порфиру...

Нас утешает простота
Еды, поездок и общений,
Волна высоких увлечений
И ясность русского креста...

Былое наше бесконечно
И в простоте своей сердечно...

*8 ноября 2003 г.,
г. Екатеринбург.
(после 3-х дневной поездки в Н. Таши
и Висим на 150-летие Мамина-Сибиряка)*

НА ШИХАНЕ В ВИСИМЕ — РОДИНЕ МАМИНА-СИБИРЯКА

Еловая полу-тайга
На высоте полета птицы,
И неглубокие снега
Континентальной вдоль границы.
Внизу — поселок, где завод
Давно снесен и обезглавлен,
Но тот же нищенский народ,
Что в книгах земляка прославлен.
Ушли дома на три конца
С печными трубами, как ране,
И санный голос бубенца
Звонит, как прежде, меж домами..
И до сих пор здесь кержаки
Угрюмо косятся на запад —
Все — богоносцы вопреки
Идеям новым и внезапным...

*Ноябрь 2003 г.,
Пос. Висим Свердловской обл.*

ХРАМ НА КРОВИ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Царица бронзовая в страхе
 Последний намечает крест,
 Империя лежит во прахе
 На сотни тысяч верст окрест.
 Кровавый шабаш правят бесы,
 Растапывая старый мир,
 И в облаках поет небесный,
 Страдальцам сострада, клир..
 Не сим убийством ли гордились
 Мы в наши давние года,
 Что с старым миром распростились
 Мы — новомирицы — навсегда..
 Но снова в золоте, в окладах
 Царица, царь и дети их..
 Собор восстал во центре града,
 Что был в народной мести лих..
 Народной местию прославлен —
 Он Золотым Собором гора,
 Где всем забывчивым представлен
 Убийств и подлостей рекорд..
 Не так ли нынче ты — Россия —
 Собор Вселенский на крови..
 Вождь пролетарский иль Мессия —
 Кумир, как хочешь, — назови..
 Не припадет к иконе старец,
 Несущий Сталина портрет,
 Не мы ль с кумиром не расстались
 На тысячу грядущих лет..

8—9 ноября 2003 г.,
 г. Екатеринбург.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ОТЗЫВЫ О МОИХ «ОПУСАХ» (2003 г., группа СГФ-110)

«Политехники»:

В повести есть чему поучиться. В ней так много познавательного, что я бы посоветовала прочесть ее каждому, кто только начинает жить..

Ирина Морозова, 2003

Повести учат вечному, прекрасному: любви к родному краю, к природе, к родителям и близким, уважению, честности, порядочности — то есть воспитанию в себе настоящего человека.

Тамара Лысак

Хотя действие повести происходит в 50-е годы, я не перестаю удивляться — как похоже то время на современность.

Света Петрова

Автор раскрывает и исследует в своих героях присущие русскому человеку качества: честность, доброту, совестливость, причем в мире, где огромно давление лицемерия, равнодушия и лжи.

Меня поразили авторские афоризмы и врезались в память: «сам себе человек — плохой судья», «коротка человеческая жизнь: только начинаешь в сути разбираться, а — уже звонок звенит», «под старость человек цедит жизнь по капле, как лучшее вино, которое он раньше пил бокалами», «жестокость юность на этом свете»...

Повесть «Политехники» помогла мне понять в жизни то, что чаще всего не замечаешь и считаешь мелочью, а, в сущности, вся жизнь состоит из таких мелочей..

Екатерина Назарова

«Записки Вахонина»:

О самых сложных вещах автор пишет просто и с чувством. Его слова просты и вместе с тем — уникальны. Автор показал, что нужно анализировать жизнь и признавать ошибки...

А. Каримова

Прочитав эту «книгу жизни», я как будто сама пережила некоторые ее моменты и поняла, что для автора были и остаются главными три слова: отец, литература, женщина...

Земфира Кожьянова

Автор владеет необычайным искусством красочных описаний... Первый стыд. Первое унижение — все это знакомо до боли каждому подростку. Юные разные и непохожие судьбы описаны на фоне родного и любимого города.

А. Кочетова

«Золотое сечение»:

Герои этой повести «прорастают» друг из друга... Происходит как бы переход от узкого понимания тайны «Золотого сечения» к более широкому, глобальному... Они ищут идеал золотого сечения архитектуры, семьи, прожития жизни. И каждый делает свой шаг к обретению этой гармонии...

Светлана Уланова

«О матери, о Родине, о вере»:

Стихи выходят у автора из-под пера удивительно легко и свободно. И в то же время в каждом стихотворении, в каждой самой маленькой новелле чувствуется максималистский подход к замыслу...

Каждая новелла удивительна, в чем-то феноменальна, причем автор пытается разными средствами улучшить мир и людей. То, что он делает, наверное, должен делать каждый писатель, который *доверительно* обращается к народу. Он уверен — и народ ответит доверительным интересом к нему.

Наталья Дорина

Почему, когда автор говорит о своем — я вижу себя, свою семью, свою маму...

Наверно, потому что не бывает на свете чужих матерей — есть только образ святой материнской любви, слитый с образом Богородицы...

От этих мыслей мне становится спокойно и радостно.

А. Нефедова

«Иду по Земле»:

Если вдуматься, то можно понять, что без особенно «технического» языка эти рассказы не были бы так ярки в описаниях простого рабочего человека и его труда... Автор хочет, чтобы каждый человек внес хотя бы частичку себя в историю своей земли-матери.

Елена Учайкина

О книге «Урал в судьбе России»:

Мне казалось, что Урал для меня — давно прочитанная книга детства.

Но мне повезло — читая строки Кирилла Шишова я поняла, что пропустила в книге «Урал» лучшие страницы... Эта книга — свежий взгляд, когда о сложном говорится простым языком. А это — большое искусство...

Елена Шулика

«Взрыв»:

Еще мой дед, работавший всю жизнь на Уфалейском заводе, рассказывал мне о жаре, о копоти, изможденных рабочих и о стальных листах, которыми крыт лондонский парламент.

Автор подкупает в книге достоверностью описаний. Чувствуется, что все, о чем он пишет — ему близко и дорого.

Ирина Бурова

«Не дай мне бог...»

Спасибо писателю, который сумел в литературной обработке подать историческую дуэль Пушкина в новой обработке.

Уралец и поэт, он показал новое, невиданное раньше, не испортив «ядро истории». Но он сделал доступным каждому русскому внутренние мотивы Гения России...

Света Комарова

12 ДЕКАБРЯ — ДЕНЬ 10-ЛЕТИЯ КОНСТИТУЦИИ 1993 г.

Моя любимая, моя судьбоносная, выстрадавшая нашим поколением 60-х Конституция с разделом «Права Человека», трудом Собчака, чьим другом якобы был нынешний президент — выкормыш ЧК, «белая кровь», так виртуозно и тихо уничтоживший партии интеллигенции «Яблоко» и СПС — партию якобы среднего зажиточного класса малых предпринимателей, которых на деле вообще не оказалось, а интеллигенция с ее жаждой мира теперь, махнув рукой на предпринимательство, что стало вонять дерьмом добычи, снова вернулась к поддержке дурно пахнущей, но сносной власти, страшась терроризма, национализма, коммунизма и прочих бед мира и спокойствия, которые всегда характеризовали городское мещанство...

Итак, вновь — на кухню, вновь — в подполье и снобизм к политикам и чиновникам, на котором выросли мы — 60-ки, презирая не догмы КПСС, а их безвкусице, тупость, догматизм и неспособность к элегантной культуре, шедшей с Запада.

Сегодня идет осмысление итогов Выборов.

«Круглый стол» от 12.12.03.

Вл. Рыжков: Дума однопартийная? Нет, президент переместит «Единую Россию» вправо. Центр — АДПР, Родина. Левая — КПРФ.

Георгий Сатаров: Думаю, вряд ли. Все это ненадолго — монолит расколется — будет идти подготовка к 2008 году и выборам Президента нового...

Социолог: Решения будет давать Администрация Президента, а Дума будет меняться по указке.

Сатаров: «Многобашенная» политика — раскол внутри бюрократии Администрации...

Социолог: Излишки уйдут в карманы Администрации или в Швейцарские банки... Все пройдет мимо людей.

Рыжков: Это — не тема. Тема: воздух в России изменился: общество видит «ЮКОС» — Ходорковского.

Глазьев кричал о ренте — и все поняли, что кормушка есть. Надо: сажать (х), поделить (ренту), защитить (Тузла!).

Расправа, дележка, враги — вот на чем объединились все вокруг «Родины» и Путина. Общество ждет продолжения авансов общества. Но Путин — не может сделать, как Жириновский (Рогозин, Глазьев): посадить, взять Абхазию и Аджарию...

«Дума не может впадать в эйфорию», — сказал Путин, отложив обсуждение выборов: он задумался...

Сатаров: «ЮКОС» дал взлет поборов со всех бизнесменов. Все — в ужасе опять — бежать и уезжать... СПС и «Яблоко» — ушли, нет защиты, потерян электорат.

Партии похоронены, ибо внутри партий идет конфликт полный. Это поражение — от сделки с Путиным («дьяволом власти»). Президент тащил «Яблоко» в думу, а Явлинский вылизывает Президента — теряя все сразу... Березовский, видимо, прав...

Рыжков: Сегодня никого не интересовали абстрактные вещи: ЖЭК, рабочие места, беспредел милиции... Правые ничего не говорили о реальных вещах, а кричали — о фашизме! Где они увидели его? Но Чубайс писал о своих победах в ЛЭП.

Михаил Десягин (д. э. н., социолог): Сбылась мечта Березовского — новый старый режим убрал figовые листочки (Яблоко, СПС) и будет «сворачивать горы»: они наломают дров, обострят все — громадными потерями...

Надо стать критиками Власти, ибо советовать им (победителям) бесполезно.

Сатаров: С 2000 г. лозунг власти: «Жизнь гораздо проще, чем советовали Умники!»...

Кастрация экспертов (до 15%) бюрократами.

Ведущий: Что будет? Рента — Глазьев?

Десягин: Силловые олигархи против эконом. олигархов: капитал будет убежать срочно, но коммерческий интерес есть и у власти. Будет замедляться народный гнев, но нужно показывать «либерализм»...

В соц. сфере выборы прошли и люди перестали играть любую роль...

Рыжков: Если Тузла и передел — то Путин будет менять курс, повестку дня. Выборы дают шанс: «Да, рента! Но богатство не в этом, а в новых технологиях»...

«Да, Тузла, но путем договоров»...

Работает группа Шувалова: там 5 ориентиров (Саша Жуков, Резник, Плещачевский — либералы).

Сатаров: Вряд ли. Тема Путина — на Выборах — это коррупция (оборотни, заговор олигархов и т. п.). И что делает Президент... Будет ли он «парить над схваткой» («Горнолыжность»).

Ведущий: А новое правительство?

М. Десягин: Касьянов — не техн. премьер. Он сидит долго, и это — опасно. А Путину нужен техн. премьер.

Рыжков: Не думаю — Рогозин хочет иметь «патриотического премьера»: Жуков, Кудрин, без Касьянова... Путин понимает, что контекст нужен либеральный. Для Европы...

Десягин: Я был бы счастлив этому, но неэффективных европейцев нам не надо...

Сатаров: Путин все время балансирует, восстанавливая соотношение сил: он даже из «Яблока» возьмет членов

в Правительство. Нужен Алешин Борис — русский либерал во Фракции Единая Россия.

Рыжков: Правительство Единой России будет либерально-партийным...

Десягин: Тогда правительство будет отвечать за все, а не Президент.

Ведущий: Тогда Путин пойдет на выборы как не Лидер Партии, а как Отец Нации? Широкий фронт? И я бы пошел 2-м путем: стал на широкий фронт (как Де Голль «управлял», а премьер «правил» — рассказ о Франции 50-х гг.).

Рыжков: Путин обязан переломить контекст, иначе Жириновский наберет больше...

Сатаров: Нужен кандидат от либералов! «Отморозки» — те же, «власть» — та же, а где «правые»? Это ужасно...

Десягин: Повестка дня такова, как жизнь: нет будущего, и душа русская страдает. Жириновский и Рогозин — ответ на это.

Рыжков: Путин должен встать в центре, а если он будет либералом — то это опасно?

* * *

Десять лет второму внуку,
Глобализму — десять лет...
Кто подобную науку
Нам придумал, застя свет.
Вновь Империи берем
Кто-то видит наяву,
Хоть не рядом это время,
До него не доживу,
Ну а внук — наивно-слабый,
Он — готов ли он в рабы,
Мир сменил свои масштабы
В жесткой строгости судьбы.
Золотого миллиарда
Из России не видать,
Как внебрачному бастарду
Графом сроду не бывать.
Суждено ли окоянство
Этой сладостной стране —
Только вряд ли постоянство
Внукам выпадет, как мне...

15 декабря 2003 г. 23³⁰

* * *

Сребролюбие — старая ноша,
 Властолюбие — древний порок..
 Этот мир — не плохой, не хороший,
 А такой, как создал его Бог.
 Ну, а ты — в этом мире невольник —
 Что ты сделал в короткой судьбе,
 Чтоб умерить свое своеволие,
 Себялюбие нося на горбе..

28 декабря 2003 г.

МОЛОДОМУ СОВРЕМЕННОМУ

Выпил — бросил на землю бутылку.
 Съел — отбросил к оврагу пакет.
 Стукнул женщину по затылку,
 С ней закончив постыдный минет..

Милый варвар, наивный подонок,
 Обезьяноподобный чудака,
 Демократии сын бесподобный,
 Внуков-правнуков собственных враг.

Ты очнешься. Конечно, очнешься.
 На могиле жены иль отца,
 Иль под старость в испуге сопьешься,
 Проклятая сынка-подлеца..

Ну, а Родина простоволосо
 Все равно отгрызает тебя,
 Зарастая дерьмом и коростой
 И прогнившей водою рябья..

А, пока, а пока — не печалься,
 Мой печальной страны мотылек,
 Коли держат горячее пальцы,
 И зудит жизнелюбие меж ног..

*28 декабря 2003 г.
 рассвет 5³⁰—6³⁰ утра*

БОУЛИНГ

Сегодня внука пригласили на день рождения в боулинг. Родители были заняты, и он объявил, что я должен вести его в это заведение и непременно — с подарком..?

Почему именно я и непременно с подарком? Истратив все накопления на новогоднюю подготовку (будут встречи у родственников в городе, потом — на сельской даче, где будут и шашлыки в камине, и друзья из соседней деревни, и банные процедуры), я — естественно — попробовал возмутиться:

— Почему я обязан не только тебя вести за ручку — десятилетнего оболтуса, но и непременно покупать подарок?

— Ты понимаешь, дед, он мне дарил такие дорогие подарки в прошлый раз — и диски, и настольные игры, и открытку. А там написано, что друга не заменят ни компьютер, ни видик, ни всякие автомобили... Он — умный, понимаешь. Мы должны ему купить что-то особенное. А папа этого не понял, отказался и ушел к друзьям. Кто-то же должен меня выручить, понимаешь...

Выручать пришлось, вытаскивая записки, спрятанные от жены и в надежде на зарплату, которую обещали выдать до Нового Года...

Боже мой! Уже первый високосный год Нового Тысячелетия на пороге, а я все еще живу прошлым столетием — книгами, дневниками, мемуарами...

— Ладно, — с горечью сказал я, — пойдем посмотрим что-нибудь... Книги-то он хоть любит?..

— Книги не модно, дед. Но так как компьютера у него нет — давай кассету купим, только подороже и помоднее...

— Ну нет, — запротестовал я, — либо книги, либо что-то для учебы, и я буду стоять насмерть на этом: твои диски и кассеты — одна видимость. Как мне тебя убедить — главное — не видимо глазу. Вы все — дети компьютерной

видимости, у вас ни на грош собственного ума и знания... Ты капитана Немо год прочитать не можешь, все стонешь, что сложно: моря, острова, всякие животные... Ты будешь просто профаном...

Внук уже оделся и стоял наготове. Чтобы не вступать в полемику, он согласился:

— Ладно, пойдем, а там посмотрим.

В магазине возле дома, где торговали школьными товарами, было все: и изящные мягкие пеналы, и календари, и тетради всех видов, и альбомы, кисти, карандаши...

— Не-не-не, — заскулил внук, — это у него все есть. Ни в коем случае не покупай...

— Ну, тогда Глобус! Видишь, вот отличный, недорогой, как у нас дома, и на подставке...

— А большой — можешь? — сосчитал внук цены четырех видов глобусов.

— Не потяну, — вздохнул я.

— Ладно, купи маленький, а потом кассету, — жестко отрезал малец рыночной эпохи...

— Сколько стоит «Ледовый витязь»? — строго затребовал он у продавца.

— Триста...

— Нет, это дорого. А «Робин Гуд»?

Мальчик ориентировался мгновенно и лихо в этих монбланах ширпотребного дерьма, которое мне казалось бросовым и юридствующим. Наконец, цена стала соответствовать моим последним оставшимся средствам, и они мгновенно откочевали в кассу супермаркета в стиле эпохи...

— Вот, теперь не стыдно будет, — удовлетворенно констатировал внук и, засунув мне в карман дубленки кассету, смело пошел к мгновенно и услужливо распахнувшимся дверям...

Я шел за ним, обреченно и устало думая — как странно формируется это новое потребительское поколение: на дни рождения ходят по американским боулингам и немецким ресторанам, в будни по пять раз в неделю стреляют на групповых играх из лазерных игрушечных автоматов в специальных темных комнатах «Империи игр», летом вместе с родителями развлекаются на море вместо работы в саду или на картофельных сотках, как вынуждены были мы в наших нищих семьях...

И двери перед ними везде скоро будут распахиваться легко и автоматически — стоит только подойти ко входу в эту новую трансцендентную эру...

Признаться, я не завидовал этому, я знал, что ни одни настоящие двери не открываются без труда, без истовой работы и кровотокающих потерь, без чудовищного саднящего напряжения и без кровотокающих ран на всю жизнь...

Я послушно отвел внука ко входу в боулинг, где возле дверей стоял мрачного вида охранник, куря дорогую сигару...

«Может быть, этому поколению все-таки повезет в виде исключения?» — спросил я у Господа Бога, который явно парил надо мною в мареве городских промвыбросов, оставляя во рту привкус цинка и аминокислоты...

Бог, как всегда, молчал, а вместо ответа посланная им робко твякнула маленькая овчарка с красиво стоящими топориком ушками и прямым породистым хвостиком, поджатым от холода ко впадолу животу... Собака выскочила из подвала того самого боулинга, куда ушел внук...

Я понял, что придется идти домой за хлебом и колбасой, ибо взять в дом третье живое существо, не считая внука, я просто не потяну... А собака была великолепна, чистопородна и удивительно пронзительна взглядом, полным тоски и ужаса перед этим страшным, полным угроз, миром...

29 декабря 2003 г.

ЧЕТВЕРОСТИШЬЯ

(В подражание Ф. Тютчеву)

* * *

Нам будущее не дано узнать
И Господа предначертанья,
Коль не придется испытать
Все роковые притязанья...

* * *

Грядущее сокрыто в тьме
Предначертания Природы,
Пока в предезостном уме —
Соблазн иллюзии свободы...

* * *

Мы не свободны в тесноте
Законов бытия Природы,
Пока пребудем в темноте
Иллюзии своей свободы...

* * *

Пока пребудет Человек
В иллюзии своей свободы —
Он не избавится навек
Он мощной правоты Природы.

* * *

Не стоит тешиться — увы —
Иллюзией своей свободы,
Пока в начинке головы —
Соблазны противу Природы...

* * *

Тебе — Россия — испытать
 Придется первой суть закона,
 Что разум жидет благодать
 На горе нищенства и стона..

* * *

Напрасны дерзость и гордыня
 В тщеславьи разума — увьы —
 Пока в небрежности святыня
 Природы сладостной канвы..

* * *

Она в безмолвии пребудет,
 Свидетельствуя немотой,
 Что в гордости забыли люди
 О роковой черте святой..

* * *

Соитья, сладкого соитья
 Тщеславный жаждет Человек,
 Хотя влекут его события
 В стремнину темных, мутных рек..

* * *

Настороженно Лик Природы
 Введет по жизни нас в соблазн,
 Чтоб, тешась таинством Свободы,
 Мы шли, ликующе, на казнь..

* * *

Себя самих не разумея,
 Мы не избавлены — увьы —
 От искушенья Евы — Змеем,
 Адама — мудростью Совьы..

* * *

Поскольку нам досталась Старость
 И сожаленья о Былом —
 Отбросим немощь и усталость
 И оду юности споем..

* * *

Безмерно мщенье Природы
 За преступление черты
 В безумье дерзостной свободы
 Сокрытой в жизни правоты..

* * *

Не счесть потерь вселенской жизни
 От жадной похоти людской,
 И тут бессильны укоризны —
 Лишь Рок свершает суд мирской..

О своем я уже не заплачу,
 Но не видеть бы мне на земле
 Роковое клеймо неудачи
 На еще безмятежном Челе.

А. Ахматова

* * *

Юной женщины скрытая алчность —
 Как понятна мне и как близка..
 Словно дети бесплотные плачут,
 Не рождены, вблизи, у виска...

Ночь 29 декабря 2003 г.

После горечи бесед с современниками.

* * *

«Еще молимся о непостыдной кончине
 живота своего...»

(Православная молитва)

В конце концов — какое дело
 О непостыдстве живота
 Молиться молча, неумело
 Среди православного поста..
 Себя скверня вином-распутством
 И ложью тайной и срамной,
 Забыв о таинстве напутствий
 Во имя родины святой —
 Ты только к старости воспринял
 Смиренье похоти земной,
 И, отрекаясь от гордыни
 Стыдишься матери родной..
 Утешься — небо не приемлет
 Раскаянья преклонных лет..
 Ты оскверненно ляжешь в землю,
 Как догнивающий скелет.
 Но я, ничем не отличаясь,
 Сгнию в земле возле тебя,
 Не заслуживши у начальства
 Расположения, скорбя.
 И нас сровняет подхалимство
 И семуудрая молва,
 Хоть чести с Разумом единство
 Познать успел я лишь едва..
 И стыдно мне просить у Бога
 Кончины в некоей правоте..
 У нас с тобой — одна дорога —
 Постыдно сгинуть в нищете..

29 декабря 2003 г.

ночь после неудачного распутства..

— **Конец 4-ой тетради** —

* * *

В вершине жизненного цикла
Как упоительны те дни,
Когда любовь опять возникла
В разгаре мелкой суетни.

Ее не в силах отменить
Ни гул машин, ни мотоцикла,
Она возникла и не сникла,
Хотя не молоды ей дни...

Любовь! И преданность, и память —
Всей жизни сокровенный смысл,
Как звук молитвы в древнем храме,
Где слиты жертвенность и мысль...

Не предавать себя и совесть —
Вот всей любви простая повесть...

1 января 2004 г.

* * *

Знакомое тело до боли —
Летающее тело ко мне,
Стремление дерзостной воли,
Уже уходящей во тьме...

Тогда ты пригрезилась мне
Подобная юной Ассолы,
И годы — секунда, не боле,
В волшебном любовном огне.

Не знаю другого, не знаю,
Всегда присягаю тебе, —
Земному внезапному раю
В своей изнуренной судьбе.

Пусть я исчезну, как птица —
Мгновение в детях продлится...

1 января 2004 г.

* * *

Сладость губ, чуткость мягкого тела,
 Воспаленная радость любви —
 Разве Жизнь не сама захотела
 Нам отдать все секреты свои..

Сколько мук заплатили мы вместе,
 Чтоб возникла слиянность души,
 То взвиваясь огнем до агрессий,
 То весь дом собираясь крушить..

О, терпенье и кротость надежды,
 Как награды твои дороги,
 Коли стали мы кротки — невежды,
 Коли стали друзьями — враги..

1 января 2004 г.

* * *

Исполать тебе — жизнь-однолюбка,
 Прародительница всех тайн,
 Лютой вольницы душегубка,
 И свободы колхозный комбайн..

Нестерпима твоя прописуха —
 Катехизис догматов сухих..
 Только древнее слово «присуха»
 Дополняет взволнованный стих..

Мы не ведаем, что с нами будет,
 Потому что у жизни — птенцы..
 А Любовь оживит и остудит,
 И с началом завяжет концы.

Ненасытная, жгучая тайна
 Нас с годами завяжет узлом,
 И судьбою нам станет случайность,
 И ковчегом — причудливый дом..

*1 января 2004 г.
 с. Варламово.*

* * *

Примета Верности — Любовь
 На долгий срок, как слиток золота,
 Она все менее — утрата,
 Она все более нам новь...

И ей уже не прекословь
 На фоне позднего заката,
 Так в древнем храме Стратилата
 Считается на иконе кровь...

Природы праведный закон
 Как постигаем мы столь поздно,
 Столь почитая несерьезным
 Наследье отгичских времен.

Господь нас вразумляет глухо,
 Давая истины... старухам...

1 января 2004 г.

* * *

О! Красота дворянская усадьба!
 О, нынешних домов частных участь,
 Пригодных лишь для пьянок — не для свадьб,
 В которых жить возможно, только мучась...

Доход — ничтожней ставки Бергалуччо,
 И отопленья меньше, чем мансард —
 И все же — личный собственный азарт
 Идет на риск кредитов и получек...

Народ — разболтан, пьян и вороват,
 Энергия дороже похоронок,
 Но все же в них блаженствует ребенок
 И деревенский воздух — аромат...

Кошунственна и собственность, и ужас,
 Но мы идем на это, поднатужась...

*Ночь с 1 на 2 января 2004 г.,
 с. Варламово.*

МИР — НЕ ТОВАР!

Зима нежней, чем сам крольчатый мех,
Снега скромней, чем у вдовы — поминки..
В глобальном и всемирном поединке
Все больше преваляет наш грех...

Мы все грешны настырностью измен,
Природы презирая равноценность,
За нашу совокупную надменность
Все круче ход погодных перемен.

Теплей зима, засушливей весна,
Дождливей лето и пустыни круче,
Предвестием угрозы неминучей —
Бесптичья и безверья тишина.

Украдывая будущность у внуков,
Мы не способны суть понять науки...

*Ночь с 1 на 2 января 2004 г.,
с. Варлаамово.*

УТРО УТРАТ

Цикл (на конец 2003 г.)

«Ныне — впервые после полуторавекового периода (с 1860—1960 гг.) открывается возможность размышления об интеллигенции более или менее объективно и беспристрастно»

В. Кожин. Победы и беды России.
М., 2002

* * *

На утро утраченный год
Был нами потерян навечно,
И бледной полоскою млечной
Светил нам событий уход..

Светило путем бесконечным
Вело деревенский народ,
Что кончил гулянки беспечно,
Сомкнув ненадолго свой рот..

А мы, истомленные знаньем
Всей жизненной углой тлетье,
Ведомые жадным дерзаньем
Ума средь людской суеты —

Мы горько прощались с надеждой,
Что нас обманула, как прежде..

* * *

Не партий жаль, покинувших парламент,
Не лидеров, приравненных к дерьму,
Не пустословый выспренный регламент
И не раздоров жалких кутерьму —

Жаль родину святую потому,
 Что был провален зрелости экзамен,
 И нищих толп тщедушный темперамент
 Вновь жаждет правежа, несясь во тьму...

Блестит к утру нагая сталь оценок;
 Отсвечивает тускло инструмент,
 Готовый к посетителям застенок
 Закончит, наконец, эксперимент,

И торжество наставшего момента
 Оценит скоро взгляд интеллигента...

* * *

«Людская подлость бесконечна» —
 Изрек мыслитель-альбинос,
 И Альбион с тех пор извечно
 Триадой гидр решил вопрос:

Три Зла задуманы всерьез,
 Поскольку время скоротечно —
 Две гидры, третью изучеца,
 Ее притащат на помост,

А там, башку ей отрубивши,
 Другую вырастят потом,
 Чуть поумней той третьей — бывшей —
 И обозленнее притом...

Так сохраняют эти злыдни
 Порядок в Англии бесстыдной...

* * *

Не так в России, чья ментальность
 Боится множества голов,
 В них видя смуту и нахальность
 Под магией красивых слов...

И потому народ готов
 Вождя изгладить моментально
 Ему вручив свою сакральность
 По сбережению основ...

Священна Власть святой державы,
 Едина, праведна во всем,
 А, коли власть не удержала —
 Горите власти все огнем...

Тогда Народ, ярясь от гнева,
 В огне сожжет всей власти древо...

* * *

Утрачен год. Ушла эпоха.
 Сгорели власти все огнем,
 Но мощен рост чертополоха
 На поле древнем, но пустом...

Все зарастает сорняком,
 А не пшеницей иль горохом,
 И лезут к власти кабыздохи,
 Откормленные обшачком...

Все — по обличью — херувимы,
 По обращению — менты,
 А по повадкам — властелины,
 В штаны спрятавши хвосты...

И в гуде криков ликованья
 Сулят Земле — обетованье...

* * *

Сулят земле обетованье,
 Поскольку поля сорняки
 Легко, болваня и дурманя,
 Заставить кушать хлеб с руки...

Беспамятные дураки,
 Пусть не мещане, не крестьяне —
 Нуждаются всегда в обмане,
 Что к сытости пути легки...

Сыны потомственной халявы,
 Не знающие слова «честь»,
 Возжаждут опять расправы
 В обмен на скаредную лесть.

Так празднословия беспутность
 Влечет бесславы и преступность...

Но не волк я по сути своей..
О. Мандельштам

* * *

Изничтожена совесть.. И быдло
 Вновь готово под барскую плеть..
 Как в родимой России обрыдло
 Эту нечисть и зреть, и терпеть...

Снова будут усадьбы гореть,
 Будут ложками лопать повидло,
 И юродствовать зло и постыдно,
 Низвергая изящную медь..

Растеряв постаменты державы,
 Оплевав и друзей, и врагов,
 Сыновей-пустоцветов рожая,
 О, страна, как твой путь бестолоков..

Почему же так грустно-чудесен
 Склад твоих и пословиц, и песен..

* * *

Склад ядреных пословиц чудесен
 Как контрасты и жара, и льда,
 Когда прорубь всей наледью треснет,
 И Крепшенья охватит вода..

А ожог векового стыда,
 Если в Пасху природа воскреснет,
 И нахлынет опять неизвестность —
 То ли счастье грядет, то ль беда..

Непосильная тяжесть пространства
 Вновь душе не дает очерстветь...
 Ты — не житель, не подданный. Странник!
 И, страдая, готов умереть.

Только русской душе очевидно —
 Лишь бы смерть к нам пришла не постыдна...

* * *

Лишь бы смерть к нам пришла не постыдна,
 Лишь бы мать не краснела за нас,
 Лишь бы не было в жизни обидно,
 Если кто-то руки не подаст...

Друг обманет, подруга предаст —
 Пусть вина твоя не очевидна —
 Их прощая не явно, но скрытно,
 Избегай соглядатайства глаз...

Прячась в тайне молчанья и дела,
 И, приметы судьбы находя,
 Не сквернися ни духом, ни телом,
 Не беря и чужого гвоздя...

Осквернение — это причина,
 Что постыдны и жизнь, и кончина...

* * *

Что постыдны и жизнь, и кончина —
 Только сам Человек виноват...
 У него не лицо, а личина,
 У него не со-гласье, а взгляд...

Он не ведал: душа — это сад,
 Где растет сорняком чертовщина.
 Коли в ней не полоть — то кручина
 Превращает обыденность — в ад...

Путь земной потрудней, чем небесный.
 Путь в России — исканье добра,
 Только вряд ли кому неизвестно,
 Что оно не в куске серебра...

Укрепись же, земляк-современник,
 Возродись-возродись соплеменник...
 2 января 2004 г. с 8.⁰⁰ до 22.³⁰
 с. Варламово.

В ЧЕСТЬ 70-ЛЕТИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Прозвучало на торжестве в Театре оперы
и балета 17.01.04

ОДА РОДНОМУ КРАЮ

Где Азия встречается с Европой —
Границы нашей области лежат
Сред гор и скал, где только козы тропы,
Где яшма, малахит и камнепад.
От Аркаима до горы Магнитной
И до истоков царственной Уфы
Лежит страна озер и ильменита
Легендой поэтической строфы...
Древнейший край кочевников-номадов,
Что помнит диких конников набег,
И где хранят сокровища курганов
Ту бронзу, что добыл здесь человек...
Мы с давних пор — жрецы и металлурги,
Поэты и романтики судьбы,
И мы — побед российских демиурги
И мастера пшеничной молотбы...
И здесь, в краю Бажова и Ручьева,
Всегда ковался родины рывок
В восстаниях казачьих Пугачева,
В создании стремительных дорог...
Великий путь железный и заводы
Преобразили этот древний край,
И страстное желание свободы
На стягах нес рабочий Первомай...

Мы возвели трудами поколений
Могущество державы, и горды,
Что космоса достиг российский Гений,
Низвергнув волны вражеской орды...
Пока на свете ищут Справедливость —
То мы встаем, сомкнув к плечу плечо...
Челябинская область у России —
Стальное сердце, мудрость и расчет...
Мы стали домом множеству народов,
Мы — пограничье новое страны,
И нам знакомо Таинство Природы
И взлет экономической волны...
Нелегко путь грядущих поколений.
Порукою успеху — только труд...
Вперед, вперед, без страха и сомнений,
Опорным Краем нас не зря зовут.

7—8 января 2004 г.

ШАМΠΑНСКОЕ «АБРАУ-ДЮРСО»

Цикл

* * *

Напиток священный в России —
Искристый шальной романтизм,
При солнечном свете красивый
В кристальном свечении призм...

В нем скрыт доброты гуманизм,
И есть ощущение силы...
Как будто вещают сивиллы,
Как радостна скромная жизнь...

Припомнишь с ним молодость, счастье,
Любимые дни кутежа
И женской всеилие власти,
И бурные дни мятежа...

О! Счастье, ты так мимолетно,
Так щедро и так доброхотно...

* * *

Так щедро, и так доброхотно
Была к нам жемчужная жизнь,
Как будто бы мы пароходом
Скользили средь всех укоризн...

Все мимо — заботы, тревоги,
Несчастья, чужие дела —
Любили нас щедрые боги,
Разила любви нас стрела...

Припомни — песок на загаре,
Абхазское мясо в дыму...
Как был поцелуй благодарен
И в Гаграх и — позже — в Крыму...
Соленого привкус на коже,
Копченого чуть аромат
И страсть до конвульсий, до дрожи...
Как мир наслаждений богат...

* * *

Как мир наслаждений богат!
Прекрасное — неповторимо,
И как золотисто и зримо —
Лишь винный дохнет аромат,

Откроешь «Абрау» бутылку —
И южный морской антураж
Состроит такую ухмылку,
Что сказочным станет пейзаж...

О! Счастье — ты влито навечно
В судьбу, как в кварците — слюда...
И пусть эта жизнь скоротечна —
Ты рядом, навечно, всегда...

БЫЛОЕ СЧАСТЬЕ

Ты рядом. Навечно. Всегда.
Ты выстроишь зрелые годы
Воздушным дыханьем свободы,
Когда вызревает беда...

Уходят, как ангелы, люди,
Несчастье утожит страну...
Но мы озлобленно не будем
Клеймить ни судьбу, ни войну,

Мы сдержанно, мудро и стойко
Снесем лихолетье беды,
Даря соучастие простое
Всем жертвам жестокой нужды.

Бесчисленно поле несчастий,
И сложенных судеб не счастье...
И то, что мы помним о счастье —
Такая великая Честь..

*Написано в дни старого Нового года 2004
при распитии шампанского «Абрау-Дюрсо»
с имперским другом.*

* * *

Да, мы уйдем! Мы спустимся в пещеру —
В Плутона ледящийся катакомб,
В беспаятное царство, где химеры
Погасят наш светильник и апломб..

Но разве это значит, что напрасно
Дала нам жизнь и страсти и азарт.
Мы насладились несказанным счастьем,
Как серенадой наслаждался бард..

Долой печаль! Любое время скучно
Лишь резонерам и пустым ханжам —
Жизнь — бесконечна в блеске полновзвучном,
Она есть Рай, хоть ад завещан нам..

* * *

Я ощутил законы тонкой связи
 Меж Совестью и Карой на себе..
 Сие — не плод изысканных фантазий,
 Не поиск знаков в глупой ворожке..

Когда идешь сторожко по судьбе
 Тропинкой узкой средь дерьма и грязи —
 То смутной интуицией приязни
 Ты сам с собой всегда, во всем в борьбе..

Вот проще путь — но сердце так тревожно
 Предупреждает — выбери сложней..
 Единственная мера — осторожность,
 Пусть абсолютно одинок на ней..

За сохраненье собственного склада,
 Как велика у Господа награда..

МОЛИТВА

О! Тайный Бог моих усилий,
 Святого выбора судьба..
 Как я был сызмальства бессилен,
 Похож на жалкого раба —
 Раба игрушек и желаний,
 Гордыни, жадности и зла,
 Пока — печален и изранен —
 Не понял, что в грядущем — мгла..
 Себя смиряя, звал на помощь —
 И помощь подарил мне Бог,
 Уча — терпение и скромность —
 Вот воспитания итог..
 Терплю, тружусь, внимая гласу
 Всех страстотерпцев на Руси,
 И, понимая благость Спаса,
 Глаголю: «Господи — еси...»

* * *

Все свершилось. По камню
Сложена прочно судьба,
Не довелось хоть пока мне
Думать впритык о гробах..

Пусть это есть отдаленно,
Главное — есм на земле
Глупо-наивно-влюбленный
С благостью дум на челе.
13—14 января 2004 г.

ЗАХОЛУСТЬЕ

«Провинциал, провинциалка — живущий не
в столице, житель губернии, уезда, *захолустья...*»
В. И. Даль Словарь

«Захолусток — арх. скривище, убежище,
приют; напр. — заливец, где скрываются суда
от бури...»

В. И. Даль Словарь

Хлеб — на стол, так и стол — престол!

Хлеба ни куска — так и стол — доска!

В. И. Даль Словарь

Великая российская провинция —
Рождения место тысяч россиян,
Входивших с древле в многие правительства,
Отменностью иль дурью просияв..

В ней ненароком появлялись Гении,
В столичных расцветая городах,
По части изваяния иль пеняя —
Им жить бы в захолустьи в дураках..

Но — много или мало ль сил удачливых —
Они — провинциалы по судьбе —
Мальцами честно маялись с задачами,
Фортуны проверяя на себе.

И — дом родимый покидая в юности —
Убежищем считали милай край,
Где, может быть, еще придется сунуться,
И где — возможно — был потерян рай..

И это чувство к зрелости и к старости
Растет, когда ослабнет человек,
Хотя душа, не ведая усталости,
Стремит к вершинам таинства разбег..

Л. Скобlikовой

* * *

Лида — лилия прекрасная!
Лида — лидер по судьбе!
Вся — стремительная, ясная
В ослепительной борьбе.

Видит весь Урал в тебе
Всей России — солнце красное,
Взлета таинство контрастное
В гонке — времени гоньбе.

Пусть стремятся поколения
Подвиг Лиды повторить —
Конькобежной славы Гения
Протянуть стальную нить.

Ты — Богиня Олимпийская!
Ты — Надежда Всероссийская!

17 января 2004 г.

* * *

Семь десятков — нашей Области!
 Семь столетий нашей Доблести!
 Славы подвигов отцов,
 Славных предков-мудрецов..

Как вся Русь была испытана —
 Так и область всем пропитана —
 Благородством и агрессией,
 Человеческой репрессией,

Заключеньями подвижников,
 Вымыслами чернокнижников,
 Неумной волей лидеров
 И народными обидами..

Стой же — область евразийская —
 Как опора всероссийская,
 Пограничье мира русского,
 Умудренного, искусного,

В испытаниях взрослого
 До мечтания хорошего..
 Честь и Честность нами чаемы,
 Хоть пути неразличаемы..

17 января 2004 г.

*Другу всей жизни
 Константину Скворцову*

* * *

Драматург, и поэт, и охотник —
 Чудотворец всей жизни моей,
 Ты в земле зауральской, как сотник
 Неумных казачьих кровей..

Сколько лет, и мгновений, и дней
 Я с тобой был во всем соратник —
 Не маляр, не ремонтник, не плотник,
 А строитель Отчизны своей..

Ты открыл мне и гордость, и смелость,
 Бесшабашную лютость любви,
 Лишь одно мне все время хотелось —
 Превзойти достижения твои..

Но не дал мне Господь, очевидно,
 Это сделать.. Но мне не обидно..

Константину Скворцову
 С «Иоанном-Златоустом»
 и «Георгием-Победоносцем»

* * *

Когда на сломе поколений
 Внезапно рухнула страна —
 Тебе ли — наш уральский Гений —
 Смутиться в эти времена...

Была ли партия одна
 Твоих основа достижений,
 Ты, как не знающий сомнений,
 Сменил Пегасу стремена...

Легко ты скачешь в новый век,
 Всегда подтянут и насмешлив,
 Рассеян в мелочах небрежно,
 Коллег считая за калек...

Теперь — расчетом ли, по сердцу —
 Ты славить древних стратотерпцев...

Константину Скворцову
 * * *

И все же — жизнь преображенно
 Нас переделывает так,
 Что поднимаем мы знамена
 Для новых яростных атак..

Пусть нынче дан нам новый враг —
 Сражаемся так упоенно,
 Хотя и слышим отдаленно
 Укоры совести от врак..

Но те укоры — не устав
 Перепостроенной пехоты,
 И — в общем, целом — нет охоты
 Менять припевы на устах..

И не барыш тому виною,
 А долг священный пред странюю..

*Релятивисту-оптимисту-
коллаборационисту*

* * *

На границе нашей эры
Нет пределов для карьеры,
Нет барьеров, чтобы их
Не осилил звонкий стих...

Ты — тому пример эффектный:
Разум четкий, не дефектный,
Применяя ко двору,
Служишь, четкость дав перу...

Раньше — партии любимой,
Ныне — церкви неделимой,
Завтра — новому царю,
Как когда-то Октябрю...

Удивительно, но это
Интересно для сонета,
Интересно для поэта,
Дивным таинством секрета...

18 января 2004 г.

Свобода — осознанная необходимость?
* * *

Ты осознал необходимость
Той перемены рубежей,
Что означает несводимость
Любви к господству миражей...

Познав детали виражей,
Ты облетаешь невредимо
Владенья псевдо-господина
С иной оснасткой барражей,

Ты вновь свободен, мудр и сыт,
Журя друзей за неуклюжесть,
Не могут, брюки отутюжа,
Они взлететь за пять минут...

А ты в зенит стремя полет,
Творишь поэму — звездолет.

НЕНАПИСАННОЕ ПИСЬМО СЫНУ

Два десятилетия назад
Жизнь моя была невыносима,
И тогда, сквозь этот мрак и ад,
Я услышала свыше голос сына:

«Укрепись, измученный отец,
Я тебя люблю и понимаю,
Но семьи несчастье и конец
Я, поверь, никак не принимаю...»

Он был — сын, и я — его отец —
Я тогда смирил свою гордыню...
Видя нынче горе двух сердец,
Я теперь кричу через пустыню:

«Сын, смири гордыню в горький час!
Сохрани семью, как я когда-то...»
Но эпоха новая у нас.
На дворе стоят иные даты...

19 января 2004 г.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ (проблемы и определения)

После теракта в метро

Раскол России на две культуры, когда народ презирает власть, не имеющую ни совести, ни чести (со времен Петра), когда никто, потеряв лицо, не подаст в отставку (за Норд-Ост присвоены закрытым указом Президента звания Героя России!), — это многовековой раскол в стране, не имеющей традиции отвечать на угрозы формированием осознанной оппозиции — этот раскол угрожает нам все больше и больше исчезновением Страны с карты Мира...

Вчера громко сказано — Америке не быть единственной сверхдержавой, Китай занял второе место и идет в лидеры, как когда-то Россия в начале XX века прогнозировала себя в лидеры мира с 600 млн. народом и глобальной идеей... Век миновал, Россия в вихре потрясений, оплаченных зарубежными банками, растворилась как единство, как замысел, как идея...

Теперь она сгнивает изнутри, пронизанная гнильем бактерию предательства и коррупции, а народ, измученный обманами, равнодушно потворствует лишь одному — ходу укрепления самодержавия, единовластия, вручая мандат, как в классе — самому хитрому и изворотливому подделу...

Нет в ментальности даже потребности в законе, в процедуре ухода с постов при наличии провалов в должности, нет правил сбережения и защиты свидетелей, нет права адвокату вести следствие и собственный розыск наряду с обвинителем (прокурором)... Вся выстрадавшая Западом дорога к безопасности нации для нас — абсолютно чужда и недоступна...

И нет самозабвенного и умного служения Этой Земле — не ради чинов и постов, наград и славы — а ради пассионарного самоотречения и беззаветности, подвижничества и упорного следования голосу сердца...

То, что я знал в юности (Ресовский, Оболенский, Кербель, Кузин) — это прокаленные лагерями и чекистами люди старой формации, донесшие свою неукротимость через барьеры и через временщиков... Нам сегодня не удастся сыграть такую же роль: все изменилось, все растерялось в наследии былого, все разорвалось в связях...

Но эту роль надо вести до конца — если «не ты — то кто другой...»

9 февраля 2004 г.

СИРЕПОП (новелла)

Утром взял я машину, чтобы поехать к Рабину: надо было уговорить его спонсировать оборудование для музея старца, который давно умер, и музей которому мы делали уже десять лет, причем последние годы тайно, чтобы не раздражать местных ветеранов, которые считали его — основоположника отечественного кино — врагом народа и предателем, ибо до сих пор не было решения о его реабилитации от высоких инстанций, а мы все равно считали его — зная его более сорока лет — мудрецом и лучшим Учителем нас — несмышленных тогда, в шестидесятые годы...

Машину я взял, чтобы привезти другого, как и Рабин, еврея — бывшего друга старца, тоже кинорежиссера, который и привез Старца к нам, в провинцию где тот стал Учителем и наставником целого поколения, ибо все другие, бывшие штатными учителями, оставались робкими и обтекаемыми, уклончивыми и двуличными, не в пример Старцу, который всегда был откровен и ласков с нами в годы всеобщего ханжества и лакейства...

Рафаил — друг старца — хотя и был почтенного возраста, но держался молодцом, снимал до сих пор хронику и историю, только очень щадил себя, не ел мясной пищи и не вел опасных разговоров... Я уговорил его ехать к Рабину, ибо понимал — близость по крови не позволит последнему отказать нам — славянам — вечно ищущим поддержки от сильных мира сего...

А Рабин был куда какой олигарх: владелец магазинов и кафе, журналов и издательств, картинных галерей и туристических компаний. Говорили, что он в переломные годы даже отсидел срок за краденые акции целого металлурги-

ческого комбината, но это были слухи, а мы-то знали: он все равно был самым умным и образованным в городской элите, и он знал и любил кино и уважал издавека Старца, хотя и видел его мельком в те далекие годы...

Рабин встретил нас в строении, где внизу был ресторан, а на втором этаже, где шел ремонт громадных залов, размещался его крохотный кабинет без отделки, но с факсом, компьютером и всякими сувенирами из монгольских поездок. На связанной веревочкой треноге из прутьиков ивы висел, качаясь, на бечевке камень.

«Он показывает вращением, какие сокровища скрыты под землей... Это нам подарили в Гобии», — просто сказал он, поднявшись навстречу, и стал расспрашивать о музее, о целях нашей встречи, заранее одобряя нашу наивную стойкость в увековечении памяти Старца...

Прибыла моя верная спутница по музею — Тамара М., извиняясь за опоздание, и Рабин сказал, что, если есть причины опаздывать на дуэль, им приходится уже слушать решения секундантов, явно невыгодные для исхода поединка...

Многое знал Рабин — и будущее России, и неизбежный крах металлургии у которой скоро не будет щедрых заказов из Китая (он уже третий сезон проводил в Китае и Монголии, и в понедельник уезжал туда снимать фильм, но со своими режиссерами и операторами), а на Урале самое главное — Аркаим, древний, как весь Восток, и вот ради Аркаима он собирает всю энциклопедию этих древних мест, и полноценный сайт будет через год идти на всю Европу и на весь мир, а, кроме туризма, — у нашего края нет будущего при этом пустоголовом начальстве и тупой власти...

Мы согласились, получив от него все заверения о поддержке музея...

— Вам позвонят, — расставаясь, сказал он, ибо в коридоре уже стояла следующая группа его соратников, или протестителей, или строителей — мы не знали...

Я отвез друзей-заговорщиков по их квартирам и срочно помчался на запись радиовещания, где уже ждал меня Николай С. — старый мой знакомый — актер, мастер чтения и философских рассуждений, которому я даже не успел, хотя и хотел, рассказать о прогнозах Рабина, о крахе нашего опорного края и о музее, который стал на полмиллиметра ближе к открытию...

Колю я застал в компании приехавших явно из провинции детей с учителями, которые ошарашены были величием его студии, тишиной залов и приемных, и которым, увидя меня, Коля сказал: «Мы тут накладочку имеем — вот пришел мой собеседник. Вы посидите полчаса, а мы мигот запишем текст...»

И, входя в студию на двоих, тут же сказал: «О чем хочешь поговорить?..»

Я, конечно, не стал навязываться с Рабиным, а предложил: «Давай, о культуре вообще...»

И он, включив тумблеры, начал с ходу сетовать по-актерски: «Вот у нас такой авторитет в гостях — культурой занят. А есть ли она вообще — среди нынешних молодых, выбравших Пепси, и даже хуже — наркоту и рок на сто децибел...» И понес все в таком духе Апокалипсиса и конца всех времен и народов...

Как мог, я стал опровергать этот бред, хотя и у самого кошки скребли на душе, но роль доброго проповедника я любил больше, чем злопыхателя, да и Старец меня всегда учил — замечай детали, неси свой крест и веруй... И так было в те мрачные времена, не чета нынешним...

«Времена не выбирают
— Их берет и... изменяют»,

— отшутился я, рассказывая, какой размах в крае имеет строительство стадионов, кортов, легкоатлетических дорожек и даже... музеев...

Я не упоминал про свой — тайный, я говорил о явных, чаемых многие годы — краеведческом, геологическом, Аркаимском; я говорил, что культура — это осознание себя и свято верил в это, хотя Коля мой язвил, кашляя и сердито оппонировал мне...

В другие времена таких диалогов бы не состоялось, а ныне — в начале нового века — можно было возражать даже на провинциальном радио: пока, впрочем...

Времени нам, конечно, не хватало развернуть возможные примеры и силлогизмы, и я уехал со студии с заверением, что горячий спор наш будет продолжен, хотя, конечно, сегодня вряд ли кого-то в чем-то переубедишь: апатия и неверие, бедность и усталость пронизывают все вокруг насковзь...

Но я уже думал о другом — о кошке, которую надо успеть свозить на осмотр в ветлечебницу, куда я не мог попасть всю неделю из-за занятости и службы во благо культуры... Сегодня, в субботу, после свершившихся встреч, я могу позволить себе свозить неделю ничего не евшую кошару свою на осмотр к врачу...

Дочь и внук поехали со мной, причем последний ехал со страхом и лобопитством, ибо прожил с кошкой и собакой всю жизнь и не верил, что кошка — такая энергичная раньше — может теперь умереть, если ее не лечить...

Дочь моя была врач — ухо-горло-нос, но поехала, по моей просьбе, чтобы знать, как и чем лечить изрядно поднадевшую, но ведь свою, домашнюю, животину...

А я ехал с яростью и гневом, ибо все домашние давно смирились с неизбежной смертью моей Люськи от старости, от дряхлости, от надоедливости... Словом, никто о ней не задумывался так, как я — обожавшего своих двух тварей, не раз спасавшего их вместе, конечно, с врачами — но всегда на собственных нервах противостояния отчаянно и апатии...

И здесь — из телепередачи вчера я узнал о вероятности заражения сырой рыбы всякими глистами, и прямо глядя в глаза жены, спросил:

— А ты не кормила Люську сырой рыбой?!

Конечно, она кормила, бросив рыбу из холодильника, спеша на работу. Мне стало ясно — кошка именно поэтому и перестала есть: у ней — заражение...

Так и вышло. Молодая, моложе дочери врач-ветеринар, посмотрев на мою лобимиду, сразу воскликнула: «Запущенная желтуха! Почему поздно привезли. Теперь лечить Вам будет очень, очень трудно. Может — не выдержит...»

Дочь моя поклялась делать все уколы, я обещал купить все лекарства, внук завопил, что он будет ухаживать за Люской, которую — честно сказать — раньше просто обожал гонять паками и шетками по всем комнатам, отчего она начинала вить истошно и с нарастающим звуком трагедии...

Мы выписали витамины, глюкозу, всякие таблетки — и человечьи, и кошачьи, среди которых — главная от бактерий «Серипар» желтуха — должна быть непременно введена немедленно, чтобы остановить страшный процесс загнивания печени...

Пока я все это слушал, внук в ужасе разглядывал лежащие навалом по углам трупы кошек и собак, усыпленных этой красавицей-ветврачом за полную смену в субботний прием...

«Дед, а ты видел?», — спросил он меня в машине, когда мы отъехали погрузив кошку — никогда не видевшую ничего, кроме квартиры — в картонный ящик с отверстием для воздуха..

Я не ответил, потому что повторял про себя странное название: «Серипар! Серипар! Серипар!».

Потом дочь сказала мне сердито: «Не серипар, а цестал. Ты все пугаешь, папа... Как всегда...»

Это слово казалось мне магическим заклинанием, прозвоня которое, я добьюсь, что моя кошка выздоровеет, добьюсь, что все еще можно поправить, и внуку надо научиться бороться за каждую живую душу..

Мне казалось, что я своей истовостью — действительно — спасаю этот мир, эту землю, эту страну..

Наверно, не даром евреи придумали субботу как день собственных добрых дел..

А христиане чудесным воскрешением мечтают воскресить уже распятое по их вине..

*8—9 февраля 2004 г., воскресенье,
г. Челябинск,
почти единственное впе Варламовки, дома.*

Р. В. Кифанову

* * *

Профессор — отоларинголог
Причастен к тайнам, как геолог:
Хотя к мозгам и близко ухо —
Никто не знает тайны слуха.

Он тайны знает аппарата
И почему их два на брата..
Он чинит их десятки лет
И в этом — мастер и поэт..

Мы с ним гордимся дружбой долгой,
— В нем отмечаю редкость долга,
И уникальность, и радушьё,
И к землякам неравнодушье.

Все эти свойства почему-то
Дочь наша славная Анюта
Просила нас озвучить громко
Для назидания потомкам.
Роберт Васильевич — спасибо,
Что Вы — и мудрый, и красивый,
И доброта у Вас лучиста
Превыше мага и министра.

А ВЕЧЕРОМ ПОШЕЛ СНЕГ...

Он пошел неуверенно, робко, как бы раздумывая, хотя его ждали почти всю зиму — слакотную, раскисающую, тшедушную и такую отвратительную, как будто здесь вообще не Урал, а какая-нибудь Польша или Украина, где вообще не знают лыжного гона и завывающих метелей вкуче с замерзшими до костей пьяниц и лопающихся труб городской канализации...

Он пошел роскошно, постепенно заваливая сажевые налеты на обочинах дорог и напоминая волшебника, на глазах превращающего изнемогшего от грязи и отходов промышленный город в озорного денди с белоснежной манишкой и атласно-блестящим смокингом вечернего костюма...

Я потащил пса немедленно на прогулку, потому что понял, воспрянув душой и ликую: мамочка шлет мне свой знак оттуда, издалека, из своей вечной постели, где я побывал с утра в годовщину ее смерти...

О! Этот белоснежный мраморный крест, где я утром снова, в десятый раз шептал истовую молитву любви к ней...

О! Эта серебристая от алюминиевой пудры оградка, где нет ни защелки, ни петли, и куда не ступала ничья нога всю зиму, и где под пожухшим снегом лежат мои богины жизни — бабушка и мама, светочи моих дней, ангелы бессмертных волн, коими я живу и дышу все время...

Сестра сомневалась — ехать ли в тридцать пять градусов мороза, без снега и в гололед, да и сам я, видя вереницы столкнувшихся лбами на перекрестках иномарок, трусил: как доберемся в ранний час пик среди закруженных улиц до Некрополя — сиречь погоста, мы — двое старых людей, когда свист и скрежет грузовиков-тяжеловозов наглухо забил дороги, раскатав наледи перед светофорами до

полировки, а пар от выхлопов застит глаза, угрожая при любом неловком движении ущербами в сотни условных и безусловных единиц...

Но я чувствовал — мать ждала, томясь там, в холоде и одиночестве с осени, когда мы очищали к зиме могилку и подновляли окраску оградки...

И я твердо решил — ехать, конечно — ехать, ибо всякое испытание понимал, как искус, как проверку, как отбор...

И, верно — на объездной дороге мимо свалок и заводов мы промчались мгновенно, сверхъестественно, словно именно этот путь на наш выбор был освобожден и томился от ожидания, чтобы мы постояли в тишине и одиночестве среди снега и крестов, глядя как немой мир ушедших думает свою думу, как птицы клюют рябиновые кисти промеж оград, как нищие издалека крестятся, протягивая ладони пригоршнями, замерзая на вечно, средневековом российском морозе...

А потом сестра дома накормила меня изысканными блинчатыми пирожками, какие всегда делала мне сначала бабуся, а потом — много-много лет мамочка: с мелко нарубленным фаршем, хрустящей корочкой и прожаренным луком внутри... Такие пирожки умеет делать теперь только моя родная Ирочка — господи, спаси нас и сохрани...

Именно в эти минуты начал идти за окном снег, и я стремительно поставил машину в гараж, поехал на автобусе на лекцию, где решил прочесть студентам оду Державина «Бог»...

Я читал ее так, как будто рядом слушала моя мама, и студенты даже заплодировали, согревая меня в моем экстазе волной доверия и признани...

Снег шел гуще и гуще за окном, и одна студентка в перерыве, почему-то смущаясь, предложила мне тоже свои

белые стихи или молитву о Боге — искреннюю и неуклюжую, передав привет от своей мамы — известной в городе телеведущей по культуре — и мне показалось, что и это — впервые — событие, тоже было благодаря маме, ибо никто еще так кстати не показывал мне свои сокровенные строки — именно о Боге, которого жаждет любая душа...

После лекции я пошел в белеющий лес с собакой, которая так радостно валялась на снегу, как будто измаялась за долгие три месяца бесснежья — и вот теперь отходит от истомы душой и телом...

Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал духов ты небесных
И цепь существ связал всех мной.

— вспомнил я слова оды...

18 февраля 2004 г.

К 70-ЛЕТИЮ Р. П. ЧАПЦОВА

К семидесятилетию Чапцова
Хочу сказать я искреннее Слово:
Хотя явленье Личности не ново —
Но только в Личности — величие земного...

Рудольф Петрович — Рыжий Волк России —
Вы — Личность, не подобная Мессии
Вы — Совершенство Разума и Воли,
Единство Скромности и Честной русской доли,

В Вас обе части высшего единства:
Полет отца и нежность материнства,
Поскольку Педагог с Заглавной буквы
Вы — рыцарь благороднейшей Науки —

Философ, супер мастер обобщенья,
Вы — основатель мудрого ученья —
Системы Мироздания вы учитель —
И в этом уникальнейший мыслитель.

Спасибо Вам за то, что всю Эпоху
Вы были Лидер — враг чертополоху,
Заполнившему в нашем государстве
Все ниши должности в надменности-коварстве...

Вся Ваша искренность — урок для нас надолго,
Вы — образец гражданственного долга,
Вы — неизменный труженик науки,
Вы — враг надменности — официальной скуки.

В Вас — будущее видится России,
 И оставайтесь в яркости и силе,
 Здоровья Вам и богатырской стати,
 Спасибо Вам и вечно исполати!

ОБРЕТЕНИЕ СМЫСЛА (цикл)

1.

В калейдоскопе дней, событий,
 Смертей, рождений и чудес,
 В неисчислимости открытий
 Под равнодушием небес,
 Всем им идя наперерез
 Кормилом внутренних наитий,
 И закалясь в огне и в быте,
 Нам Слово — словно волнорез..
 Оно одно наполнит смыслом
 Чреду явлений, как Христос,
 И подчинит себе и числа,
 И к мирозданию вопрос..
 Мы обретаем Цель сквозь Слово
 И постигаем суть земного..

5 апреля 2004 г.

2.

И первым было: «Не убий!..»
 В крошечной тьме зверей пещерных,
 Где вопрем ненависть трубит,
 А страх могуч неимоверно,
 Всю плоть пронизывает скверна,
 И кровь сверкает, как рубин,
 И только сердце суеверно
 Перед бессилием седин..
 Вот немощного сын отца
 Кладет на ворох шкур звериных,

И жертвенную плоть тельца
Протягивают руки сына..
И яшмовый отброшен нож:
Отсечена от правды ложь..

3.

И шаг второй: «Не пожелай
На ложе матери родимой...»
Еще неясен ад и рай
Общине злобной и звериной,
Еще полна пещера дыма,
И ярость плещется через край,
И сумрак неисповедимый
Сокрыл охоты урожай —
Но мать становится священной,
Неприкасаема она —
Совокупленью нет прощенья
На все, в грядущем, времена...
Запрет — табу кровосмешенья —
Шаг в Человека превращенье.

4.

И третий шаг: «Чти отошедших,
Упльвших духом в никуда,
И мысленно за ними шествуй:
Возможно — их земля — звезда...
Тела их — с нами навсегда,
Их сохраняя от происшествий,
От скверны вражеских нашествий —
Себя очистишь от стыда...»

Так Человек себя от зверя
Впервые в мире отличил,
В бессмертье умерших поверя
Устройством храмов и могил..
Прерви на миг Закон подобный —
И станешь снова зверь съедобный..

5.

Четвертый шаг — «единобрачье»
От свального греха уход,
Когда мужчина однозначно
Свое потомство признает..
Как темен тот переворот,
Он обрезаньем обозначен,
И мальчиков надрывным плачем,
И отправлением в поход..
Всевластье матери былое
К закату, накреньясь, пошло,
Когда в мужском с оружием строе
Уходит сын, забрав тесло *...
Он, возмужав, придет обратно
Пока под сень матриархата..

6.

Так шел к прозренью Человек..
Вернее — так вела Природа
Его — слепца — за веком век,
Меняя всю его породу..

* тесло — орудие, у которого лезвие вставлено поперек, как у кирки (В.И. Даль. Словарь)

Едва он грань переходил,
 Гордыню обретая власти —
 Весь сонм несчастий, злобных сил
 Ему сулил одни напасти:
 Дичь исчезала от огня,
 Которым он палил поляны,
 Тля поедала семена,
 Когда беспитичье постоянно..
 Природа, не прощая ран,
 Возмездьем метила обман..

7.

Так обучался Человек
 Свои обуздывать порывы..
 По Нилу измерял стратег
 Богатства царского приливы..
 Законы сотворил Перикл,
 Сообразуясь с земледельцем,
 Но содрогнется позже Рим
 От алчности рабовладельцев..
 И встанет надо всем Христос —
 Добра и совести посланник..
 В чем Истина? И тот вопрос
 Решит не Цезарь, а изгнанник..
 В тебе — Глас Божьего суда,
 Прощай обидчикам всегда..

8.

Так Возрождение подошло:
 Сам Человек — судья поступков..
 В реке времен ему весло —
 Разумность воли неотступной.
 Богобоязнь толочь, как в ступке —
 То время медленно ушло,
 И вот считается преступным
 Жрецов обманных ремесло..
 Ньютон, и Лейбниц, и Максвелл
 Вооружают мощью Разум,
 И только жуть ракетных стрел
 Откроет кризис мира сразу..
 Пронзает все народы страх —
 Прогресс обозначает крах?..

9.

Прогресс обозначает крах,
 Когда в противниках — Природа..
 Бессмысленна тогда Свобода,
 Что Человек обрел в веках..
 Агрессия — у нас в умах,
 В самоуверенности рода,
 И тут напрасна веку ода,
 Христос в молитвах и Аллах..
 Ты — Человек — обрел права,
 Но выше — право у Природы
 Алеет неба синева
 От вспышки бомбы водорода,
 И Апокалипсис грядет,
 Когда стартует звездолет..

10.

Есть правда высшая ума —
 Смиренье в пластике познания..
 Когда осмысленно дерзание
 Иронией, благой весьма..
 Тогда бессильны власти тьма
 И алчность сверху указаний,
 В свободе этих состязаний —
 Залог и меры закрома..
 Не напирай, не напирай
 От жадности на склад Природы,
 Дай ей естественность свободы,
 И ей тактично подражай..
 И благолепие Светила
 Пусть станет Разуму мерилом..

*20 апреля 2004 г.,
 г. Верхний Уфалей.*

АЛЕШЕ — 39 ЛЕТ 26 АПРЕЛЯ 2004 г.

Любимый сын — храни тебя Господь
 В твоих делах, и помыслах, и чувствах,
 Давно постиг ты мудрое искусство
 Терпения, что истомляет плоть,
 Тебе пришлось и ревность побороть,
 Узнать любви высокое искусство,
 Нам от нее то радостно, то грустно,
 А иногда — на сердце колобродь..
 Но никогда себя не предавая,
 Сумей и ты остаться до конца
 Мужчиною, что, многим помогая,
 Всегда несет высокий долг отца..
 Ты — властелин судьбы, и сам — судья же..
 Сумей взыскующе стоять на страже..

26 апреля 2004 г.

* * *

Много тайн ты узнаешь на свете,
 Если долго и честно живешь:
 Как свирепствует, злобствуя, ветер,
 Как жесток, словно в недругах, — дождь,
 Сохнет яблоня в старости молча,
 Пух воруют чужой воробы,
 Набирает столетьями прочность
 Башни крепости в камни свои...
 Мир волшебен от запаха света,
 Вкуса ночи и шепота звезд,
 У него постоянна примета:
 Все живое пускается в рост...

*3 мая 2004 г.,
 с. Варламово*

МОЯ СОБАКА

Эту нежность собачью не в силах
 Я постичь, как ни долго живу...
 Если женщина полюбила —
 То ей снится разрыв наяву,
 Если мать — то потребует сдачи:
 Невинность считая не в счет,
 Друг — он друг постоянной удачи,
 А в несчастья, быть может, уйдет...
 Но собака, овчарка родная,
 Бесконечно тобою живет,
 Терпеливо тебя поджидая,
 А придешь — непременно лизнет,
 И готова к любым авантюрам:
 На рыбалку, охоту, в поход...
 Этой странной животной натуре
 Чужды лень и коварства расчет...
 Откровенна, быстра и послушна,
 Ты — ее и хозяин, и бог...
 И не знает она равнодушья,
 Да и я бы иначе не смог...

*3 мая 2004 г.,
 с. Варламово.*

* * *

Душа моя — был часто озадачен
 В былое время как понять тебя..
 У девушки — навзрыд причину плача,
 У женщины — бранчивость на ребят..
 Но зрелые года бегут назад,
 Смотрю теперь я на тебя иначе:
 Ни в чем твой облик прежний не утрачен,
 Хотя и строже вычурность и взгляд..
 Но грация, которую когда-то
 Я полюбил, как тайну бытия,
 По-прежнему оттенками богата —
 В ней — сущность непритворная твоя..
 Узнать вблизи все естество так трудно..
 Жениться — это в бурю выбрать судно..

* * *

Жениться — это в бурю выбрать судно..
 Недаром имя женщины дают
 И ныне кораблям. И это чудно:
 Нести мужчин — невероятный труд..
 Мы — моряки. Суров моряцкий суд.
 Воображение мерзко и паскудно,
 На палубе все месяцы прилюдно
 Нас унижает капитанский блуд..
 И не укрыться от единой воли,
 От окриков, команд и паскудны,
 И от попоек шумных и застолий,
 Когда в порту мелькают быстро дни..
 Корабль и женщина.. Они похожи
 Свообразьем корпуса.. И все же..

* * *

Свообразье Корпуса.. И все же
 Матросу не понять характер волн,
 Когда шпангоуты трещат от дрожи,
 А трюм — взрывоопасным грузом полн..
 Я был не капитан, а утлый челн,
 А ты была на штурмана похожей,
 Обманчивая внешность юной кожи
 Влекла, как и девичий слабый стон..
 Влюбленность моряка. Горячность действий —
 И волны страха, буря и испуг.
 Мы все погрязли в странном фарисействе —
 Спасательный всегда мы ищем круг..
 Но корпус твой, пройдя десятилетия,
 По-прежнему изящней всех на свете..

* * *

По-прежнему изящней всех на свете
 Твое стремление воли быть собой,
 Не попадая в отмели и сети,
 Но не вступая со стихией в бой..
 Как музыкален ритм жизни твой,
 Я разобрался, наконец, в секрете:
 Бесчисленное множество отметин
 Ты видишь зорко глазом и душой..
 Белье, одежда, пыль, помятость шляпки,
 Зерно моркови, дочери дневник,
 Сорняк, заваленный на свежей грядке —
 Года, года — и все — единый миг..
 Корабль и штурман сайты воедино —
 Вот облик твой, и — по наследству — сына..

К 50-летию Т. Н.

* * *

Поздравляю от души
 С юбилеем золотым.
 Всем Вы в жизни хороши
 В назиданье молодым.
 Все проходят, словно дым,
 С перерывом небольшим,
 Ждем по осень стылых зим —
 Каждый день неоценим..
 Но одна у нас мечта:
 Ожидать в семье приплод,
 Доброта и красота —
 Имя женское несет..
 Пусть же дети станут рьяны
 У красавицы Татьяны.

ФИЛЬМ «МАРИЯ КАЛЛАС» В ИСП. Ф. АРДАН

Фани Ардан — Мария Каллас —
 Две супер-женщины Земли,
 Которым греза примечталась
 О сверхъестественной дали..
 С собой почти пренебрегли
 И очень мало им осталось,
 Хоть голоса звучала б малость
 В почти космической пыли..
 О, Женщина — двадцатый век
 Тебя перемолоть пытался
 То ритмом джазового вальса,
 То роком гибнущих калек,
 Но эта пара неподвластна —
 Живя и умирая страстно..
 25 мая 2004 г.

ОНА И ОН

Кармен в мантиах с алой розой
Обворожительно — горда,
Ей много лет, и пахнут слезы
Гвоздикой с запахом стыда...

Хосе так молод, и беда
Таит ему в любви угрозы,
А он — и робок, и серьезен,
Не знает — руки деть куда...

Она ему не ночь подарит —
Себя он гордым обретет,
И в роковом ножа ударе
Могилу сам себе найдет...

Но он противиться не может —
Жить хоть мгновенье гордой ложью...

25 мая 2004 г.

ХОСЕ

Он был, конечно, пылакий баск, —
Не дворянин и не идадьго..
Гранитный профиль и анфас,
И взгляд прищуренный, со сталью...

И не пленен он был вуалью —
Так честь он просто не отдаст,
Но в каждом юноше — фантаст
Скрыт затаенною печалью...

Кому из нас в полночный миг
Звезда не грезила любовью,
Пульсируя горячей кровью,
В кристальный опустя родник...

Провинциал открыл забрало —
И смерть немедленно настала...

ЦЫГАНЕ

От Индии до Пиренеев
 Цыганской песни аромат
 Чем напряженной — тем вернее
 Несет убийства темный смрад..

В них перемешан рай и ад,
 Скитальчество сильней евреев...
 Концлагерь Гитлера, зверя,
 Их в пепел превращал подряд..

Но в гимне мировом народов
 Они титанами встают,
 Тысячелетьями свободны,
 Презревшие уют и труд..

Пришельцы Космоса абсурдны
 И нам — землянам — неподсудны..
 25 мая 2004 г.

* * *

Опять пошел биоценоз, свиреп,
 Неистовствуя в яростном размахе...
 Поспешно сеют труженики хлеб,
 Измазанные нацепив рубахи..

Одновременны в смелости и страхе,
 Склоняясь пред покорностью судеб —
 То яблони в халате белом sklep,
 Кистей черемухи озябшей взмахи..

Морозы ли, потравы иль огонь
 Готовы встретить травы и деревья,
 И человеку нет ни в чем доверья,
 Один ответ в неистовстве: «не тронь!..»

Природа и горда, и обреченна
 Вершит нежливость бытия и стона..
 Май 2004 г.

ПАСТУШКА (или три мира — три системы)

Новелла

Сегодня, во время посадки вожделенных помидор, мою жену укусил клещ.. Вернее, это она так подумала, потому что, уластавшись на корточках с сотней этих избалованных зеленых питомцев (а она их пестовала, как обычно, от семян до крепких подростков), изведя меня вечным воплем «Сухо! Абсолютно сухо — лей еще и побольше», она довела себя до неистовства, до положенного в ее возрасте давления и потому — моя к обеду белы ноженьки (кстати, ноги у бывшей фигуристки отменные, только с вышпира-ощими из подошвы косточками от юных перегрузок), она нашла у щиколотки клеща..

Может, это и не был клещ, а заноза, только грязная и красная, так что ее вырывать пришлось с мясом, и пошла капля крови, и все такое..

Для врача ей это привычно делать пациентам (не лоботомию, конечно, а полипы и гланды она рвала всю жизнь)... Но — то пациенты, а тут — собственная плоть и кровь..

Словом, она немедленно разбудила меня, лежавшего в беспамятстве от помидорных зверств, и велела немедленно ее вести в больницу, которая должна иметь гамма-глобулин, шприцы и дежурную специалистку..

И это — в деревне в ста верстах от областного центра и в полусотне — от районного, где когда-то мои дети не могли и дежурного хирурга отыскать как-то зимой..

А тут — конец мая, суббота перед Троицей, когда ясно, что ни одни мы упираемся рогами в земли на седьмом десятке.. На пенсию не проживешь — разве что герой

Соц. Труда или участник обороны Тулы, не задетый потом пленом и доносами соседей — способны..

Я говорю: «А ты не сочиниешь, часом, про клеща? Ты ведь три прививки имеешь — две пенсии спустили, ради твоих грибных походов в лес — и что, все равно ставить уколы надо?..»

Но ее грозный окрик и эрудиция медицины были беспощадны: «Хоть десять прививок пусть у меня — а на всякий случай надо укол. Ты что — хочешь в город мотаться немедленно?..»

Перспектива на подня гнать обратно по солнцепеку (было за тридцать точно), сидеть за рулем в состоянии сомнамбулы и ловить боковым зрением диких иномарочников, что, как пули, обходят тебя внезапно, торопясь на тот свет или за дивидендом — только это мигом подняло меня с благословенной лежанки, и через десять минут довел я супругу до жалкого барака тридцатых годов, где стояла тишина, звенели мухи, и не было слышно даже шарканья тапочек больных. Может, их в этот день тоже нужда выгнала на черноземы ради пропитания: деревня имела полусдохший колхоз, умершие реммастерские и жирующей лесхоз, где воровали лес и списывали его на пожары, как издавна положено на Руси..

О, ужас — медсестра в халате была на месте. И у ней даже была на причесе какая-то прозрачная синтетическая беретка. И она точно знала, что гамма-глобулин в местной аптеке есть.. Только аптекарши пока нет, ибо та провозжает дочку в город на автобус, и — взглянув на часы — она спросила: «Вы — из города на машине?»

Получив кивок обоих обладавших горожан-дачников, она велела мне идти за авто, а сама начала писать в журнал подробную биографию супруги, видимо — для вхождения

последней в контакт доверия — ведь она будет ставить укол в известное место, а без полной биографии это никак нельзя...

Кстати, пока я бегал и гнал авто, я сообразил, что у меня и таких денег-то с собой нет — полтысячи за укол, вернее — уколы. Их надо для верности делать два, а я на клеца не рассчитывал, хотя и знал по себе их зверства: когда-то зубами мы в походе вырывали их друг у друга, не ведая об опасностях и разных прививках...

Но то было в давние времена зрелого социализма, а сейчас на дворе — ранний капитализм, и в нем на два укола средств не сразу изыщешь...

Хотя я представил, как мой сын лечил свою жену, когда та сломала ногу — так это было да!

Она умудрилась это совершить в еще более глухом месте, и под Новый год. И где-то в двух сотнях верст от Нижнего Новгорода, и с вывертом лыжами не лодыжки или голени, а с крутым переломом бедра, правда — закрытым, по счастью...

Вот там была починка — так починка: езда на фургоне зимой под Новый Год с распластанной на садовой изгороди женщиной, которая — тоже медик, — знала, что даже шевелить ее никак нельзя, потом — вырывание за мзду из-за новогоднего стола лучшего в городе хирурга, потом установка импортной накладки на болтах по спецзаказу, палата три дня с обслугой, и — наконец — изящная доставка в два шофера родной женушки в столичную клинику, где рентген подтвердил высший пилотаж нижегородца, спасшего в очередной раз, подобно Минину, дурных москвичей, вечных любителей смутных времен, стаскиваний с царского крыльца бояр и раболепие перед помазанниками божьими...

Эта прогулка стоила таких средств, что — осознав ее и контраст с моим — я решил никогда больше не ходить с женой на ближайшие горки на лыжах, чего она — кстати — и не жаждала делать последние лет десять: фигурное катание у ней обошлось без травм, а новые кости не появляются после сорока...

Когда я приехал, меня погнали за аптекаршей, найденной на автобусной остановке, и — как медик — согласившейся открыть аптеку, чтобы выдать мне три ампулы лекарства...

Услышав цифру «три», я чуть не вылетел из машины: «Как три? Мне сказали — две.. И то зря — лучше новую жену найти...»

«Нет — три. Для верности. Это всего шестьсот рублей. Я вам квитанцию выдам и сертификат. У нас проверка идет — знаете, сколько поддельных лекарств! Ужас. Вместо валидола — толченый мел нашли в таблетках! До чего люди бессовестны стали в городе...»

Ни живой — ни мертвый, я взял три ампулы, но попросил доехать до больницы, чтобы у жены взять недостающие деньги... Что и было, к вящей радости моей, сделано: жена — человек, оказалась — мудрой, запасливой, так что менять ее пока было рано...

Когда процедура завершилась, и супруга, сияя от выполненного долга, явилась в светлых брюках пред моими очами, медсестра одобрительно сделала последнюю запись в журнал и дружески сказала:

— Вот и хорошо, что горожане у нас бьются — хоть лекарства спрашивают. У нас пастухи каждую неделю приходят — клеци выковыривать, а уколы им ставить не на что...

— И что? Никто не умер?

— А чего им делается — они деревенские привычные... Денег нет — какой с них спрос...

Я подумал, что, если пастух, упадет, к примеру, с лошади, то и кости у него сростутся без импортной накладки, а так — в гипсе... А на сэкономленные он еще и выпьет за свое здоровье...

А вот моя пастушка — увы — так не может... Или — не хочет... Или — не способна без веры в три укола продолжить посадку помидоров, пасьбу собственного мужа и прочие буколические занятия на зеленом ландшафте...

Когда жена шла величественно к машине, я понял — куда всадили ей три укола подряд...

На светлых, кремовых летних ее брючках было влажное пятно на самом приметном месте...

Ничего, — подумал я. — это высохнет быстро — ведь это медицинский спирт... И как он еще обретается здесь, в деревне, накануне Троицы...

*29 мая 2004 г.,
с. Варламово.*

ИЗ ЖИЗНИ БРЫНСКОГО

(новелла)

Родился-то я в Москве, на Басманной, но в начале войны был увезен в эвакуацию, в уральский знаменитый город Сим, где появился на свет знаменитый атомщик Игорь Васильевич Курчатова... От него-то у меня оказалась такая перевернутая жизнь, потому что служить в армии мне пришлось, когда года вышли, на Байконуре, и — аккуратно — при атомных испытаниях...

А дело было так: я по профессии был механик-лекальщик, и меня в части взяли механиком по ракетам. В самом начале шестидесятых, при Хрущеве, бросали нас — ракетчиков — на всякие учения. Кругом — пески, лысье горы, а мы целыми автоколоннами шастали от стоянки до стоянки — готовили ракеты к запускам и против противника всякие маскировочные учения вели...

Вот однажды вышли — колонна в сорок машин, по двое — водитель и механик — на каждой, и почти три дня по жаре гнали куда-то, о чем только командиры знали... Вот нас и накрыло облаком от какого-то нам неизвестного взрыва — то ли атомного, то ли химического — кто нам об этом скажет...

Только прошла эта хмарь — офицеры забегали, срочно нас погнали на скорости к ближайшему жилью, а оттуда — всех на дезинфекцию, машины — в глубокую траншею зарыли или сожгли — не помню... Всех нас обследовали, и в госпиталь — отжигивать... Хотя мы себя чувствовали неплохо — голова кружилась да подташнивало, а так — ничего, курорт прямо: чистые палаты, медсестры и еда отличная...

Нас, конечно, кололи чем-то и подписки, как положено, взяли о неразглашении... Только, чего мы сказать могли, как сурки в степи присидевшие...

Тут случился у нас у одного парня — красивого да молодого, — день рождения. Понятно, надо принять, а где взять...

Он — бывалый, все знал и хода-выходы умел найти. Подошел к сестричке — лет восемнадцати, чего-то ей напел: мол, «пропадаешь без ласки», — она и забегала, для него рада достать чего...

И принесла флакон денатурата — спирта не нашла или должность у ней не блатная была. Парень опытный, достал в столовой луковичу, очистил, капнул из флакона — поси-нел лук. Тогда он и обрадовался: «Пить можно, мужики...» Всем только того и надо...

А я потихоньку в туалет пошел. Мне доктор госпиталь-ный — поляк по Союзному делу (мы в одном Варшавском Пакте были тогда, братья по несчастью), тот поляк меня своим считал:

«Ты, Брынской, коли жить хочешь, не пей: мы вас опы-том оздоравливаем, организмы у вас ослабшие — побере-гись...»

Я и поберегся. Отсиделся в туалете, а, когда вернулся — все хохочут: «Тебе не досталось, извини, браток». Я чаю напился с ними и на боковую...

А ночью — переполох поднялся, все заорали один за другим: у кого глаза из орбиты полезли, кто за животы держится, а кто на глазах сесть начал...

Отравились почти все — человек пять-шесть спасти удалось. Ко мне на выписке поляк обратился: «Молодец ты, Брынской — послушал меня, вот и выжил. Дам тебе на прощанье еще совет. Ты из каких мест будешь?..»

— Родился-то я, — отвечаю, — в Москве, да вот в эвакуа-цию попал в Сим, да так и живу там. Братья у меня есть, родители живы... А так родился я в Москве...

— Вот и хорошо, что ты на Урале прожил. У вас здесь радиация природная... Повышенный фон от гранита — глядишь, если в другие места не переедешь, и справится твой организм. Кстати, ты куришь?.. Надо бросить немед-ленно, если жить хочешь...

Так я курить-то и бросил, и с Урала никуда — ни на юг, к морю, ни на север, в Питер, так и не ездил. И вот, видишь, живу...

— А как вы из Сима в деревню попали?

— Это другая история. За один раз не расскажешь.

— **Конец 1 блока 5 тетради.** —

*Сия тетрадь начата
15 июня 2004 года
после ливней
высокосного года*

*Нетоптаный путь,
Непутевый огонь —
Ох, Родина — Русь,
Неподкованный конь
Не вскочишь — не сядешь!
А сел — не пеняй!..*

М. Цветаева 1921 г.,
Москва

ШУТОЧНАЯ БАЛЛАДА

Бутылкой светлого «Шабли»
Давай отметим случай,
Когда дожди вокруг пошли
Из налетевшей тучи...
Был три недели сухойей
И пожелтели травы,
И было смрадно от вестей
С польиной отравой...

И мы пустились к огурцам
Поспешно на машине,
Привычно было нам — борцам —
Крутиться в мешанине:
Полоть, носить и поливать
Кустарники и грядки,
Меня учила с детства мать,
Чтоб все держать в порядке..

И после, после дня труда,
Качаясь от натуги,
Взглянул я вечером туда,
Где стан белед супруги:
Синел там гневно горизонт,
Клубясь аспидным цветом,
Он отвергал в воде резон,
Когда в разгуле лето...

И он, приблизясь, резанул,
Струя потоки влаги,
Такой устроив шум гул,
Что нас лишила отваги...
Он шел стремительно всю ночь,

Оплывывая слухи
 Про немочь Родины и мочь
 И ужас голодухи...

И встала поутру трава,
 И в жемчугах — капуста,
 Примета не была права,
 Что в высокос — все пусто...
 И на обратном на пути
 Все изумрудом стало:
 Спешила рожь быстрее взойти,
 Пшеница выростала...

И голубели небеса,
 Как ангельские глазки,
 И птички были голоса
 Как в пасторальной сказке...
 Давай откроем же «Шабли» —
 Французское веселье:
 Мы нынче целый мир спасли
 Поливкою усердной...

*5 июня 2004 г.,
 Варламово — Челябинск.*

ВТОРОЙ КАМИН

Вот мы второй камин зажгли
 В любимом сельском доме,
 Самих себя мы превзошли
 Хотя термин сей нескромен...

Сложил второй камин толстяк —
 Печник знакомый давний,
 А это, право не пустяк —
 Почти как подвиг славный...

Похож теперь камин на печь
 Для русского Ивана,
 Дрова трещат в нем, как картель,
 И полыхают странно...

Расписан золотом камин,
 Отделан старым дубом,
 И не хватает лишь картин
 Кустодиевски — грубых...

И это — тоже волшебство!
 Камин в старинном доме,
 Где леса рядом естество
 Коров с быками кроме.

Да будет каждому дано
 Такая радость в жизни
 С веселой чаркой заодно,
 Что презирают слизи...

Пятнадцать лет труда ушло
 На дом старинный этот,
 Но тем отрадней ремесло
 Искать чудес секреты...

Камин горит, зато амбар
 Прогнил от недосмотра...
 Грибок, имея подлый дар,
 Из щели вылез бодро...

Шиповник в зиму околел,
 И виноград повымерз...
 Старинный дом... Три сотни дел...
 И радость.. И повинность..

И все ж — дал Человеку Бог
 Победу над разрухой...
 Когда трудиться он не мог —
 В нем не было б и Духа...

15 июня 2004 г.

БАЛЛАДА ОБ ОДНОЛЮБСТВЕ

Не знаю. Не знаю. Не знаю.
 В чем сущность упорства любви,
 С трудом я и сам вспоминаю
 Те давние годы свои...

Ведь я постоянно влюблялся,
 Ни разу отвергнут не быв,
 Но сразу всегда отдалялся,
 Почувствовав страсти позыв...

Какая-то странная сила,
 Секрета которой не знав,
 Меня от любви уводила,
 Лишая на девушку прав...

Во мне открывалась Зоркость —
 Предвиденье или чутье —
 Как вдруг открывалась шторка,
 В грядущее четко свое...

Там были испуги, измены,
 И дети — мои — не мои,
 Какие-то странные сцены
 Анализа даже крови...

Как часто бежал я в испуге
 От женщин каких-то седых,
 Уже не мечтая о друге
 Среди сверстниц своих молодых...

Зачем это все совершалось
И что мне подсказывал Бог...
Да даже и малую малость
Я сам разгадать бы не смог...

Построить судьбу невозможно,
Расчеты и планы — пустяк,
В нас столько и гнусно, и ложно,
Что в юности — каждый простак...

И вот попадаешь нелепо
В компанию юных наяд,
Имея лишь повод — зацепку —
Какой-нибудь брошенный взгляд...

А дальше? А дальше? А дальше —
— Молчанье! Молчанье — и все?
Но в нем — ни упрёка, ни фальши,
И я это сразу усек...

Года пронеслись, как в туннеле
Летят в темноте поезда...
Не знал я ни смысла, ни цели —
Я просто влюблен был тогда...

Все делалось мимо желаний,
Была лишь всесильная страсть
Ночных даровых обладаний,
Как будто шальная напасть...

Все нравилось — губы и руки,
Любая ложбинка груди,
И сухость лица при разлуке,
И слезы потом, впереди...

Неточен стремительный очерк
И даже конфликты — не торг,
Всегда ненасытностью ночи
Оплачен дневной был восторг.

Всходило великое Лоно
Над жизнью моей и судьбой,
И тело мое неуклонно
Стремилось к Ней только одной...

Не раз и не десять бывали
На грани другие тела —
В походе, в пути, на вокзале,
Где жизнь меня властно вела,

Но — странно — всегда, по закону
Сравнения чести и лжи
Не верил ни слову, ни стону,
И не перешел рубежи...

Поистине — мы однолюбы
Не разумом и не душой,
А где-то в таинственной глубини
В сей сущности нашей живой...

Не лебедя брал я в сравненье,
 Что парой единой живет,
 А ласточку в праведной тени,
 Чей мне неизвестен полет...

И с этой таинственной птицей
 Невольно сравнил я себя,
 Терпенью ее обучиться
 Пытался своих я ребят...

Не знаю. Не знаю. Не знаю
 В чем сущность у парной любви,
 Но всем существом ощущаю
 Что ласточки — не соловьи...
 Иль петь не дано однолюбам,
 Иль слава им вовсе чужда,
 Но есть в их упорстве сугубом
 Отсутствии чувства стыда...

*15—16 июня 2004 г.
 (ночь и рассвет)*

* * *

Я вглядываюсь в тусклый мир собаки —
 И не могу осознано понять:
 Как связаны природы вечной знаки —
 И запахов унюханных печать...

Я не могу с начала жизнь начать,
 Но в ней — защитнице в жестокой драке —
 Начало человечества во мраке
 И первой дружбы радостная стать...

Любимый пес — глубокие глаза..
 Послушна и печально — подчиненна.
 Со мною навсегда соединена,
 Что навернется иногда слеза...

Пятнадцать лет любви и понимания —
 Не тусклый мир, а бездна сострадания..

* * *

Какое время выпало судьбе —
 Короткий миг величия России;
 Мы нашими отцами заплатили
 В извечной меж народами борьбе...

Уже не стало истины в толпе,
 А прибыль не воскресла для насильий —
 Мы Родину мальчишески любили,
 Не думая корыстно о себе...

Застой настоен был на лицемерьи,
 Но не топтал достоинство ума...
 Не замечая в сердце двоеверья,
 Естественность нас строила сама...

Сегодня нашим детям посложнее —
 Унижена страна...

Ей честь нужнее...

16 июня 2004 г.

* * *

А все-таки меня спасает мать
 И в зрелые года, и ежедневно...
 Она — моя волшебная Царевна,
 Которой я тогда не мог понять...

Но — посмотри — как издавно-давно
 Она меня учила самоволью,
 Ни в чем не ограничивая волю,
 Выращивая мужества зерно...

Спасал меня и дядька по отцу —
 Навязывая жесткие условия:
 Иди в науку, долг неси сыновий,
 Не отвечай насильем подлецу...

Меня спасал учитель-фронтовик,
 Подтрунивая над стихосоложением,
 Воспитывая самоуважение,
 Разыскивая истины из книг...

Я стал собой под их великой сенью,
 Их мудрая природа не гнала,
 Уча в себе хранить долготерпенье
 И слышат Родины колокола...

16 июня 2004 г.

(ночь 12—12.⁴⁰, квартира)

БАЛЛАДА О СЛЕЗАХ

Жизнь фрагментами воспринимая,
Слышу детского краха часы;
Поломал автомат в праздник мая —
И реву в восемь лет — глупый сын...

Вот красавицу проворонил —
И слезу проглотил, глядя вслед,
Как уходит она с посторонним,
И всего мне четырнадцать лет...

Вот еврейка — любовь и надежда —
Из-за моря мне пишет письмо,
Что я глуп и, конечно, невежда,
Ставя мне безотказно клеймо...

Слезы — слезы, сентиментальность..
Даже радость влюбиться дотла
Орошает слезами реальность
И нагие в мокротах тела...

Слава богу — ты есть — междугрудье,
Где, уткнувшись телком, я реву.
Если путь мой мучительно — труден
И похож на расстрел наяву...

Ты одна, не смущаясь слезами,
Доверительно-тихо лежишь,
Если снова не сдал я экзамен —
Глупый отрок по прозвищу «ШИШЬ»...
19 июня 2004 г.

* * *

Соловей, освященный закатом
На высокой валунной стене,
На былинке, проросшей когда-то
И засохшей на вышине...

Соловей легкокрылый, качаясь
В те минуты, как меркнул закат,
На исходе июня, отчаясь,
Робко пел, как столетие назад..

Воробьи замолчали, умаясь,
И воркующий голубь замолк,
Перед этой волшебной печалью,
Где — лишь трели и изредка — щелк...

Птичка малая, житель лещины,
Обитатель густых ивняков
Пел прощальную песню мужчины,
Чей удел — как инстинкт — бестолков...

Все прошло — и любовь, и удача,
И мечты, что обманно-пусты..
Май опять расколдован, растрочен,
Соловьях сокрылась в кусты.

Дети пробуют лёт неумело,
Умолкать наступило певцу,
И качается он оробело,
Не завидуя в песне юнцу...

*19 июня 2004 г.,
с. Варламово.*

К 40-ЛЕТИЮ БРАКА

Сорок лет — это много иль мало?
 Сорок лет — для Истории миг,
 От мальчишки — юнца из подвала, —
 Что уже безнадежный старик.

Сорок лет золотого союза
 Губ и плеч и конвульсий любви..
 С нами — третья — печальная Муза
 Раскрывает нам тайны свои:

Тайну сада, где ворковали
 От истомы, и страсти, и нег..
 Тайну светло-угрюмой печали
 Что приходит за августом снег..

Тайну крика ночного младенца,
 Что взывает о помощи к нам,
 Тайну банного полотенца,
 Что сулит вожделенья телам..

Сколько тайн подарила нам третья
 Та незримая спутница лет,
 В нас врачаю ущерб лихолетья,
 Оскорблений нечаянных след..

Мы учились ту тихую песню
 Слушать сердцем.. Ее ультразвук
 Нам давал от измены воскреснуть,
 Говорить лишь касанием рук..

Так природа волшебной свирелью,
 Неразумную тварь укротя,
 Награждает едой и постелью
 Даже малое тельце дитя..

Ну, а нам, обделенным печалью,
 Состраданья увидевшим свет,
 Годы давние — только начало,
 Душ слияния высший секрет..

Он не дан не узнавшим терпенья,
 Он сокрыт самовластным сердцам,
 От соития и до успенья
 Раскрываясь неспешно лишь нам..

20 июня 2004 г.,
 с. Варламово.

ПРОГУЛКА

Увядшими глазами городскими,
Уставшими от суеты машин,
Смотрю я на цветов расцветших кипень
Под пологом размашистых вершин...

О! Боже, как творенья хороши:
То ландыши мне кажутся родными,
То чабрецы мне произносят имя
И достают почти до дна души...

Хвоцей нежнейший зелени оттенок
В контрасте с белизной берез благих
Мне ясно говорит, что я бездельник,
Сокровищ не усвоивший земных...

О! Оторопь июньского показа
И в горле застревающая фраза...

*20 июня 2004 г.,
лес за деревней.*

ЭТЮД

Купа сосен на фоне деревни,
Как из леса идешь по тропе, —
Как с гравюры — потусклой и древней,
Лаконичной в своей простоте...

Рядом — череп во всей наготе,
Побелевший, с рогами — как кремни,
Возле омута — облик царевны,
Деревенской, в нетканом холсте...

В роднике — ключевая водица,
Рядом мокрый гранитный валун.
Мне с него так удобно напитокся,
Вспомнив рокот языческих рун...

Старина, не печалась, родная:
Я в объятья твои упадаю...

*20 июня 2004 г.,
лес за деревней.*

* * *

Пустое ласточки гнездо —
Она три года прилетала
И, одаря добротой,
Так нежно в небе щебетала...

Как я смотреть любил, бывало,
С какой сноровистой тщетой
Они семейною четой
Растили дружно деток малых...

А в этот год пришел конец:
Ватага воробьев разбойных
Разговорила их дворец,
Устроив с ласточками бойню...

В любой живут они дыре —
Гвалт воробьиный на дворе...

Моих страданий не измерить —
Как в Провиденье можно верить,
Когда такую птицу — птаху
Любой подлец прогонит с маху...

Нет, человек — не царь природы,
Ведь в ней господствуют уроды...

24 июня 2004 г.,
село мое.

ЗЛАТОУСТ

Это горное гнездо —
Обиталище поэтов,
Обладателей секретов,
Одаренных красотой...

Я не знаю на Руси
Городов — тебе подобных,
Где героев благородных
Просит время воскресить...

Те герои — как хребты
Уреньги и Таганая
В небе редкой чистоты
На исходе летом в мае...

Далеко здесь видит взгляд,
Глубоко здесь знает сердце:
Мудрецы — единоверцы
Здесь, как ангелы, творят...

Город — горное гнездо...
Впереди — твоё признание.
Ты несешь очарованье,
Легендарный и простой...

24 июня 2004 г.,
поездка к 250-летию г. Златоуста.

СОН

Я жил три дня в деревне
 Моля земле дождя,
 Одолевала ревность
 И грусть, что нет тебя...

И вот закапал ночью
 Он самый, долгождан,
 Явившись, как заочник,
 Из сопредельных стран

И было тихо, тихо,
 Лишь в кровлю капли бьют
 А мне приснилось лихо —
 Опять твой глупый суд:

Ты требовала сноса
 Садового домка,
 То саднила вопросом
 Растяпу — муженька:

Где вымытые тляпки,
 Где чищенный сосуд
 И почему, растяпа,
 Нам пенсий не несуг...

Зачем ключи от дома
 Болтаются в руке..
 Пред домом незнакомым
 Стою я налетке

И явно дом столичный:
 Лифты иных систем,
 Стоять мне неприлично,
 И я стою зачем...

А кто-то льнет всем телом,
 И снова стыдно мне:
 Дурачки — оробело,
 Что я скажу жене...

Ключи и мытый тазик,
 А дом совсем не тот..
 И в чем я напроказил
 Попав, как в анекдот...

Что делаю в столице
 И адрес позабыл,
 И равнодушны лица
 И город мне не мил...

Стою и чуть не плачу —
 Один, совсем один..
 Я мог бы жить иначе,
 Ведь есть в столице сын.

А я, стою, обруган,
 Толкают, липнет мразь,
 И ни жены, не друга..
 Я и проснулся враз...

Глухая ночь и капли
Презвонко бьют о жесть
И тишина во мраке
Петух горланит «шесть»...

И стало так тоскливо,
Ужасно одному...
Наверно, несчастливо,
Коль любишь так жену...

*27 июня 2004 г.
Ночь в селе*

МЕЧТА

Уйти до рассвета в поля,
Но только — в медлительный дождик,
Чтоб пахла парная земля,
И ты словно юный художник...

Ты ищешь какой — то пейзаж
При низком рассветном тумане,
И чувствуешь ажиотаж —
Шедевра в душе ожиданье...

И вот над заснувшей рекой
Находишь укромное место,
Где тот, потаенный, покой,
И сосны застыли чудесно...

И тихо, и нет ветерка,
Нет воздуха дуновенья,
И свет далеко — костерка —
Бледнеет, как привиденье...

И острое счастье пронзит
Какой — то несбывшейся болью,
И этот найденный вид
Окажется первой любовью...

Которая мимо прошла,
Но ты в это поле не вышел,
Ты спал под покровом тепла,
И капала влага на крышу...

24 июня 2004 г.

СОПКА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ

Есть трех императоров сопка
 На южно — уральской земле —
 Пологая вроде высотка,
 Залезешь и навеселе.

Не надо кирки скалолаза,
 Веревки не надо лихих:
 Десяток ступенек — и сразу
 Вершина камней нагих..

А вид — несказанно — прекрасен:
 Как будто в полете летя,
 Ты видишь скалистые массы
 И каждого камня пустьк.

Легко, без бинокля, отлично
 Видны и морщины у гор,
 И труб очертанья фабричных,
 И скал разноцветный узор..

И кажется — ты — Император,
 Владыка прекрасной страны,
 Которую знаешь характер,
 И тайны так ясно видны..

Иллюзия сопки уральской —
 Трагедией стала Руси:
 Кто знает наш путь мало — мальски,
 Того ты об этом спроси..

*24 июня 2004 г.,
 ночь.*

БАЛЛАДА О ПОЕЗДКЕ С МАТЕРЬЮ
 В 1978 ГОДУ
 (ей 73 года)

Дай припомню, родимая память,
 Как я с мамочкой ехал давно
 Зауральской равнины местами
 На машине вдвоем, как в кино..

Это было тем летом далеким,
 Как сумел обрести я авто
 После долгой учебы жестокой,
 Давшей много уроков зато..

Мама старой была, но желаний
 Сумасбродных не перечить,
 И одно из заветных мечтаний
 Было в ней — сохранить мою честь..

Ей не нравилась рано женитьба,
 И смириться она не могла,
 Чтобы я и семьей не забыл бы
 Про свои рифмоплетства дела..

И когда вышла первая книга,
 И купить я машину сумел,
 Позабыла она про интриги
 И про мой верхоглядский удел.

Ей казалось — я много добился,
 И пора посмотреть те места,
 Где я мальчиком малым резвился,
 Набираясь ума неспроста..

И поехали мы мимо речек,
Неказистых и жалких почти,
Я баранку крутил, не переча,
Расширяя от страха зрачки...

Был неопытен я на машине
И боялся проселочных трасс,
Но, для мамы став взрослым мужчиной,
Я был дерзок почти что сейчас...

Пыль, кодобины, нет ни колодца,
Полумертвые села вокруг,
Но а мама счастливо смеется,
Мне мешает размахами рук:

«Вот — смотри, там ты с лошади падал,
А вот здесь ты тонул в восемь лет...
Возле этой тесовой ограды
Преподнес ты мне первый букет...»

Мама помнила все мое детство,
Даже глупость была ей мила,
Вспоминала мальчишек соседских,
Нищих лет примитивных дела...

Наполняла она будто мифом,
Наши скудные давние дни,
Где была она словно Сизифом,
Ведь мы жили укромно одни...

Я был жизнью ее и мечтою,
Никогда не познавший отца,
Вот — владею машиной стальной,
И имею мальчонку — мальца...

Боже правый — теперь понимаю,
Как поездка была ей нужна..
Только память нам душу спасает,
Ибо всех нас безмерна вина...

*25 июня 2004 г.,
с. Варламово.*

СЕ — ЧЕЛОВЕК

Как много может Человек!
 Один — до Полюса добраться,
 Библейский выстругав ковчег —
 От катастрофы возрождаться...

Как много может Человек:
 Диктатор — погубить миллионы,
 На вечный их послав ночлег,
 И что ему их плач и стоны...

И даже может Человек
 С самой природой состязаться
 Меня русла мощных рек,
 Чтoб Богу равным показаться...

Но уготовано во тьме
 Самой природой отомщенье:
 «Се, аз воздам...» Тогда в уме
 Ему приходит помраченье...

И лишь немногие сердца
 Найтeм путь иной находят..
 Так блудный сын молил отца,
 Со свиньями кормясь в колоде...

27 июня 2004 г.

«Лишь в неизменном — бесконечность,
 Лишь в постоянном — глубина...»

3. Гиттисус

* * *

Жизнь состоит из мелочей:
 Такая истина не нова,
 Не состоит из силачей
 Великой армии основа.

И движет миром только слово
 Подвижников — не палачей,
 Богатства самого крутого
 Удел — коммерчески ничей...

Мы строим мир всем вопреки:
 Распаду, смерти, энтропии..
 Мы постоянством велики,
 Мы — Люди здоровые, простые...

Опасны гордые вожди —
 От них спасения не жди...

26 июня 2004 г.

ПИСЬМО К ПРОКУРОРУ...

(эюд)

Когда я после окончания обеда написал чаю со смородиновым вареньем, закусывая галетным печеньем, намазанным свежей деревенской сметаной, густой, как масло, мне вдруг стало так хорошо, что я не на шутку испугался...

Действительно — было отчего...

Сегодня, когда народные массы справедливо возмущены итогами грабительской приватизации, когда в стране объявлено наличие громадной массы людей, живущих за чертой бедности, когда предстоит очередная волна борьбы с привилегиями — это просто страшно и опасно пить чай со всякими лакомствами, находясь в безделии в собственном доме, за который не надо платить никаких налогов, имея даже шесть комнат с горячим водоснабжением и канализацией, поливной огород и финскую баню с немецким нагревателем и шведской печкой на автоматике...

Я почувствовал, что мне нужно срочно писать Прокурору просьбу на расследование самого себя не просто на всякий случай, а именно в силу ненормальности сложившейся ситуации, в которой в сумме чувствовался криминал, корни которого я пока не понимаю, но — если возьмется Следователь — он мне все покажет и подведет под стыжу, которой я обязательно заслуживаю...

В великой книге Теодора Адорно сказано: «причиной беспокойства и неуверенности евреев в обществе не евреев является (возможно) их невинная самозабывчивость с ее известной тенденцией НАСЛАЖДАТЬСЯ МГНОВЕНИЕМ...»

Как исконно — русский человек, я не могу позволить себе подобную забывчивость, и — конечно — рассматри-

вая под пристальным углом зрения всю предисторию своего падения, приведшую к столь постыдному явлению, как выпивание чая с печеньем и прочими атрибутами на фоне национальной трагедии — мне необходимо будет дать правдивые показания и раскрыть Прокурору все ступени моей деградации и морального разложения, которое есть не только потеря бдительности, но и просто отказ, измена национальным традициям и возможно — предательство, за которое я готов принять самую тяжкую кару...

А началось все, конечно, с родителей, научивших меня полагаться на собственный рассудок, отказываясь от руководящей роли наставников определять мою судьбу. Испорченный с детства таким манером, где бы я не учился или не работал, я всегда желал и добивался только такого самоустройства, где мне было интересно, таинственно и загадочно...

Не долг, не священная гражданская обязанность, не почтение к власти или уважение к начальству вели меня по жизни, а ирреальность, которую я почему — то интуитивно чувствовал в вещах, ситуациях, в окружении, а потом — увлекаясь поисками скрытого, находил, выявлял, реализовывал миф...

И всегда эта скрытая ирреальность была косвенной намешкой над учителями, над уверениями властей, над самовосхвалением близких и даже благожелательных ко мне руководителей, хуже того — почтенных наставников, чьей искренностью я пренебрегал, не ценя их добродушие, добронравие и снисходительность...

Стыдно вспоминать, но именно в те дни ерничества и скрытого инакомыслия я получал возможность... жить мечтами, не заботясь о долге гражданина, патриота, хранителя устоев...

Я не служил в обожаемой всем народом армии, избегнув спасительного мужского твердого влияния отцов — командиров...

Я не работал на реальном производстве, миновал житейски — необходимые процессы конъюнктуры поведения, приспособления к высшим авторитетам и — стыдно сказать — не учился даже отдаленно умеренно понимать неизбежность, хранить свое мнение при себе на всяких совещаниях, где провозглашаются разумные указания и советы...

Я всегда был озабочен другим — сутью вещей, выходящей за рамки моих должностных обязанностей, доходя до абсурдного эгоистического желания, не совместимого с моей оплачиваемой служебной должностью...

Скажу прямо: в науке, в которой мне снисходительно дали некие ученые степени, я пренебрегал не только экономической целесообразностью, не только разработанными методиками и государственным постулатами, но — будучи высокомерно уверенным в полной их ничтожности — неряшливо сооружал... собственные гипотезы мирового устройства, отрывочные теории гармонии Хомо Сапиенса с природой, как называли древние греки Природу, о которой сами же буднично иронизировали, что твердо знают только одно — что не знают вовсе *Ничего!*..

Я методично, год за годом, десятилетия за десятилетием позволял себе в обществе развитого оптимизма бесконечные фантазии в поисках саморефлексии, что — после абсурдного краха сей достославной эпохи — дало мне наглость считать себя неким провидцем сего печального события...

Мое участие в дерьмократической революции — как теперь справедливо называют это «преступное деяние побочников толстосумов» — тоже сводилось не к разумному

поиску собственного места под солнцем или накоплению всеобщего эквивалента, а — по сути — к провокационной роли вечно постороннего наблюдателя, озабоченного сохранением каких — то непонятных традиции, обычаев, некоего «наследия», от которого — вопреки реформам отечественных лидеров капитала — невозможно отказаться...

Так, по собственной индивидуалистской почти враждебной манере, я стал обладателем не только никчемной научной теории (которую мои друзья успешно превратили в научный и прочий капитал), но и получил законный отворот от обще — принятой должности наставника молодежи на окладе, уступив ее более рациональному и твердо реалистически настроенным современникам, способным при смене курса сохранить свои привилегии, трезвость мысли и лояльность к капитанам их дырявого корабля...

Болтаясь сам по себе, не будучи бойцом ни одного из престижных станов современной эпохи, я набредал то на покушку невостребованных книг из далекого, осмеянного прошлого, то на приобретение нивесть в какой глубинке полуразрушенного строения, из которого посмел за десять лет соорудить безналоговое жилье, которое «по — дерьмократским» законам, надо было оплатить на постыдном аукционе один раз, а потом — хоть спалить для потехи... Но опять же — по глупости — я трудился над его реставрацией десять лет, конечно — в ущерб полезной общественной работе, долгу участия в национальных дискуссиях о грядущей опасности родине и прочих мероприятиях, что свойственны каждому мало — мальски честному гражданину горячо любимой родины...

Свое гнездо, свою усадьбу, свой дворец я оборудовал, не платя налоги, с помощью обманутого мною местного и городского населения, не оставляя квитанции о выдан-

ной зарплате для фининспектора, что также является преступлением перед экономикой отечества, и что привело меня к моральному разложению и самоуверенности в моей безнаказанности...

Правда, некоторые политически бдительные люди не раз указывали мне через печать и на застольных встречах (за мой счет, разумеется), что их настораживает моя амбивалентность, неясность не только моих источников дохода (тут я ссылался на мифического сына — удачливого «нового русского»), но и самой моей патриотической позиции, когда умные люди едут за рубеж за навыками самоидентификации, а я упорно возвожу из рухляди нечто «не ликвидное» в такой отдаленной глубинке, что даже подозрительно: не украд ли я в эпоху приватизации какой-нибудь подпольный заводик или имею собственность за кордоном, на каких-нибудь островах, откуда идет доход на уединение и самокопание в обрыдлой старине...

Искренне написав все это, обращаюсь к Вам, господин — товарищ — сударь — однороссец Прокурор, поставленный властью помимо презренных выборов, а честно — прямым назначением (не будем судить — хорошо это или плохо) — рассмотрите мое чистосердечное признание, дабы назначить мне возмездие перед грядущим этапом увеличения национального дохода в два раза и обретения Национальной Идеи, как мечтает наш Президент и все передовое общество нашей молодой капиталистически — демократической республики...

Прошу назначить приговор с конфискацией, если возможно...

В чем подписываюсь, Автор.

29 июня 2004 г.

СЕЛО

Село казачье расположено
У кромки бора и реки,
Имело церковь, как положено,
Могилы чтили казаки.

И Были на подъем легки,
Своей ухваткой осторожную
На нечисть всякую безбожную
Водили славные полки...

Где та эпоха?.. Церковь сгинула.
Террор прочистил все село,
Потом колхозов время минуло
И тихо в прошлое ушло...

Село стоит, стоит растеряно
И не поймет — что им потеряно...

29 июня 2004 г.

ТРЕТИЙ КОШМАР

(ЭТЮД)

«Дайте же номерки!
Дайте пальто или номерки» —
кричу я, чуть не рыдая и просыпаюсь...

Четыре часа десять минут утра...

Время начала немецкого нападения в июне сорок первого... Чуть — чуть рассвет пробивается напротив моего раскрытого окна, на втором этаже... Душно. Дождя нет почти две недели. Засуха и зной не отступают даже ночью, в деревне...

В поту и задыхаясь от ночных оскорблений во сне, иду в туалет и печально гляжу на желтую мочу, которая нехотя как днем — обманные капли дождя — упрямо не желает течь...

Потом одеваю громадный, роскошный бархатный халат (в таком сидит возле Малого бронзовый Островский, тоже со сна — или с перепою — писавший свои сны) и закуриваю...

Что же это снится мне подряд третью ночь... Какие бесконечные современные циничные обманы...

Вчера был ушедший поезд, на который я опоздал, кому-то помогая... Не помню... Помню — что с хвоста пытался добежать до своего мягкого вагона, и пришлось пробираться на перроне, а через склады с проволочными сетками и железными дверями, а они были на замках, и сторожа открывали медленно, ругаясь и посмеиваясь... И я увидел только хвост синего, с красной полосой скорого...

Ну, это я понимаю — месяц назад я упустил действительно, проходящий поезд: таксист довез, но размена денег

не мог добиться почти десять минут — киоскеры отрицательно крутили головы: тысячу не меняем... Даже милиция не могла помочь...

А сегодня... Сегодня, во сне, я был в театре с молодой актрисой — красивой и миниатюрной. Я был в своем смокинге, который редко надеваю, ибо в нем — черезчур молод и шикарен, даже стыдно...

Я был с ней после какой — то сцены в процессе разборки пьесы, которую писал не я, но я хотел ей помочь с ролью. Она так обворожительно просила помочь, говорила, что эта роль — только для нее, у ней такой милый носик, вьющиеся волосы и нежность, что я сдался...

Я ее даже слегка погладил по известному месту, и вдруг я увидел, что какой — то молодой человек зверем смотрит на меня, сидя в отдалении у камина, который напоминал мой в деревне — с дубовой деревянной облицовкой и кирпичной кладкой, точеной из полукруглых кирпичей...

Это оказался ее супруг, но она ему что-то шепотом объяснила, и он даже дружески предложил мне шампанское...

Оказалось, что он получил место режиссера где-то в маленьком клубе в другой области, где еще не уничтожили самодельность, и у него даже в мешочках — кипы приглашений — программ его новых постановок... Я, правда, не понял, он только что получила приглашение (через протекцию), а уже — столько программ с вензелями, похожих по разноцветности бумаги на те, что стремительно (за два-три дня) печатает нам наша издательница Таня, вечно опаздывающая всегда и с опечатками, от которых извиняется и так же стремительно все перделывает... Правда, мероприятие проходит уже... без программ...

И мы с актрисой оказываемся в театре, где аншлаг, и масса инвалидов, кто в колясках, кто в синих очках, и все

очень старые, и буфете в перерыв опять очереди, где я всех пропускаю, и снова опаздываю на отделение, и моей дамы уже нет рядом, но она мило кивает из другой ложи, где она с кем — то другим, видимо, ей тоже очень — очень нужным, потому что она мило улыбается, и показывает знаками, что у меня ее номерок... Я понимаю, что должен ей взять пальто, и финале стремительно мчусь в гардероб, где снова — инвалиды, и им выдают долго, вне очереди, которая терпеливо ждет, но я показываю какую — то красную книжечку (это просроченный на десять лет билет старого союза писателей, который надо обновить, но я не хочу в новый, а в другой — сдал анкеты и фото, но в Москве идут интриги, а мне не хочется их беспокоить...)

Словом, номерки забирают, нанизывая на отдельную доску или жердочки, и кричат трем гардеробщикам их номера...

У кого получать пальто — я не знаю, и бегаю от одного к другому — в кепках форменных и пиджаках, как у швейцаров...

Каждый показывает на другого... Пальто нет и нет, и я начинаю кричать на все фойе: «Отдайте номерки 95 и 86! Отдайте пальто!..»

Все быстро исчезают, укатываются инвалиды. Стремительно покидают места служащие после короткого подведения итогов...

Номерки все на месте. Пальто никаких нет... На меня — ни малейшего внимания. Гаснет свет, горит лишь дежурный...

Нет ни моей дамы, ни верхней одежды... Я — в дурацком смокинге, а на улице — дождь, слякоть...

Наконец, почти уходящая женщина — уборщица, отвлекаясь от укладывания сумки с отходами от буфета (пирожное коробками, шампанское полупустые две бутылки)

нехотя говорит: «Поищите в туалетах... Там часто бросают их на пол или вешают в кабинках...»

— Зачем? Отчего? — удивляюсь я...

— Так удобней, используют ее, если не добегут до телефонной будки...

— Кого используют?, — недоумеваю я.

— Женщину... Не понятно что ли, для чего в театр ходят... Познакомились и в туалете сделали свое дело... И провозжать не надо... — цинично отвечает она, и уходит...

Я воображаю, как сейчас «использовали» мою протезе — такую миниатюрную и беззаботную, с пуговкой-носиком и кудряшками... Воображаю, какая у нее кожа и ладный нижний бюст, непременно — со спины, и как она, ласкаясь, двигает бедрами... И просыпаюсь, просыпаюсь от огорчения, от негодования, от досады...

Современный сон, современный разврат, грустный мир подосновения старого дурака...

Проснувшись, в каком-то кошмаре догадки вдруг вспоминаю реальное: а не та ли это актриса, которая была со мной лет двадцать пять назад?...

Нет, та высокая, худая, доверчивая и искренняя...

Она — по-моему — недавно умерла... Или я что-то об этом слышала... Умерла от рака, так и не сыграв ни одной главной роли... Все какие — то коровы и зайцы в детских спектаклях... Чушь... А была умна, начитана, талантлива, хоть и играла в провинциальном театре...

Не от нее ли это циничное и печальное послание пришло в мой сон...

Курлыкают на чердаке голуби.

Кричат ранние редкие петухи.

1 июня 2004 г.

* * *

Загадочен мир и трагичен
И полон сокрытых угроз,
Людей подавляя величием
То засух, то с молнией проз...

Он полон уходов и слез
По тем, кто недавно в наличьи
Был рядом в счастливом обличьи,
В беспечности вычурных поз...

Мгновенны любовь и обиды,
Всевластие кумиров и ложь,
Но вечно упорство Эвклида,
Что чертит под солнцем чертеж...

И мера вещей — наша воля...
Судьба — это подвиг. Не доля...

1 июля 2004 г.

САША (новелла)

Помню, как я впервые увидел его — рослого, широкоплечего, с бородой пророка и мощными руками труженика — землекопа или молотобойца...

Таких типов я давно не видел в своем краю: у него было одухотворенное лицо и добрые детские глаза.

А дело было так: мы ехали на старой машине в деревню, загрузив нашу старушку до отказа вещами и собой. Четверо взрослых, двое детей и набитый багажник с провизией на неделю... Как я не умолял сына не делать таких авантюр — он был молод и упрям, что и сказалось: мотор перегрелся в середине пути, и не желал ехать, требуя отдыха...

Пришлось остановиться раз, потом второй. Сын копался в моторе (он кончил автотракторный в «Бауманке»), но был бессилён найти способ заставить стрелку термостата не зашкаливать...

Рядом оказалась башкирская деревня под названием Каратаново, которую дети тут же окрестили Тараканово...

— Схожу за кем-нибудь... Скоро ночь, надо выпросить машину, а эту оставить на ночь у кого-нибудь...

Дети пошли искать благодетеля, сын упорно менял шнуры зажигания, а я искал взглядом по улице, у кого есть авто...

Возле крохотного домика на четыре оконца стоял... нецелый «Опель» — фургон... Вот удача — ринулся я, подзвывая внуков. На стук вышла молодая женщина, подтвердив наличие машины на ходу и даже легко согласилась пойти за хозяином, который ловил рыбу в пруде недалеко...

И вот он появился — наш Избавитель и Спаситель, не по-уральски приветливый и покладистый, разом согласился отвезти нас в фургоне, оставив нашу развалюху у себя во

дворе под охраной собаки и даже предложил нам самодельного квасу для передышки... Все было так необычно для наших мест: и то, что весь груз вместе с нашей ватагой разместился в громадном фургоне, и то, что он быстро завелся, не чихая и не сотрясаясь от ненависти, как все деревенские машины, и то, что впереди рядом с Сашей и мной села его миловидная жена — Лена, и всю дорогу занимала меня рассказами о судьбе семьи и приключениями современных беженцев, каковыми они оказались...

Они — муж и жена — были геологами из Казахстана, откуда их выдавили, постепенно лишив работы, а потом — дома в поселке геологов, где они прожили более двадцати лет, посвятив молодые годы романтике открытий золота и угля, нефти и руд по новейшим методикам оригинальных теорий, которые в России отвергались в силу известной костности науки в академии...

Она кончала в Ташкенте, он — в Свердловске, оба были влюблены в богатейшие недра Казахстана, отказавшись от жительства в столице Узбекистана, где ее отец был... министром геологии, первооткрывателем Учкудака — золотой кладовой Средней Азии...

И вот приехали они под угрозой поджога поселка на Урал, где в Челябинске у Саши была мать в крошечной квартире. У них — двое детей, дочь и сын, школьники, которым надо учиться, а жить родителям их и зарабатывать надо было где-то... Не было гражданства, паспортов, не было вещей и денег, кроме той самой машины, на которой мы ехали. На накопления матери купили домик в деревне...

И тут Саша кратко пояснил:

— Потеряли все, но сохранили честь... Разводим кроликов и растим помидоры, образование позволяет...

Так мы и познакомились, сердечно благодаря их за ручку и на долгие годы приобрели необыкновенных, выдающихся друзей, упорство которых и энергетика неизменно напоминали нам былинные образы первопроходцев в сочетании с извечно катастрофической историей нашей России...

Саша с первого посещения нашей усадьбы всерьез отнесся к каждой детали строения. Сначала он внимательно изучил наш старинный погреб, основу которого составляли две могучие, в два обхвата листовые бревна, вот уже второе столетие державшие перекрытие, не раз замененное и переложенное... Листвянки стояли непоколебимо, несмотря на плесень (плохая была вентиляция, которую я переделал потом) и вечную сырость перекрытия...

— Вот что я хотел найти — дерево, способное служить в сырости... Хотя вентиляцию вы не умеете делать, — констатировал с усмешкой он, затем изучив и все кованые двери, и гранитные стены, и даже уклон кровли наших допотопных строений...

Потом мы неоднократно приглашали его — то в баню, которую он любил, как все русские, то на подмогу, пользуясь его сноровкой: менять полы в неудачно построенном пристрое кухни... Потом, по моей рекомендации, он рубил в городе нашим знакомым бревенчатую баню исполинских размеров, пренебрежительно хмыкая на безграмотность молодых «новых русских»:

— Денег много, а доверяют стройку пьянчужкам и обманщикам... Не будет с этого толку. Я у себя в хозяйство беру до первой рюмки — выпил — иди гуляй...

Иногда Саша и Лена приезжали на сбор ягод в наши места, где сосновые боры перемежаются чудесными полянами с массой клубничников, и тогда мы с ними беседова-

ли, ползая на четвереньках в зарослях пахучих трав и рассуждая о гипотезе происхождения Земли, о Канте и Лапласе, теории железного ядра планеты и процессах остывания магмы, от которых зависит распределение сокрывищ недр, находимых геофизиками по приборам и теоретическим расчетам... Так я узнал тайну их блестящих открытий, обогативших изгнавшую их республику на несколько столетий таким богатством, что и Россия позавидует... Тем более, что все документы были и остаются секретными, находящимися только в аппарате правительства степной республики, не случайно резко взявшей самостоятельно — вызывающую тактику поведения в новом глобальном мире...

— У них все есть, только жадность байская... Как бы не погубило это их — степняков, — благодушно говорил Саша, аккуратно обрывая в могучую горсть целую россыпь сочных спелых ягод...

Постепенно я научился понимать с его помощью код многих явлений — в политике бывших наших республик, в погодных прогнозах, которые он делал по фазам луны и собственным записям с корректировкой на близкие горы и направления ветров... Я узнал многие секреты выращивания кроликов зимой, когда влажность и тепло по-разному заставляют весить это кропотливое дело, неизменно требующее чистоты, санитарной грамотности и культуры, абсолютно не дающееся местным разгильдяям и лоботрясам... Впрочем, так было всегда: походы пионеров на крольчатые подвиги, описанные в эпоху тридцатых, и тогда кончались... ссылками на вредительство и агентов империализма...

Еще выше на порядок были его познания и опыт в разведении помидор большими партиями, от продажи рассады которых он и его семья жили и кормились... Это — целая энциклопедия, которую постигали и взрослые и дети:

строили теплицы, следили за ранними заморозками (нередкими в наших краях), безжалостно изгоняли работников, допустивших малейшую оплошность в ночных дежурствах...

— Один час не протопил теплицу — утробил весь урожай!.. — спокойно резюмировал Саша на вопрос, куда делся очередной «доброволец» из беженцев: он брал только казахстанских приезжих, из которых за несколько лет никто так и не мог удовлетворить его абсолютно четким требованиям...

А дети и жена, хоть и драматически, но приспособлялись...

Вот после травмы в городе приехал в деревню сын: поддечиться волшебной мумией с Памирских гор (запас геолога), а потом — и пойти в местную школу, кстати — не худшую, чем в городе: классы поменьше, разболтанность тоже, а уровень, благодаря соседнему поселку, где был НИИ сельского хозяйства, весьма основательный...

Потом взяли к себе и старшую дочь, с которой уже не могла справиться Сашина мать — старушка с властным характером, подстать сыну... Даша в шестнадцать лет была ростом с отца и крепостью почти напоминала раскольниковых отшельниц, хотя была добродушна и разговорчива, но истовостью в работе и энергичностью просто потрясала. Как она заготавливала крапиву для кроликов: в рукавицах, грубых брюках, в косынке — и все тащида охашками на сушку, словно у нее были не кролики, а слоны — так много проходило через ее руки зеленой массой...

Даша научилась выращивать из картофельных ростков целые кусты этого «второго хлеба уральцев», воскресив в моей памяти послевоенные годы, когда что-то подобное приходилось делать и нам — подросткам: весной картош-

ки не хватало и на еду, а из одной картофелины с глазами можно было засадить втрое больше сотки... Но какова была технология получения ростков-саженцев, я забыл...

И Даша рассказала мне, как из глазков прорастивают сначала в растворе и в стаканчиках осторожно корневую систему, потом — зеленую рассаду, потом — в горшочках крупные саженцы, которые можно и на поле, только нужно ухаживать. Тогда из ведра картошки можно иметь рассаду — на все десять соток!

«Боже мой, — думал я — кто знает, какие времена ждут наших внуков.. Не пригодится ли им этот экономный, скаредный, требующий терпения и дотошности секрет поколений... Даша обрела его вновь, ибо сама судьба поставила ее родителей и ее саму в столь критические условия...»

Ваня обучился умело чинить ящики для рассады, как в наши времена его ровесники колотили ящики для снарядов: сотню за смену, и всегда с одного удара забивая гвоздь, чтобы он не погнулся и не дай бог — не пришлось его вытаскивать гвоздодером, теряя темп и время...

Какая это была странная, сплоченная, отчаянно борющаяся за жизнь и достоинство семья...

Регулярно — зимой и летом — я останавливался у них хоть на полчасика: попить чаю с медом (их собственным), поговорить о политике и делах, о погоде и литературе. Я любил давать им свои книги и узнавать их суждения.

Я выступил в школе, где учились Даша и Ваня, и слушал, как Даша читала мои стихи, вызывая у меня такую обвальную радость: никто из моих земляков — учителей не учил молодых так читать — задушевно и искренне мои не бог весть какие, выстрадавшие, вирши...

Я не знаю, как дальше сложится судьба этой семьи. Прошлым летом они начали грандиозное строительство

громдного овощехранилища: хотят сохранять помидоры всю зиму (?) и продавать постепенно, для чего нужно знать досконально режим хранения, вентиляцию, температуры — словом, риск громадный... Но я верю, что у них все получится...

В этом году впервые продажа рассады дала прибыль, и куплена бетономешалка, другие агрегаты. Саша отладил так ювелирно монолитное перекрытие с арматурой, что и в лаборатории конструкций нашего вуза позавидовали бы... Он все умеет изучить по литературе и попробовать во всех тонкостях:

— Образование позволяет, — добродушно говорит он обычную теперь для меня фразу...

Я понимаю, что немного дает образование ленивому уму. Видно, без катастрофы, вроде революции (социалистической или капиталистической), устойчивости жизни и у Саши был бы другой, размеренный, предвидимый...

Но эпоха резко изменила вектор, проверяя на сопротивление этого талантливого Человека...

И я горжусь, что он и его близкие так достойно и предпримчиво приняли вызов времени...

Кстати, деревню эту Саша, как геолог, выбрал по роднику, бьющему на окраине... Это чистый мощный родник сказал ему — «Здесь твое место! Твое спасение!..»

Земля с ее недрами спасает человека, если он слышит ее Голос...

*30 июня — 1 июля 2004 г.,
с. Варламово.*

БАНЯ В ПОНЕДЕЛЬНИК

(сонет)

Добрая баня с веником,
Полян земляничных плоды..
Пленительно быть наследником
Земли, где твои труды..

И пусть мы почти седы —
Никто из нас не был бездельником,
Не маялся по понедельникам
Предчувствием пьяной беды..

Мы были уже не винтики
В этой великой стране,
И не пройдохи невинные
В несправедливой войне —

Мы были сыны столетия
И знаем — почем долголетие..

*5 июля 2004 г.,
село.*

РАССВЕТ В ИЮЛЕ

Все тихо пред рассветом.
Бледнеет небосвод,
И замерло при этом
Все сущее.. Но вот

Раздался вой собачий,
Тоскливый, словно смерть,
И, душу озадачив,
Поколебалась твердь..

И показалась адом
Деревня в тишине,
Где бездыханно, стадом,
Все сгибли на войне..

Ни петуха, ни скрипа —
Один собачий вой..
Загадкою Эдипа
Весь мир предо мной..

*2 июля 2004 г.,
рассвет.*

Передачи по РС «Транш-98», роль Кириенко, Чубайса, Гайдара, Дубинина (с бородой) — «ад того дня в августе-98», когда мы все были обречены на погибель.. Сколько еще впереди таких катастроф типа ГКО?..

Изменения в «закон об образовании» (налоги с платы за обучение)? Или замена льгот на деньги? Или закон о земле (леса) приостановили.

ТЕМА С ВАРИАЦИЯМИ (цикл)

1.

Мы живем в прекрасной неизвестности,
В этом — и спасенье, и тоска,
Острота отсутствующей пресности
Ничего не знать наверняка...

Лишь в наитьи — чуткость мужика
О погоде в урожденной местности,
Каждая трава ему в окрестности
Возвещает голосом цветка...

Ну, а мы теорией случайности,
Вероятность чувствуя беды,
Избегать умеем только крайности,
Да и то почти уже седым...

Но прекрасен мир игрой внезапностей,
Где нежданный аромат и запах...

*6 июля 2004 г.,
село.*

2.

Мы живем в тревожной неизвестности.
В этом — наше счастье и беда:
Каждый миг возможны и чудесности,
И позор падения и стыда...

Не теряй то чувство никогда:
Пропадают люди разом без вести
В собственной своей знакомой местности,
Тайну жизни так не разгадав...

Неизвестность смерти и рождения
Заставляет нас быть на чеку
Для внезапной вспышки озарения,
Когда ищешь образ иль строку...

Так бесценна прелесть у внезапности,
Что живем, творя в любой опасности.

*6 июля 2004 г.,
там же.*

3.

Мы живем в великой Неизвестности,
Никогда не веря в Абсолют,
Всех усилий чужа бесполезности,
Лишь слегка надеясь на уют...

Сколько их беспомощно снуют —
Мотыльками в иссушенной местности,
Пропадая в гибельной безвестности,
А в ладу с собой и не живут...

Только обладающий открытостью
 Перед поворотами судьбы
 Стоек не своею деловитостью,
 А азартом яростной гоньбы...

Им и открывает озарение
 Каждой неизвестности мгновение...

6 июля 2004 г.

БАЛЛАДА

(Памяти солдат,
 погибших от выстрелов в спину...)

Упавшие ничком
 с прострелами в затылке...
 Упавшие вперед
 с прострелами в спине...
 Застывшие в лесах
 с презрительной ухмылкой...
 В застенках, на полу
 бетонном, в тишине...
 Простившие страну,
 простившие убийство,
 Прогнившие насквозь
 в болотах и в степи,
 Не взявшие курган,
 сумевши углубиться
 В такую толщю земли,
 что вас уж не найти...
 Вас срезали свои
 снаряды, мины, пули
 От братьев, от отцов,
 от дедов, племяшей
 Не столько потому,
 что вы не присягнули —
 А только потому,
 что Русь — удар вашей...
 И скажут «недолет»,
 а то — заградотряды...
 Напишут «как герой»,
 а то — головотяп...

Погибшие в рядах
     какой-нибудь бригады,
 Смешавшейся в лесу
     от авиаарастяп...
 Не в грудь и не в висок,
     как любят коммунисты —
 Не в голень, не в ладонь,
     как любят шулера —
 Но по бумагам все
     презрительно и чисто —
 Поскольку есть в штабах
     умельцы-писаря...
 Простите, век спустя,
     простите — год пусть минул,
 Простите, что подвал,
     а, может, и чердак,
 Простите, коли Бог
     страну мою покинул,
 А в ней вместо него
     обосновался враг...
 Нет божьего Суда
     и нет суда людского.
 Архивы сожжены,
     и рассосалась плоть,
 Осталось лишь мое,
     одно ночное слово,
 Хоть я Вам — не судья
     и вовсе не Господь...
 Раз вы пришли в ночи —
     то это не случайно,
 Сказать хотите мне,
     но слов я не пойму...

И в этом на Руси
     одна сплошная тайна,
 А, может, и сигнал
     так сгннуть самому...
 Никто не скажет как,
     чтоб не стреляли в спину,
 Никто не знает где,
     придется в землю лечь,
 Поскольку ведь поэт
     не может вполонину
 Дышать, ходить и петь,
     употребляя речь...
 Пусть нынче нет ЧК,
     но есть убийцы в масках...
 Пусть даже нет войны,
     но есть капитализм...
 И люди, как всегда
     шалльным поверят сказкам,
 Поскольку простаки
     давно перевелись...
 Спасибо, земляки,
     что вы предупредили,
 Спасибо за приход,
     ночные кореша...
 Пусть бестелесны Вы,
     и даже не в могиле —
 У нас одна Судьба,
     у нас одна душа...

ночь с 6 на 7 июля 2004 г.

КАЛИФОРНИЕЦ

(новелла)

Сын привез в Варламово американца из Калифорнии...

По телефону, предупреждая о приезде, он так размыто и неопределенно сказал: «Ты меня с ним из Ебурга подхватишь?..»

— А кто он? — спросил я, воображая статную фигуру англо-сакса с холеными ухватками и презрением к миру, как у Буша... Иностранцы за пятнадцать лет вызывали у меня аллергию: хитрые и двоедушные, они шныряли уже второе десятилетие по России и Уралу, высматривая, не знаю, как секреты — а где что плохо лежит, так это точно: дешевое сырье, наплеватьство равнодушных хозяев и быстрый оборот капитала... Больше им ничего не интересно, и на все наши наивные гордые лозунги и местный патриотизм они презрительно отмахивались...

Десятки раз обманутый в надеждах, загоравшийся и уже потухший от бесчисленных планов о возрождении родного края с помощью «душелюбов» из-за кордона, я поэтому и придиричиво спросил, чтобы приготовиться опять к поединку израненного и униженного сознания — поединку поневоле, потому что как откажешь сыну в транспортной доставке, если машину купил на его деньги, да еще многое в придачу...

— Да, он так — смесь русского с арабом... Парень простой — мы с ним уже в Китае и Японии были...

— Разговаривает по-русски?

— Прилично, только читать почти не может...

— Слушай, а может его Анюта (дочь) привезет, я ведь в деревне возле грядоч... Засуха у нас, понимаешь — день

полива пропущу — огурцы засохнут. А они только-только пошли... — начал я с ходу тянуть волюнку...

Так и договорились... К нам в деревню они приехали уже под вечер и надо было быстро готовить ужинать, благо дочь с мужем сноровисто все купили заранее: и для шашлыков, и для огрошки. Я только квасу запасся и огурцами, чтобы все было по-нашему. А сын, конечно, копченостей иностранных приволок, горячего (от вина до пива) ящиками... Так, что он, облетевший чуть не все континенты по налаживанию спутниковой и кабельной связи — в грязь лицом не ударил...

Приехали, кстати, из того же Ебурга (так зовут теперь Екатеринбург современные деловые люди, намекая на родословную прачки и наложницы Петра Великого, ставшую потом его женой и императрицей, которой вновь назвался наш сосед и соперник, угробивший династию, а ныне стыдливо и срамно взявший опять имперское имя в качестве этикетки своему бандитскому капитализму...)

Так вот — из Ебурга приехали и мои родственники — жена двоюродного брата с дочерью, зятем и внучкой — хорошенькой юной леди девяти лет от первого брака с иудеем, ныне покинувшим столицу Урала, угробившую династию и пообезлюдившую детьми Сиона, дотеле так привлекавшую их статуей Свердлова, гордо стоящей в центре, как символ отщепенца царям...

Редкое богатство личностей и судеб уселись за вечерним столом: Новый зять (дочери двоюродного брата) из Уральской столицы — человек бывалый и опытный, инженер и современный коммерсант, тут же стал допытывать американца (а тот оказался шулым живым бронетом арабско — семитской внешности, легко понимающим язык, ибо бабушка и мать его в России многому успели научить,

хотя и увез его отец в родной Ливан после окончания известного университета Патриса Лумумбы... Звали американца Сереей, и был он простецкий и любопытный...

Вот и пошел атаковать его Екатеринбургский наш гость насчет Буша, американской наглости в Ираке и во всем мире, только Сереежа ловко увернулся:

— Я Буша считаю сам бандитом, только Америка его снова выберет, потому что простые американцы уважают его силу, а на все остальное, кроме бизнеса, им наплевать... Понятно!

Всю эту политграмату Глобализма мы и так знали, поэтому более спокойные мои дети больше перевели разговор на тему личной коллизии заокеанского гостя, тем более — знали уже с дороги (они — то его и привезли), что Сереежа сам разрывается из-за симпатий к России и арабской родословной, приносящей ему много неприятностей в Калифорнии, где он живет уже десять лет, имея жену-японку...

— У меня там дом, и я знаю, что такое права мои личные... Я даже полицейских (он сказал, правда, милиционеров почему-то) со своей улицы угнал: нечего здесь выслеживать... Я тут один араб-террорист, вот моя карточка, убедитесь... А больше одни старики... Так на них кричал, что они отвалили, как миленькие... — демонстрировал он нам свою независимость, упомянув, правда, что он редко бывает дома: учиться на втором высшем образовании, да и фирма посылает по всему миру налаживать контакты...

Мой сын, недавно бывший у Сереежи, хмыкнул и прояснил:

— Например, в Лас-Вегасе контакты с японками... У них там расценки супер — потанцевать с девушкой, пошупать силиконовый бюст — по тысяче баксов обходится...

И тут оба почти ровесники — молодые глобалисты начали под восхищение всей компании травить были — неблизцы про всевозможные значные места по всему миру: какие в Японии или Гонконге, в Сингапуре или Маалязии заведения с низкокачественными соблазнительницами, как все это скучно и несоразмерно по сравнению с волшебством русских девушек, которых начинаешь ценить и понимать, только колеся по всему свету (вернее — пролетая, облетая, перемешаясь воздухом или редко-редко — по автобанам...)

Так что разом контакт душевный налачился, ибо Сереежа, общаясь с сыном давно, обрел уже иронический склад суждений современного толка, в котором была и расчетливость, и нахлобучка клиента, и психологическая изоциренность, за что, собственно, и ценила фирма любая эту парочку по всему свету... Сын мой с детства был охот на розыгрыши и сметливость, столь опасную в былой нашей державе и от того и рухнувшей в смрад адовых теней и нечисти...

Так мы нашли общий язык, ибо Сереежа подтвердил нам, что книг ни один из его знакомых в Америке не читает (за что он их презирает, но не настаивает при этом вслух), что они не интересуются никакими другими народами, но охотно принимают в страну толковых, среди которых, конечно, и он сам — приехавший всего десять лет назад и ставший значительным специалистом в самой современной, стремительно развивающейся отрасли... Связи!

Тут у меня мелькнула пугливая ухмылка — не разведчик ли он, ибо квалификация у него, действительно блестящая (я судил по масштабу контрактов, подписанных с американцами, по словам сына)... Но, в конце концов, у нас с Америкой полу-дружба, полу-соперничество, и не мое дело

вникать, какие у этого шустрого псевдо-янки с русским происхождением по матери планы насчет разведки и контр-разведки...

Я судил по тому, как во времена владычества монголо-татар русские полонянки, родив по десятку детей, всех приводили в доно русской церкви и культуры, спасая Русь после бесчисленных проигранных битв и сожженных кочевниками городов...

Может, и здесь генетика метисов из Америки снова нам помогает...

К тому же, Сережа восхищался нашим домом и всей деревней, непременно хотел поехать завтра в леса и поговорить, как в Москве, с сидящими на лавочках старушками и дедами...

Так на завтра и произошло...

Мы побродили по окрестным лесам, где не было от засухи ни грибов, ни ягод, но были ослепительные комары, которые не трогали нас, но Сережу ели поедом, отчего он орал и залез в машину, так обрызгав ее изнутри аэрозолем от насекомых, что даже моя дочь заворчала, не щадя самолюбие иностранца:

— Сережа, ты что, обабдел?.. Ехать же невозможно...

— А это они на меня, как на свежего человека накинудись, — робко пожаловался он, наряженный моей женой в непромокаемую куртку и белую панаму, на которых должны быть отлично видны ненавистные клеищи с японским энцефалитом, вот уже десяток лет завоевавшие наши леса...

Далее мы посетили ближние мраморные карьеры, где добывался раньше лучший в России минерал этот, украшавший столичные дворцы, метро и храмы. Оказалось, что теперь местные частные хозяева производят на заказ и шедевры для любого покупателя с деньгами — от бело-

снежных львов и каминов до греческих колонн с капителями и фонтанов с точеными чашами, как в Ливадийском дворце в Крыму...

Это буквально потрясло Сережу, не ожидавшего в такой глубинке узреть столь основательный бизнес с таким крутым антуражем...

— А можно их в Америку везти? — неуверенно от нужности этого хлама в США, спросил он.

— Итальянский мрамор же идет на экспорт. А этот не хуже... — резонировал сын, который и сам раньше пробовал находить стоящее в родном краю, но теперь основа его дел — импорт оборудования, и к местным раритетам он охладел давно.

— Впрочем у этого мрамора цвет не эффектный, — успокоил он Сережу, предложив посмотреть местный новенький собор, в котором — он знал — установлен уже Иконостас из мрамора местными тузами от земных щедрот...

Мы полюбовались громадным карьером глубиной с полкилометра, где пилили уже не трехметровые, как на пирамидах, кубы, а втрое больше — какие шли на Храм Христа Спасителя в Москве... «Теперь, видимо, заказчики хотят Новый Парфенон для Греции», — пошутил я, позволив себе намек на явные иностранные инвестиции из Европы, о которых я знал: новые карьеры с горами белых глыб и отвалов хорошо были видны по всей долине крохотной речушки Коелги, намывшей всего за пять миллионов лет этукую сокровищницу безукоризненного сахарного камня... И Храм, стоявший на высоком холме, потряс Сережу: стройные голоса певчих, горделивый пятиярусный иконостас со святыми в алах и голубых хитонах кого угодно привел в апофеоз...

Но Сережа, при выходе, едко заметил:

— Народу маловато, и крыша промокла... Видно, не очень Бога здесь любят...

Я объяснил, что такие храмы с закомарами давно не строили в России. Потеряно мастерство кровельных работ, зато поселок возле храма — штук до сотни красивых коттеджей — лучший во всей области по архитектуре... А хозяева и жертвователи, видно, впрямь — к Богу пока равнодушны... Вот грянет передел собственности — все вспомнят, и кровлю наладят, и на молебны встанут... А пока так — загодя соорудили, даже облицовку пока не делают. Храм стоит пятый год в кирпиче, а плитки — то на заводе какие полированные, да тончайшие — пять миллиметров! Таких раньше в стране никто сделать не мог... Думаю, ими Храм и будет обшит... Когда беда придет, конечно... Или нужда...

На том и помирились, поехав назад, в нашу деревню...

Много еще было бесед, на всю субботу, когда сидела молодежь в бане до рассвета, а я, уже изнемогши, завалился спать... Мне было и приятно, и горько это посещение: открытый мир увлекал новое поколение, приучая к языку бизнеса и ироничной оценке любых деталей чужих стран и культур. А мне всегда раньше хотелось, чтобы наше, уральское, вмг очаровывало и затмевало все... Но наш калифорнийский гость не мог видеть романтично, и от того я огорчался и отмалчивался, пока шел треп о сортах пива, гостиничных услугах или пшадках для гольфа... Это были не мои любимые темы, хотя про свои я уже высказался, впрочем...

При расставании, Сережа опять был восхитительно многословен, рассыпаясь в комплиментах бане и угощению, новым знакомствам и деревенскому молоку, которое он со страхом пригубил, предупрежденный моей дочерью об отсутствии пастеризации оною...

«Чем больше узнаю Россию, тем больше люблю — констатировал Сергей (Серж — по-английски), — только стыдно, что читать почти не умею... Может, меня Алексей обучит», — сказал он, обращаясь к нам.

Что мы могли сказать на это?.. Может и станет для нашего сына нужным обучить американского метиса грамоте российской, если в этом проглянет коммерческий результат — не знаю. Быстрота информации — это еще не знание... А знание — еще не душа...

Может, и проснется в нем эта затаенная душа... Потянется к материнским корням... Зазвучит музыкой Храма и потребностью в исповеди...

Пока что от нас уезжал американец, который практичен и горд собой, своей страной, своим кругозором и женой-японкой... Но он уже тронут ростком удивления, симпатии, озадаченности... А мне приятно, что я воспитал такого сына, у которого есть друг на другом краю земли... Может, и не друг — но не враг, точно.

11 июля 2004 г.

АВТОПОРТРЕТ

Несостоявшийся ученый,
 Несостоявшийся поэт,
 И, в целом, слишком увлеченный,
 Чтоб для потомков дать ответ...

Любил он составлять сонет,
 Не очень, впрочем, оснащенный,
 И, очень этим удрученный,
 Он затаил в душе секрет...

Но это странное беспутство
 Идти по жизни наугад
 В нем сочеталось с однолюбством —
 Присяге верен так солдат...

Жена ли, Родина — не важно —
 Он им служил
 Весьма отважно...
 11 июля 2004 г.,
 село.

СТРАТЕГИЯ ДОБРА

Ход засухи жесток:
 почти сгорели травы
 На солнечных местах,
 на взлобках, на песках...
 И мечутся косцы
 от поисков отавы,
 Выкашивая все
 в измученных лесах...

Какие тут плоды
 найти поспелых ягод...
 Растеряно бреду,
 от зноя изнурен,
 Но зоркий видит глаз
 налившуюся тяжесть
 В тени сосновых лап
 с отливом янтарем...

Да, в рытвинах канав,
 что пролегли в посадках,
 На север бросив тень,
 могучие стволы
 Хранят благую жизнь
 немногих ягод сладких,
 Как живицу своей
 насыщенной смолой...

Стратегия добра —
 не быть на солнцепеке,

Ни славу,
 ни успех
 спокойно не ценя,
 А прятаться в тени
 Великих и высоких,
 Вбирая ток земли
 И бережно храня..

* * *

20 июля 2004 г.

Сосновые посадки за селом 30—40-летних сосен

Это изумительно красивые сосны, выросшие отдельно, в десятке метрах друг от друга, ветви которых не погибают от тени и скученности густых боров, а — наоборот — от самого низа могучи и крепки, достигая до пяти метров длиной и имеют зеленые шишки на уровне плеча или глаза моего. Я всегда любил отдельно стоящие гиганты-сосны с причудливыми извивами крепких веток; а здесь они стоят, как гренадеры на параде — могучие, ярко-зеленые, среди засухи пряча под пологом травы и ягоды... Диво!

ПОРТРЕТ

Стареющая женщина... Она
 Еще прекрасна телом располневшим,
 Но сеть сосудов на ногах видна
 И кажется мизинец онемевшим...

Платком укутавшись, ее согрешшим
 И чаркою горячего вина,
 Беседует с отцом, давно умершим,
 Поскольку неотвязчива вина...

Ей докучают и зятя, и внуки,
 А выручают муж и маникюр,
 Советам добродетельной науки
 Не склонна она верить черезчур...

Давно засохли в косметичке тени,
 Как давний образ юных самомнений...

К/ф «Моозунд» с Олегом Меньшиковым
1987 г. (!) по сценарию Э. Володарского
(нет слов о романе Пикюля!)

Гениальный и последний фильм о величии
России с ее достоинством личным и твердо-
стью духа.

* * *

Как когда-то в России пропало
Все дворянство, храня свою честь —
Так сегодня в огне самопала
Мы теряем надежду и весть...

Наше горе — не перечеть,
И Отчизна держаться устала
За свои вековые анналы,
Где в единстве терпенье и месть...

Давит нас глобализма машина,
Где цинизм и презренье к уму,
И событий крутых мешанина —
Словно СПИД, что похож на чуму...

Но пусть мало нас —
гибнем мы с честью,
Неподкупны ни злату,
ни лести...

24 июля 2004 г.,
дома.

РОК

Один сражен инфарктом,
Другая — в кровь абортom..
Свидетельствую фактом
Увеличеные мертвых...

Россия исчезает
Не столько стариками —
А детскими слезами,
Невидимыми маме..

Они их убивают
До крика, до рожденья,
И в том вины не знают,
Не знают снисхожденья..

Красавицы — на выбор:
Легки и тонконоги..
Какими вы могли бы
Быть матерями многих...

Но рок кружит над Вами,
Дурманом зла и секса —
И Родина — в тумане:
Ее фавор пресеся...

24 июля 2004 г.

Происшествие с Анютой,
боль, отчаянье, тоска...

* * *

О! Девочка родная!
О! Мрака полоса!..
Стихи не принимают
Потухшие глаза...

Душа — подобно корню,
Что вырван из земли,
И все здесь не притворно:
О, Господи, внемли...

Не дай терять рассудок
От лихоломства бед..
Еще настанет утро
И будет новый свет,

И ласковые дети,
Беспечны и легки,
Нас ласками отметят
Как лета мотыльки...

24 июля 2004 г.

Р. С. Одновременно — Аня с горем, Мила — с легкими, Алеша — с путешествием, Ира — с одиночеством — все на фоне страшной засухи, беспечными красотками в изящных шортах, с тонкими фигурками и массой автоинмарок... Калифорния здесь!

САГА О ПОСЛЕДНЕМ ПОХОДЕ (новелла)

Вот я и совершил свой последний поход, свой последний подвиг: не погиб под копытами резвых башкирских коней, не получил воспаления легких от сидения по колено в ледяной стремительной воде Агидели с нелепым алюминиевым веслом в руках, пытаюсь не отстать от двух бугаев, откормленных на мясной изобильности демократического рынка и ретиво сбрасывающих излишний вес в развлечениях сплавных туристических экзотик между островом Бали, Таиландом и Лас-Вегасом, ставшими им доступными и привычными, так же как любимая с детства Башкирия, которая, как пелось у костра в последнем походе:

«Башкирия — это Вам не Сирия,
Это Вам Башкирия — родина моя...»

Да, мой последний поход как бы подвел черту моих полу — вековых поездок по рекам этой экзотической соседки, в которой я впервые спавился на байдарках ровно пол — века назад, тшедущным мальчиком, полным романтики открытий свободы путешествий, а теперь — проплыл и проскакал на лошадках на седьмом десятке в компании с собственным сыном, его ровесником — школьным другом, татаринном и почти доктором наук, также с внуками, племянниками, их ровесниками и дамами, из которых одна — сестра моей жены, верный испытанный соратник десятка походов зрелых моих лет, а другая — кандидат в супруги новой волны моего собственного сына, задумавшего под сорок лет сменить атрибуты устойчивых связей по линии брака на новые, более молодые и пре-

стижные экземпляры в виде, естественно капризной и едкой на язык столичной дивы с белокуро-голубоглазой наружностью, очевидно находящейся в резком контрасте с поднадоевшей за пятнадцать лет угольно-черноглазой супругой, взятой из собственного класса в юности и превратившейся нивесть как в жгучую супер-бомбу, взорвавшей семейную идиллию, получив сразу три высших образования по психологии, психоанализу и ряду смежных дисциплин, обеспечивших ее — наконец — приличным заработком в среде интеллектуальных богатых москвичей эпохи псевдодемократии...

Итак, я был втянут в этот последний свой поход помимо собственной воли, единственно ради близкого знакомления с новой кандидаткой на продолжение фамильного рода своего, ибо прежняя супруга моего единственного сыночка дала отставку его — и моим, конечно — желанием увеличить хотя бы до пары число детей, ограничившись наличием в браке единственного экземпляра в виде теперь уже абсолютно сформировавшегося подростка — внука, носящего родовую фамилию и объездившего в годы семейной идиллии с родителями добрый десяток стран, столицы которых он лишь недавно сумел внятно перечислить, ибо рос молчуном и скрытником, хотя, будучи в настроении, способен и был на озорство, и на колкие шуточки в адрес собственного папаша, а теперь охотно дурачился с его новой пассией, играя с ней картишки или на экране нового сотового (или спутникового?) телефона, где были сотни игр, развлечений и забав, услужливо предоставленных японцами для всех «приколов» новых земель, вовлеченных в информационную эру без отягощения былой провинциальностью или периферийностью, каковой было почти задавлена наша тшедушная бедная и беднейшая

юность, не ведающая ничего, кроме всемирного величия нашей страны — родины слонов и величайших вождей — спасителей человечества...

В программе похода, щедро заказанного и оплаченного моим уникальным сыном — ныне развернувшим свой бизнес в транснациональном масштабе — были и поездки на лошадях, и рыбалка, и сплав на катамаранах (байдарки почти сошли на нет по причине опасности прорыва днища и аварий при мало — квалифицированной туристской публике), и все это было суммарно куда дешевле, чем любая поездка, вожденная мною по причине износа силовых частей скелета — а именно — пароходная, о которой я много раз умолял сына, но он отказывался от нее по причине безудержной гонки цен, вздутых новыми частниками в этой благостной сфере, где можно было бы, ничего не делая, лицезреть поволжские города и храмы России, потребляя коньяк и вина в самолетных креслах, на верхней палубе прогулочных судов, о которых я грезил безуспешно, помня очарование купеческих загулов в фильмах об эпохе русского капитализма начала минувшего столетия...

Но у нас было начало другого столетия. Пароходы почти сгнили в гаванях за десять лет псевдореформ, и новые капиталисты предпочитали покупать английские футбольные клубы или виллы в Испании, поэтому сыну было со всех сторон результативнее гнать своих родителей на галеры, к веслам, на резиновые омерзительные посудины, которые тащились по стоячей воде лишь усилиями наших измученных за полвека мышц, дряблых от старческой авантюжности и способных лишь судорожно закручивать воронки на зеркальной глади Агидели, в которую тысячи лет гляделись древние скалы с пещерами. Куда, теперь, галдя и с визгом, залезали наши внуки...

Ах, каким очарованием были когда-то и для нас эти походы — самые нищие и доступные нам летние отпуска с крошечными сыновьями, увлеченными опасностью речных порогов, бурных стремнин, вкусом увесистых шук после рыбалок и полных ведер мелочи после нашего «бредения» — хождения с сетью — бреднем по ледяной воде под вечер... Я был способен выдержать все это с честью, проваливаясь иногда по горло в водяные воронки и ямы, обрезая тело хищным резуном — травую, распарывая икры о коряги и согреваясь водкой у ночного костра под ясноликой круглой луной, освещающей скалы над омутами и ухмыляющейся нашей глупой бесшабашности и лихости разбивающих палаточные тенты из грубого брезента в любом безлюдном месте...

Сколько рыбы было сварено в ведрах в те годы, накопчено в наскоро сделанных коптильнях, навялено на веревочных снастях за время дневок и стоянок, пока собирались ведрами ягоды и грибы в сказочной Башкирии, давая нам на целый год заряд сил и радости от пленительной нетронутой природы и собственной, почти фантастической выносливости...

Да, недаром сын потащил меня и в этот последний поход... Это было для него значимо — на новом этапе предстоящей жизни исполнить обряд семейного мифа, рассказать у костра все передрыги и приключения юности, ведь его школьный друг — татарин — был рядом, а когда-то они — мальчишки — в походах и оставались одни, почти без пищи несколько суток, потеряв родителей, и это тоже — их миф, их героическая юность, их закалка, которую в сочный раз слушают их дети-подростки, увлекаясь и ловлей рыбы, и пещерным авантюризмом, и песнями у огня... Кто бы возражал, если бы мы — родители — были так же энергичны и романтичны, сбросив груз лет...

Но мы не ведали еще испытания лошаадьми — эту муку рыси или даже галопа, когда могучая скотина вытрасает из тебя — горожанина, давно забывшего реальность лошади — всю душу, стирая в кровь трудовую мозоль понизже спины и так изнурая ножные мышцы от стойки в стременах, что, сойдя с лошади после часовой скачки, ты просто падаешь от отказа ног передвигаться...

Боже, как красиво скачут на конях всадники в фильмах, и как страшна близостью гибели крошечная экспедиция по горным и прибрежным тропинкам, когда лошади идут думом, упираясь почти в репицы передних коней, погрязая по брюхо в болотной грязи и резко вынося крупы на подъемах... Ощущение ежесекундной гибели под копытами в возрасте седьмого десятка крупными каплями пота сползало мне за шиворот, отмечая в безнадере каждую рытвину или речную переправу, куда лихо устремляясь наш крошечный, в десяток лошадей, отряд, воскрешая в моей памяти книги о путешествиях в джунглях, в горных долинах Анд или Памира, в Индии или Африке... Каким трудом и муками человечество осваивало этот шарик, эти материки, эти дебри — а я своим измученным телом не могу теперь перенести и дня такого передвижения...

Да, сын задумал это грандиозно, только с опозданием для нас лет на десять — пятнадцать... Так я думал, молча снося страдания и даже, изловившись, сумел, скособочившись, менять точки опоры в седле, правда, роняя то куртку, то кепку с лошади, которые быстро собирал наш замыкающий — юный абориген этих мест, наш проводник в лодочном походе и спасатель — в конном броске, от которого абсолютно в восторге были вся молодежь, лихо носившаяся на скакунах, едва только открывалось плоское зеленое пространство...

Словом, я не сломаюсь ни в конной, ни в водной части нашего похода. Я даже выдержал стремительную вылазку на вершину какой-то скалы, откуда впервые в жизни лицезрел целых три речные петли Агидели, находящейся где-то в шестистах метрах под нами, сидящими среди лишайников и карликовых сосенок на гранитных валунах с видом победителей...

Стоила мне эта авантюра лишь насквозь пропитанной потом майки и немоты спинных и икроножных мышц, зато — уже дома — я любовался фото с собственным профилем на фоне синих уральских гор, как в молодости, побывав с другом фотографом на вершинах Таганая и Александровской сопки...

Ладно, думал я, для последнего раза можно выдержать и такие марш-броски в компании дюжих туристов-десантников (случайные спутники по дневке — певцы десантного столичного гарнизона, дюжие, в форме и ботинках, идущие в гору с песнями и разбойным свистом!..)

Но апогеем, смыслом, контрапунктом похода была, конечно, вечерняя баня на пасеке, где мы оказались с сыном и внуком наедине, в полной темноте и среди овец и коз, пасущихся возле бани на блаженном густотравье...

Баня была по-черному, с крошечным оконцем и дуной в нем. Внук мой мылся стремительно и опасливо, ожидая отца, который доводил до лагеря свою новую пассиву и должен был вернуться с фонарем и чистым бельем.. Но внук и продолжатель рода все же боялся этой чернильной темноты в бане и спешил выйти на воздух, не снисходя на разговоры и на мои попытки узнать, как он смотрит на все происходящее в семье...

— Дед, я уже помылся, вот тебе ковшик и не провались — там половицы гнилые, — быстро информировал

он, явно уходя от разговора и тыча мне в руки алюминиевую посудину...

— А, может, я тебя попарю, — робко пробовал я задержать его...

В постоянном своем отдалении от него за все годы — он — в столице, я — в провинции — я только изредка говорил с ним, всегда сопровождаемым то отцом, то матерью.. Я любил его издали, теряясь от быстроты его взросления: от черноглазого в ходунках младенца в отдаленном квартале, куда ездил — два часа из центра, и двое суток лета от меня — до школьника в элитной школе, в цилиндре и фраке, где он играл роль Тома Сойера...

Потом — всегда встречи — расставания, поцелуи — ухмылки, джинсы — компьютеры — все уносило его от меня. И ни одного неторопливого разговора: мать наотрез не посылала его к нам — старикам — в одиночку, то ли обманывая нас давно и боясь откровений сына об обстановке в семье, то ли задумав свой отрыв и не желая нашей сердечной привязанности к старшему внуку.. Такой, какой нас одарил младший, от дочери, мальчуган — десять лет неразлучный с нами и в доме, и в поездках, на даче и на вылазках за грибами вокруг дачи.. Младший внук отсутствовал в походе по причине болезни, и тем самым у меня была возможность хоть как-то краешком заглянуть в перепуганную душу старшего...

Но, замазав в окне фонарик, раздалися шаги, и сын мой распахнул дверь, прерывая не начавшийся наш диалог...

— Одевайся, вот белье. А я папашу попарю, — засуетился сын, и — действительно профессионально выполнил это, найдя и ковш, и воду, и полку для парилки в темноте, успев и контролировать процесс одевания внука, и даже помогая ему найти разбросанные на открытом крыльце носки.. Многое

успевал мой сын в жизни: за два десятка лет в столице, от первокурсника-студента — до транснационального бизнесмена прошел он путь, используя все свои способности и интеллект, социальные потрясения и крах былого строя, знания человеческой психологии и преимущества нищего детства, закалившего его в лишениях и походах...

Когда он отправил одетого внука в лагерь, я предложил и ему тоже попариться, используя паузу: следующая партия девиц собиралась через полчаса на помывку... Он согласился, и я тоже постарался обработать его невидимое во тьме крепкое тело с избытком веса так, что он закричал от удовольствия:

— Ну, батя, ты даешь... Не ошпаришься сам?..

— Ничего, я привычный, благодаря тебе в сауне — каждый день возрождаюсь, — сказал я, имея в виду сельский дом, где на средства сына за десять лет возникло целое поместье, где я и писал, и отдыхал, и возрождался, чтобы сносить все...

Когда мы вышли на крытое крыльцо, я с надеждой спросил:

— Попьем пивка — не против?..

— Давай, — устроился он на лавке перед столиком — отменным цербатым пнем от старой лиственницы, поставленным хозяином пасеки, у которого сын откупил на пару часов баню, а затем — барашка для шашлыка, предстоящего завтра...

— Ты не против, если я скажу свое впечатление от твоей спутницы и о всей твоей колизии вообще... — спросил я, слотнув слюну от пива...

— Валяй, — спокойно разрешил сын, и я понял, что теперь ему будут безразличны все мои слова и упреки, прогнозы и мысли. Он стал хозяином судьбы, он все решил

сам, и нечего читать ему прописи о святости брака, о кошмаре смены жен и одиночестве в жизни вообще...

— Впрочем, — сказал я, — если ты решился на развод — мои советы излишни...

— Да нет, почему же... — возразил он.

И я произнес свой монолог, который мог сказать только наедине с сыном, который был для меня и радостью, и горечью всю жизнь: страх за него вел меня в этом мире с первых мгновений встречи с его матерью... Страх за него перед миром — жестоким и злым, раздавливающим все непохожее и стирающим все искреннее, презирающим все самобытное и размывающим все своеобразное...

Сын выдержал все. Он победил на всех фронтах: в карьере и независимости, в целостности характера и стойкости перед столицей. Он видел мир в сотни раз зорче меня и был снисходителен к моим слабостям. Чему я мог его научить — я шел в последний поход и терял нить духовной связи поколений...

Но я знал, что он несчастен. Несчастен глубоко и скрыто. Горько и непоправимо. Никакая другая женщина уже не станет ему другом, а измена или разрыв с человеком, знавшим его с семи лет до сорока — не пройдут и не покинут его никогда, сколько бы браков или связей он не имел в дальнейшем.

И я был тоже виноват в этом — я настоял на возобновлении его прерванных в студенчестве отношений с теперь уже бывшей женой. Я был сводником, хотя он мне говорил: «Она не доросла еще, учи...»

И он выдержал эти пятнадцать лет, добившись в одиночку, без моей помощи — всего: квартиры, денег, карьеры, научной степени, успеха в бизнесе...

Что я мог сказать?

— Если ты решил, я могу сказать одно: не торопись. Присмотришь к этому человеку... К этой девочке, — добавил я, вставая и допивая пиво — немецкое отличное пиво из банки в глухой башкирской бане, где не было электричества, как и сорок лет назад, когда он родился.

Сын не ответил, задумчиво посмотрев на меня...

Я, действительно, был в последнем походе и у меня не было ни каких аргументов перед его выбором... У меня, пронзенного старческим страхом перед копытами несущегося галопом коня, не было даже опыта, как усидеть в седле нового стремительного времени...

Какие я мог дать советы в несчастье собственного сына, идущего рядом со мной в лагерь после роскошной бани, в лагерь, где ждали его к ужину подросток сын и обожающая его молодая женщина, моложе его вдвое...

23 августа 2004 г.

НЕВЫСКАЗАННЫЕ СОНЕТЫ

(цикл)

1.

Любимый сын! Не высказанной болью
Я горше, чем вином заморским, опоев,
Хоть не был я пристрастен к алкоголю —
Но эта боль лишь вызывает стон...

Я — не библейский мудрый Соломон,
Чтоб обсуждать твою земную волю,
И каждый осужден на злую долю —
Таков земли сомнительный закон...

Но всех несчастий горше боль разрыва
С далеким прошлым собственным своим,
Где был ты молод легкостью счастливой
И солнцем был обласкан неземным...

Такой разрыв в нас оставляет раны —
Ведь он сулит и в будущем обманы...

2.

Да, он сулит и в будущем обманы —
Ведь предан был пред алтарем обет,
Когда-то под венцом пред Богом данный,
Что в брэнном мире больше пары нет...

Конечно, устоит и этот свет,
Насквозь предательством и ложью увенчанный,
И, может, цели обретет желанной
Любой обмана автор иль клеветет...

Но ты, достигнув новой высоты и цели,
 Не раз еще припомнишь эти дни,
 Согласно в браке, счастья на постели,
 Вокруг кроватки детской суетни...

Нет, не дано нам, змеем кожу сбросив,
 Без горечи висков увидеть проседь...

3.

Без горечи висков увидеть проседь
 Способен только тот, кто навсегда
 Отрекся от срезания колосьев
 В чужих полях, где рожь и лебеда...

Испытывает нас всегда беда,
 Успех же опьяняет, чуда просит,
 Но неизбежно после лета осень
 Нас наполняет горечью стыда...

И только постоянство и служенье,
 Где себялюбие — падчерица снов
 Нам доставляет честь и уваженье
 В самом себе — основе всех основ...

То истина победы над собою,
 Иначе — осень с совестью больной...

4.

Наступит осень с совестью больной,
 Ты установишь по часам беду
 И разочтешь, как стал тому виною
 Лишь к собственному позднему стыду...

Ты был садовник в собственном саду,
 Но в нем трудился холодно душою,
 И этою ошибкой небольшою
 Обязан червоточинам в плоду...

Но дерево зачем должно засохнуть,
 Когда оно корнями проросло,
 Но ты его не слышал боль и вздохи —
 Тебя по дальним странам унесло...

И ты поймешь, что иногда богатство
 Становится ценою святотатства...

5.

Становится ценою святотатства
 Другая эра на глазах у нас,
 Где исчезает простота и братство,
 И даже блеск наивных юных глаз...

Одни народы злобствуют подчас,
 Завидя друг другу за богатства —
 Другие раздают беднейшим явства,
 Гостеприимством искренне лучась...

Кто победит — открытость или зависть,
 Кто выживет в стремленье новых благ —
 Я верю — не подлец и не мерзавец,
 Хотя теперь — капитализм — не враг...

И все же, все же — силу чистогана,
 Как Короля, рассматривать нам рано...

6.

Как Короля — рассматривать нам рано
 Любого обладателя чудес —
 От шулера базарного обмана
 До властелина банковских метресс...

Хотя тебе — то ни к чему ликбез,
 Как праведнику ни к чему осанна:
 Он знает — в чем сокрыт всеуший бес
 И сторонится грязного стакана...

И тот несчастен, кто такой урок
 Считает старомодной чепухой —
 Мир к верхоглядству зорек и жесток,
 Так плесень в доме сыплется трухую...

Закон Природы чист и вездесущ —
 Свят виноград и презираем плющ...

7.

Свят виноград и презираем плющ,
 Сорняк — не ровня алому гранату..
 Выращивать детей — трудней томатов:
 Мешает возделенье райских кущ...

И пусть я зубром беловежских пущ
 Тебе кажусь иль отставным солдатом —
 В твоих руках от будущего ключ,
 Который я вручил тебе когда-то..

Не тычсья им в обманные замки,
 И различай надежность от подделки —
 Все женщины велики иль мелки
 Лишь от мужской огранки и руки..

Все остальное — низменный искүс —
 Так заповедал мудрый Иисус..

8.

Как заповедал мудрый Иисус —
 Терпенье составляет в жизни счастье..
 Я отменить не в силах этой власти,
 Лукавить даже сыну не потчусь..

И пусть легенда — та святая Русь,
 Которой присягнул ты в одночасье:
 Сумей судьбу достроить, словно мастер,
 А не любовник Дусь или Марусь..

А будешь ты влиятелен и мощен,
 Иль презираем банковским дельцом —
 Мне все равно, как отношение тещи
 С твоим настырным и дурным отцом..

Иди же в мир и будет Бог с тобою,
 Ты боль моя — в молитве всей душою..

21—25 августа 2004 г.

БАЛЛАДА О ВЕРНОЙ ПОДРУГЕ

Мне надежной не надо улады,
Чем домашнего зверства любовь...
Когда кошка приходит из сада —
То ни в чем ей не прекословь...

Вот потянется сладко от мяса,
Промурлычет волшебную песнь —
И опять улыбается счастье,
От подруги волшебная весть...

Египтянка, обросшая шерстью,
Круглоглаза, как будто сова,
Среди всех мне известнейших бестий
В каждом плавном движении права:

То свернувшись лежит, не мурлыча,
То прильнет мягкой шерстью ко мне,
Воскрешая старинный обычай —
Думать легче вдвоем в тишине.

Никогда изменять не пытаюсь,
Сколько лет прожила ты в дому,
На полу от тоски кувыркаясь
Иль уставившись ночью во тьму...

Я тебя воскрешал от болезней
И спасал от настырных котов,
Если дух после смерти воскреснет —
В кошку я воплотиться готов.

Эта чуткость душевного зверя —
Воплощение гармонии сна...
Хоть в загробную жизнь и не верю —
Ангел мой — это кошка одна...

* * *

Собачья наивность и преданность —
И Кошкина хитрость во всем...
Собачья к хозяину ревность —
И вера кошачья в дом...

Собак в походе вынослива —
А кошка из дома — ни-ни...
Собака ласкаться не просится —
А кошка мурлычет все дни...

Какие в дому моем разные,
Под старость живут существа,
Творцом иль природою созданы
По разным путям естества...

Так дети у нас различаются —
Сын где-то по миру кружит,
А дочь домовитой хозяйшкой
Очаг свой семейный хранит...

И этим контрастом божественным
Прекрасна обычная жизнь...
Мужское величье и женское —
Вяжи свою пряжу, вяжи...
25 августа 2004 г.

ПАРАФРАЗ ТЮТЧЕВУ...

Не то, что мните Вы — Природа...

1.

Не то, что мните Вы — Россия...
Не стадо, не бараний скот...
Когда ее скудеет сила —
Другим становится народ.

Всегда во всем наоборот,
Измучена и некрасива,
Она пощады не просила,
Когда орда на нас идет...

Преображением могуча,
Она дает богатейрей,
Когда над Родиною туча
И враг ликует у дверей...

Когда она стоит над бездной —
Она становится железной...

2.

Она становится железной,
Почти закована когда,
И бешеной, огню не трезвой,
Но отрезвевшей от стыда...

Неисчислимы те года,
Когда до каждого уезда
Национальная беда
Кричит: усилья бесполезны...

Но Минин собирает рать
 Почти десятую по счету —
 Мещане, и князья, и знать
 Уходят в ратную работу

И сломлен смутный ход времен
 От беззаветности знамен..

3.

От беззаветности знамен
 И от отчаянья и боли
 Воров тюремный эшелон
 Идет в распыл до первой крови..

Пусть хоть на миг мелькнет нам воля —
 И русский в Родину влюблен,
 Забыв уставы и пароли,
 На небеса уходит он..

Смердит от трупов русских степь,
 Но враг растеряно отходит..
 Страна распята на кресте —
 И Богородица приходит..

Идет в платке. В крови хитон
 На сотни верст — российский стон..

4.

На сотни верст — российский стон..
 Века идут. Владыки хилят..
 У зарастающей могилы
 Старуха с внуком бьет поклон.

Но если вырастает он,
 Самой земли наполнен силой,
 Развратен, скрытен перед милой —
 Он чувствует нутром закон:

Во имя воли и креста
 Идти опять на рать чужую,
 И безымянна высота
 Его поглотит в тощью земную..

Превыше праведника тот,
 Кто кровь за Родину прольет..

5.

Кто кровь за Родину прольет,
 Ее закрыв на миг лишь телом —
 Тому не быть осиротелым
 О нем хоть птаха, но споет.

Цветов могильных сладок мед,
 Кора берез — как чернь на белом
 А чуть подальше — рожь созрела —
 Идет земли круговорот..

Бесланская трагедия

БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕМ ГЕРОЕ

(цикл)

* * *

Любимые папа и мама лежат
Навеки в руинах, сожженны..
Над ними чеченские пули жужжат
Пока мы бежим, обнаженны..

Спасите, спасите — стоит над толпой,
Пылает в огне наша школа,
Где утром мы радостно целой семьей
Явились на праздник веселый..

И солнце струилось, и радостный смех
Был прерван фигурами в масках..
Нас в классы загнали прикладами всех
И плач был надрывный напрасным..

И несколько суток нас мучил кошмар,
И даже воды не давали,
Пока не услышали слово «пожар»
И дикие крики в подвале..

Мы выбили окна, и вот я бегу,
А мама и папа погибли..
Я больше в стране этой жить не могу,
Где пули такого калибра..

Мне в спину стреляют, и режет глаза
Дымящийся воздух горячий,
И вопют сирен надо мной голоса,
Чтоб я добежал наудачу..

Но выпустил сзади гранатомет
Струю огневую и злую,
И я улетаю в воздушный полет,
Лечу я напропалую..

Лечу над покинутой мною землей,
Где люди враждуют в кошмаре,
Туда, где любимый последний герой
Под пальмами вареве жарит..

Лечу и не плачу, и так мне легко,
И пить мне не хочется вовсе..
Лечу выше гор и самих облаков..
Меня, видно, ангел уносит..

Выстрелы в спину

Когда в атаку шли штрафные роты —
То командир держался позади,
И десять автоматчиков-уродов,
У каждого — медали на груди..

Если кто упал — они смотрели
Лицом упал назад или впереди
А если со спины солдат прострелян —
Его кончали, чтоб не навредил..

Раненье в спину — значит, он предатель...
 Раненье в грудь — снимается вина,
 И после боя он — стране приятель,
 И чарку водки выдаст старшина...

Кто знал, что сей закон нарушат дети,
 Заложниками в школе отрываю,
 И с пятнами синопными отметин
 Они неслись от взрывов наугад...

А в спину им предатели стреляли,
 Гордящиеся мстительства клеймом,
 И пули заходили по спирали
 В живое мясо, ставшее дерьмом...

Так изменилось время, и эпоха
 Зачислила детей теперь в штрафбат..
 Предательство — страшней чертополоха,
 Оно везде, куда не бросишь взгляд...

*Август-сентябрь 1914 г. —
 90 лет I Мировой войны.
 Сентябрь 2004 г.*

Богаты мы, едва от колыбели,
 Ошибками отцов и поздим их умом...
М. Лермонтов

Война дураков

И вот мы снова накануне
 Всемирной подлости войны —
 И снова Разум никнет втуне
 В бессильной жажде тишины...

И нервы вновь обнажены,
 Как электрические струны,
 Политики бесстыдно юны
 И нерасчетливо умны...

Так мир сползал в конфликт когда-то
 В Сараево, где террорист
 Нашел в Ульянове собрата
 На лестнице, ведущей вниз...

И Сталин с Гитлером, ликуя,
 Узрили бойню мировую...

* * *

Узрели бойню мировую
 И мы, отринув коммунизм,
 Страну насильно четвертуя
 Под кличкой тоталитаризм...

Идет на смену терроризм,
 Себя свободой именуя,

Иудин привкус поцелуя
Почувствовал капитализм...

И сложный мировой пасьянс
Опять страдальцев в мире множит,
Могильных ям опять подножье
Мыслителей приводит в транс...

Окончен век. Пусты уроки.
Разгадка мира — на Востоке...

* * *

Разгадка мира — на Востоке...
Колониальные места
Опять идут на бой жестокий,
Где террористы неспроста...

Была ли Ленина мечта
Опережающая по срокам,
Или бессилие креста
Совпало с гибельным пророком —

Но век двадцатый изнурил
Европу так же, как Россию,
Нам вместе не хватает сил
Бороться вновь против насилия...

А на Востоке кровь бурлит —
И бомбе молится шахид...

* * *

И бомбе молится шахид,
Низвергнут в нищету и одурь...
Не мы ли мыслили свободу
Всем, кто отвергнут и забыт...

Россия нынче — инвалид,
Мечтает видеть мир особый,
Где лишь смиренность вместо злобы,
А вместо ярости — лишь стыд...

Но глобализм — полярный мир,
И он разломлен, как и прежде,
На тех, кто в дорогой одежде,
И кто в лачугах без квартир...

Мы бедняков вели когда-то
На мир насилия и разврата...

* * *

На мир насилия и разврата
С кровавым знаменем идя,
Мы народили лишь.. вождя,
И нищета — тому расплата...

Толпа в России бесновата,
Теперь, немного погоды
Она, себе же навредя,
Вождю быломu ждет собрата...

И всей трагедией Беслан
 Большой террор напоминает,
 Когда Ежов лишь исполняет
 Какой — то хитроумный план...

И он исчезнет, сделав дело,
 А Русь глядит оторопело...

* * *

А Русь глядит оторопело
 На взрывы и пожары школ,
 На назначенцев произвол,
 Банкротящих цеха умело...

На лихоимство беспредела,
 Вам в спину тыкающих ствол,
 На наглость точного расстрела
 Всех претендентов на престол...

Погиб таинственно Собчак,
 Погиб, подбитый в небе, Лебедь,
 А террорист и главный враг —
 Здоров и при еде и хлебе...

А предводитель и кумир
 Шлет указания в эфир...

* * *

А предводитель и кумир —
 Кто он? Таинственный и явный,
 Грядущий вождь — или бесславный
 Страны распавшейся эмир...

Поет осанну новый клир
 В подобострастности державной:
 «Мочить, мочить его, в сортир» —
 Вот лозунг истины заглавной...

И, ничему не обучась,
 Отцов ошибки не усвоя,
 Детей растаптывая в грязь
 И матерей стыдя от воя —

Страна рабов, страна господ
 Навстречу гибели идет...

3—5 сентября 2004 г.,
 Варламово—Челябинск.

Р. С. Сегодня объявлено об отмене выборов в субъектах путем общего голосования и выдвижений только Президентом кандидатур на эту должность...

Это примерно 26 год Сталинской эпохи. В 1929 ему было 50 — он победил всех... Самый скромный и тихий член политбюро, чуждый левого и правого уклona.

24 сентября 2004 г.

* * *

О! Современницы мои —
 Уралочки-интеллигентки —
 Подчас лишённые любви,
 Хотя давно уж не студентки...

Вы свято помните моменты —
 В часы прошедшие свои
 Духовной истины легенды
 Вас опьяняли, как ай...

И эти звездные часы
 Так опалили ваши души,
 Что облик редкостной красоты
 Ничто с годами не нарушит...

Вы обаятельны, как сон
 Далекой юности времен...

ТУМАННОЕ ПРОСТРАНСТВО (новелла)

С утра в городе стоял туман, какого не было все лето: густой и плотный, он почти вплотную облегал дома, а машины шли со включенными фарами. В это утро мы должны были показать приезжим немцам наши озера и горы, и руководительница с нашей стороны встретила меня испуганными круглыми от страха глазами:

— Как мы поедem — ничего не видно! Как быть — все срывается...

— Не волнуйтесь, — уверенно сказал я, — туман сулит ослепительный жаркий день.. Это же бабье лето, разбег ночных и дневных температур достигнет апогея..

— Вы не шутите? А как мы выедем..

— Через полчаса за городом будем со светом, а там все развеется.. Это же символ уникального дня! — еще тверже ответил я, с любопытством рассматривая входящих немцев: как они настроены..

Немцы и немки были настроены великолепно: с юмором они пугали друг друга, поводя руками перед лицами и прищипывая: Ахтунг! Ахтунг! Позавчера мы зачитывали им новеллы военных лет, каким минуло шесть десятилетий, и они сочувствовали нам и друг другу — какие времена пережили два народа, колотя друг друга, и в знак примирения дарили фотоаппараты, книги, сувениры.. Немцы были старые, очень старые, но настроенные дружелюбно: у них и своих проблем хватало, ан нет — даже евро выделили, чтобы наши старушки и старики письменно вспоминали бомбежки и концлагеря, голодуху и погибших мужей..

А теперь они ехали в тумане, как назло и не думавшем рассеиваться, в сторону гор, до которых не добрались в мо-

лодые годы военным путем.. И мне — сыну погибшего офицера, — надо было им что-то рассказывать, пока хоть что-то станет видно..

И я говорил, говорил, говорил, четко отделяя фразы, чтобы переводчица не теряла мысль, выражаемую мною четко и напористо..

Я рассказывал о своей земле, где родился и вырос, выучился и определился, стал упрямым и недоверчивым к общим взглядам и очевидным явлениям..

Я рассказывал, как пришли сюда казаки и служили два века, не зная устал и приспособившись к суровым зимам и аспидной жаре.. Рассказывал, как их потом уничтожали, выгнали, сослали, дабы не осталось и их духу, навезя другие этносы и классы, разделив села и церкви, школы и общины, землю и реки..

Кипя от ярости, я рассказывал о старообрядцах, убежавших из центра ради своих икон и книг, молитв и крещений, но их тоже настигали в глубинах гор и в таежных уремах, заточали в оковы и ссылали на каторгу, дабы они не портили общее благолепие и покорство в этой жестокой стране..

Немцы слушали внимательно и качали от сочувствия головами, а мои земляки и землячки в паузах зло шипели от недоумения: зачем я позорю свою родину перед иностранцами, да еще участниками былой войны, может быть..

Но я не обращал внимания, ибо с каждым моим отчаянным словом правды туман рассеивался весьма символично: становилось ясней и жарче, солнце все явственнее пробивалось справа, ибо мы ехали точно на запад, в Ильмень..

Степь перешла в холмы, точно в указанном месте появились горы, а мы уже в ослепительном свете подкатили к музею геологии, известном всему миру..

И там я тоже говорил о диссидентах: ученых, чьи взгляды отвергались, геологах, чьи идеи высмеивались, биологах, чья память не желают хранить их презренные оппоненты..

Птички, рыбки, хищники и травоядные в витринах музея оторопело смотрели на меня, воюющего с химерами прошлого, но немцы по-прежнему слушали меня деликатно и не задавали вопросов..

Потом мы рванули к Тургояку, и на прогулочном катере стремительно добрались по стеклянной глади до заветного острова, где в глубине, возле древнего шихана с крестом я достиг своего апогея: убежища кержаков в скалистых норах под шиханом не могли не потрясти европейцев, живо представивших всю муку прожития в этих звериных пещерах в лютые зимы без голландских печей и горячей пищи..

«Кто они такие? Зачем здесь были?» — через переводчица недоумевали самые темпераментные..

— Протестанты! Диссиденты! Как у вас — триста лет против папы воевали, а у нас — убегали и прятались. Ясно..

— Но мы добились своего.. — говорили немцы, — хотя было трудно..

— А мы добьемся через.. триста лет, — добродушно пошутил я, действительно понимая всю обреченность моих предков да и нашего поколения, которому — и впрямь скоро в пещеры бежать придется..

— Ничего, ничего, Кирилл, русские очень крепкие.. Вы выдержите! — по-русски сказал мне Герард, один из немногих говоривший легко и ясно, и — кстати — осведомился:

— Ты говорил — граница Азии — Европы близко? Как туда попасть..

— Думаю, тут вы не выдержите: это от дороги идти пешком под гору и вдоль железки часа полтора.. Не вытянете, к сожалению..

— Выдержим! Нельзя отступать, — ответил Герард и долго-долго объяснял старушкам, что предстоит им...

Как мы не отговаривали усталую группу — все хотели непременно на границу континентов. Пришлось ехать, потом идти вниз на станцию Уржумку мимо брошенных нищих изб, затоптанных огородов, обвалившихся оград... Когда бы раньше иностранцам показывали такие трущобы, но эти шагали бодро и неумоимо... Горы ослепительной сияли бронзой берез и киноварью осин. Мужики с пивом на скамейках возле станции поощрительно гоготали: «Наддайте, бабки, осталось немного...»

Далеко от станции стоял этот столб, где я бывал в юности, не особо ликую по поводу этой условной границы: нам всем хотелось в Европу и было стыдно за свое азиатство...

А немцы ликовали, как дети, бурно выражая мне признательность, словно я к удивлению, их не обманул, страшая дорогой и угрозами от летящих мимо поездов...

Но я не фотографировался ни в Европе, ни в Азии — я встал посредине, сказав: я — евразиец, нога там — нога здесь. Это — мое кредо...

«О! Кирилл! Это — блеск! Это — уникально», — восклицали немки, и тоже просили их снять именно в таких позах...

И я опять начал им говорить на обратном пути об авторе этого столба Гарине-Михайловском, его борьбе с коррупцией, с мафией строителей этой дороги, с большими, которые брали у него деньги, но сулили впереди лишь террор и диктатуру, что и произошло в реальности...

— Кирилл, у тебя всегда печальные рассказы, — сказала мне переводчица, когда мы добрались, задыхаясь, вверх на дорогу, к автобусу...

— Увы, — сказал я, — я говорю лишь то, что понял и осознал сам, прожив на Урале всю жизнь... Разве то, что вы видели — не убеждает: только инакомыслящие способны оставить устойчивые мощные следы на этой земле...

— Он прав, — подхватил Герард, стоя рядом, — Поэтому мы тоже решили показать — немцы тоже умеют добиваться своего...

И мы согласились — народы наши стоят друг друга; поэтому и была нас судьба до упора. До кровопускания... А будущее, как всегда, в тумане...

*Сентябрь 25 дня 2004 г.,
записано в Варлаамове.*

ЭТЮДЫ СОРОКАЛЕТΙΑ

* * *

В золотые дни сорокалетья
 Золотая осень к нам пришла,
 Как старинной повести наследье
 О бореньи доброты и зла

Замерли озера из стекла,
 Отражая гибель и бессмертье —
 Это осень все костры зажгла,
 Зимнее предвидя лихолетье...

Что нам зажигать в такие дни...
 Свечи и лампы или души...
 Монотонность бытия наруша,
 Нет, не выпасть нам из суетни...

Это лишь природа так мудра —
 Что сияет солнцем нам с утра...
 24 сентября 2004 г.

* * *

Днем до 25 градусов, тепло,
 золотисто, сказочно и
 до слез много символично...
 Ведь это завтра — день Ангела мамочки:
 Вера, Надежда, Любовь и Софья...
 Это дни страшных разладов в те,
 1964 года, дни моего страха,
 отчаянья, судорог и обретения ложа...

Природа — храм...

Б. Пастернак

* * *

Киноварь, багрянец и январь —
 Вот расцветка осени роскошной
 Вечной и таинственной, как встарь,
 Не свершающей ни в чем оплошки

Вновь иконостас, и пономарь
 Службу по евангелю дотошно
 Совершает, и свечная гарь
 В золотые оплывает плашки...

Да, природа — храм, сказал поэт...
 Желтизна и золото, и пенье...
 Только лишь в России столько лет
 И возможно долгое терпенье...

Потому и милостив к нам Бог,
 Простирая осени чертог...

* * *

Много лет предвидел я заране,
 Этих лет задумчивый итог:
 Только затаенное страданье
 К старости сулит всесильный Бог...

Вспышки он дает коротких строк,
 Воплощая скромное признание,
 Что любви горячее дерзанье
 В жизни я постичь — увы — не смог...

Я усвоил только полу — слово,
 Даже полуфразы не постиг,
 Суетностью согнутый земного,
 Сдерживая, сдавливая крик...

Только ты одна к сорокалетью
 Предаешь обыденность бессмертью...

1 октября 2004 г.

* * *

Совокупность быта и наива
 В ореоле дрызг и суетни
 Коддовскими волнами разлива
 Наполняет трепетные дни...

О! Душа — спаси и сохрани
 Этот ритм — таинственно-счастливый,
 Он такой пред временем пугливый,
 Как заката в золоте огни...

Теплая мелодия у скрипки
 Также затаенна, как душа...
 Древесина скрипнувшей калитки
 Под дождем осенним хороша...

Все это заметнее с годами
 Утончает связи между нами...

* * *

В дни сорокалетья надо помнить
 Мудрости накопленный итог:
 Только лишь терпение наполнит
 Этот небольшой, по — сути, срок...

Но терпенья нету без доверья...
 Как его сумеешь не потерять.
 Даже крепко — кованые двери
 Не сумеют веру удержать...

Потому терпение и вера
 Дополняет нежная Любовь...
 Сорок лет — тогда лишь не Химера,
 Если ощущаем это вновь...

3 октября 2004 г.

* * *

Сороколетье — не сороколуние...
 Сорока-птица — страж густых лесов.
 Она — увы — не складная певунья,
 Как я — не мастер ладных голосов...

Но я забыл прошедший ход часов,
 Я навсегда предвестья накануне,
 Обязанный тебе, а не Фортуне
 Восторженностью жизненных красот...

Отточенность твоих упорных жестов,
 Возвышенность и ясность красоты

Еще сулит и чистое блаженство,
Боюсь сказать — и таинство мечты..

Да, черт возьми — пускай трещит сорока —
Сороколетье — даже не пол-срока..

«Не задавайся вопросом —
Что может сделать для тебя страна..
Думай о том, что ты можешь сделать
для нее»

Кеннеди Джон, президент США —
к поколению бумеров от поколения
бунтарей-шестидесятников..

* * *

Земля обетованная — Урал..
Двадцатый век окончился кровавый,
А я в нем пули почерк не узнал,
И равнодушен стал к военной славе..

Да разве я рассчитывать был вправе,
Чтоб штык меня насквозь не протыкал
И чтобы до костей не промерзал
В окопе — отвратительной канаве..

За что мне эта участь задарма —
Не знать и вкуса ядерной отравы,
Не знать, как запирается тюрьма,
Как пахнут наркотические травы..

Жена моя! Дадим себе отчет:
Не заслужили мы такой почет..

Стивен Даллас — Авраам Линкольн —
открытые дебаты в середине XIX века по по-
воду рабства при выборах Президента США...
Вот откуда диспуты!

* * *

Просто до неприличности
В стране не хватает Личности...
Не там, наверху, при власти —
А там, где беда и напасти,
Где нужно терпенье и вера,
И скромная мудрость примера...

Пришло на ум 1 ноября 2004 г.

ГРИБНОЙ СУП ИМЕНИ ВЕРНАДСКОГО (новелла)

Ах уж эти поездки в столичные города... Питер, Моск-
ва, десятки музеев, сотни новых подробностей после пяти
лет небытия там... Древний подголовный сундучок 16 века
в музее-квартире Пушкина на Мойке... Тот, что соединял
его с родословными предками времен Годунова и служил
и ему в поездках по России «то в коляске, то пешком...».

Подвесной Гамак Чарльза Дарвина, на котором он бол-
тался почти пять лет в крутосветке на «Гончей», обретая
связь природных существ своим терпением, разгадывая
тайны изменчивости видов и угадывая прошлое Человека...

Утлый самодельный прибор Попова, которым он спас
замерзший крейсер во льдах Финского залива и открыл
волшебство беспроводной связи эфира...

Удивительный пожелтый цвет живота Данаи — Сас-
кии, ее слабый защищающийся жест руки, испуганной
появлением светящегося бога с небес... И холеная Даная
Тициана — богиня, столь контрастная живой Саскии Рем-
бранта, оттакаивающая бесстыдством и распутностью...

Сколько пересмотрено, переоценено, обласкано взглядом...

А запоминается житейское, бытовое, вроде грибного
супчика, домашнего и наваристого в центре Москвы, на
Манежной площади, где бывал тысячи раз, но в геомузее
Земли, основанный чтимым гением — Вернадским — так
и не заглядывал...

А заглянул сейчас, слишком — любомудром, и заскорбел:
уж очень трудно жить геологам — глобалистам в эту рыноч-
ную эпоху. Денег почти нет, науку прозят перевести на кошп
собственный, вот и гудит от молодежи крошечный музей
столетней давности: выставка динозавров вместо геологии
Земли приносит доход для ремонта и прокорма... А там му-

зей — в трех комнатах, где сокровища от графа Разумовского до гения Вернадского — в десятке шкафов — немые и загадочные, совсем не рекламно — бесстыдные и не экономико-выгодные для сиюминутной пользы...

Старушка-геолог доказывает ярко и толково, что и кристаллы живут, питаются растворами, и несут в себе миллионы лет эволюции, и будят воображение, поражая красотой, а все бегут на динозавров за пол — тысячи билет, и в залах с камнями холодно и печально...

Но вот в буфете в подвале, куда зашел перекусить чуть позднее обеденного часа, дают мне тарелку грибного супа с хлебом, и я восхищаюсь: и дома такого редко ед, а тут — в казенном музее...

«Ешьте — это у нас все домашнее, по своим рецептам» — журчит ласково пожилая хозяйка крошечного, на три столика, кафе...

И понимаешь — не зря так тянуло меня в этот музей: Вернадский своим интимно — ласковым языком давно пленил меня с юности, и вот я пришел наконец к нему в гости, после Пушкина и Попова, Рембранта и Дарвина — все гении прошлого — такие понятные и человечески живые, ласково дали мне после редкостной духовной пищи и этот — российский, эталонно — эксклюзивный, ароматно — домашний суп, который достается только избранным десяткам отечества, способным понять всю прелесть такой неброской глубинной жизни, открывающейся с годами терпением и преданностью великой незримой нити, связывающей гениев и их не показных последователей...

Отношусь ли я к ним... Не знаю... Но грибной суп у Вернадского запомнился больше всего...

От старости, по видимому...

17 октября 2004 г.,

дома, в ночь приезда самолетом...

* * *

Все ли это пустяки...
Сам не знаю, право
Смотрит в даль из-под руки
Неземная слава.

Расправляются, спеша,
Гении с находкой
Всю историю верша
Вперемешку с водкой.

Нам они — поводыри,
Мы — не исполнены...
Вот в музее, посмотри,
Прошлого быliny.

И порой одна деталь
Больше всех открытий...
Видно — им открыта даль
Силою наитий...

17 октября 2004 г.

* * *

Шестидесятилетие Победы..
 Я сам — ее ребенок и птенец..
 Я помню все невзгоды, горе, беды,
 И то тот победный, сладостный конец..

Она — России подвиг и венец..
 Достойный гордой, выстраданной оды,
 Но в ней — конец негаданной свободы,
 Которой не дождался мой отец..

То было испытанье на излом,
 Оплаченный ценой миллионов жизней,
 И мы не очутились в коммунизме,
 Убыв на треть числом, да и умом...

Обглоданы Победою кровавой,
 Свободу обменяем мы на славу...

*20 октября 2004 г.,
 поезд Верх. Уфалей.*

* * *

От восторга перед жизнью
 Преклоняется душа..
 Будьте прокляты вы — слизни,
 Что без денег — ни на шаг..

Переезды, старушонки —
 Девы прошлых, горьких лет..
 Вижу я не отрешенно
 Всех страданий русских след..

Проходимцы и пророки,
 Лиходеи и мальцы..
 Все имеет в жизни сроки
 Посвящая в мудрецы..

И за утварью и скарбом
 Тихо, медленно встает,
 Утвердившись в духе, старость,
 Как премудрости полет.

Видеть всю неотвратимость
 Связей чести и судьбы —
 Ощущать необходимость
 Целомудренной мольбы..

*20 октября 2004 г. 13.00 ч. пополудни
 г. Верх. Уфалей, гостиница филиала ЮУрГУ
 в одиночестве перед лекцией, после снегопада
 и седых в тумане утра гор..*

* * *

Седые горы с пятнами бурана..
 Сырой туман и ноздреватый снег... —
 Последствия былого урагана,
 Когда в душе испуган человек...

Стального поезда животворящий бег,
 И ужас от недавнего Беслана..
 В нас все — незаживающая рана,
 В потоке — человеческий Ковчег...

Пять мужиков несут стальные крючья,
 Как латники средневековых лет,
 Их поступь неустанна и могуча,
 На лицах их — ночного пьянства след...

Они идут, ругаясь зло и страстно..
 Во всем ты, человечество, прекрасно...

*12.⁰⁰ ч.,
 вокзал в Верх. Уфалей.*

* * *

Да будет так: покорны высшей воле,
 Познали мы сопротивление тьмы,
 Закованы в трагической юдоли
 И в полном одиночестве тюрьмы..

Но, кармою живой наделены,
 И вскормлены скитаньем средь раздолий,
 Мы не смирились в нашей тяжелой доле,
 Волшбой наитий всех опалены..

Мы строим вновь не вавилонских башен
 Крутые стены в дрязгах языков —
 Мы строим мир на собственном бесстрашии,
 И чашу дружбы пьем среди врагов..

Мы вопреки идем законам злобы —
 Земляне мы.. А это — род особый..

20 октября 2004 г., 13.³⁰

* * *

Как много есть от зверя в нас:
 Порыв, агрессия и глупость..
 От человека — пара фраз,
 И жадность, скарედность и скудость.

От зверя: искренность и тупость,
 Доверье, ласка, ясность глаз..
 От человека — снов рассказ,
 Тепло овчинного тулупа..

Природа нам — слуга и раб,
 Своей не знающий причины,
 В консервной банке — вкусный краб,
 В борделе — дама для мужчины..

Порядок это иль закон —
 Не знает тигр и даже слон..

*20 октября 2004 г. 21.³⁰
 гостиница 6 г. Верх. Уфалей*

ОБНАЖЕННАЯ ИСТИНА

(тема с вариациями)

* * *

Обнаженная Истина века —
 Это ты заправляешь постель..
 Пусть еще не накрашены веки
 И не начата дня канитель..

Спутник тысячи дней и недель,
 Ты — моя и Медина, и Мекка,
 Критик каждого шага — успеха,
 Глупой жизни моей параллель..

Гордый норов матриархата..
 Королевы заносчивый шарм..
 И хохлячкой прабабушки хата..
 Это все, все в тебе по уграм..

Босиком тело движется к душу,
 А меня восхищение душит..

25 октября 2004 г.

* * *

В обнажении Истины — хитрость..
 Безотчетна она или нет..
 Я, как ноты, лежу на пюпитре..
 От меня — исчезающий след..

Не под силу — узнать мне секрет,
И бедна моих красок палитра —
Пусть любовь обозначена в титрах,
Но мне зрим лишь ее силуэт..

Уловить не могу в обнажены
Ни порыва, ни страсти, ни льда..
Словно вижу — стоит в отраженьи
В темном омуте, в бездне — вода..

Дальше тела — пути бесконечны..
Говорят — только души — предвечны..

* * *

В обнажении Истин Природы
Нужен нам микроскоп, телескоп..
Вот бактерии зверской породы,
Вот звезды термоядерной скоп..

Пять веков непрерывный галоп
Нас ведет в поднебесные своды
К постижению тайны свободы,
Что таит в своем Разуме лоб..

Но твоё обнаженное тело
В древность тянет такую меня,
Что приборы стоят омертвело
Перед вспышкой соблазнов огня..

Словно в трещину землетрясения
В миг сметает меня вождельенье..

* * *

Обнажение Истины — страшно..
«Умер Бог! — прокричали одни.. —
Поросла сорняками вся пашня
И сулит нам голодные дни..»

Люди, видимо, тоже слепни —
Им не в тягость лишь каша да бражка,
А крушение веры не важно
Средь хозяйственных дел суетни..

В строе Женщины — мудрость Природы..
В тайне Женщины — истины смысл..
Только сникли, бессильны рабсоды
Перед магией мертвенных числ..

Угнетенная нами природа
Порождает лишь монстров — уродов..

*Цикл написан 25 октября 2004 г.
Продолжен 26—29 октября с. г.*

ДЕДЫ И ВНУКИ (запись на память)

На днях произошло два события, знаковые и тайно — связанные между собой совпадениями... Сначала внук заранее сообщил мне о празднике творчества в своей школе, где он учился уже в пятом классе, хотя, честно сказать, я почти не успел заметить, как это стремительно произошло... Первый, второй я еще с трудом помнил, потому что без конца водил его в школу — в первом классе в отдельно стоящее здание, вернее — помещение вне школы в многоэтажном здании, одним из входящих в «квартал смерти», как его называл... Это — квартал чекистов в центре города, квадрат с высокими квартирами, лифтами и решетками вокруг, где в тридцатые царствовали палачи и чистильщики городской и региональной машины смерти...

Теперь здесь в первых этажах все сдавалось в аренду, а выше обживались бессмертные капиталисты, победившие все таки бывших «защитников мифа»... В этих просторных хоромах им жилось не плохо, только непобедимыми были и для них худые крыши с листовым железом, которые уже никто не мог исправно и без протечек наладить, а расстреливать за протечки теперь уже было нельзя...

Да, я отвлекся... Внук ходил в этот квартал весь первый класс, и много раз бился, падая с обледенелых ступенек этого пожилого здания, где трубы водостоков тоже прогнили, хоть и стояло вокруг десятки и сотни иномарок, на которых родители привозили своих свирепых баловней эпохи потребления...

Роскошь манто и шубок дам, кожаный скрип настоятельных сыгтых родительских пальто сопровождал меня в те дни, и, когда внука перевели со второго класса уже в основ-

ное здание — трехэтажное и знакомое мне по учебе моих собственных детей до мелочей — я уже не входил в вестибюль, а просто отпущал у входа чадо, не утруждая себя сниманием-одеванием его курток, сапожек или модных кроссовок, которые менялись у него стремительно: он рос быстро, был единственным в окружении почти дюжины родственников (считая бабок, дедок, теток, и прочей дребедени праотческого толка) — поэтому одевали его модно и броско, что мне — естественно — не очень нравилось...

Его мать и дядя — мои дети — были, ходя в эту школу бедны, но зато я никогда не сидел с ними над тетрадками, не решал им задач и вообще был занят своей наукой, литературой, поездками и командировками... Дети выучились на автомате...

А внука по вечерам — пока мы жили вместе — так опекали родители, что у меня мутилось от гвалта в глазах, и ярость перед его разгильдяйством и компьютерной шалой страстью давила мне душу и сердце...

Это был космический отрыв от моих идеалов восприятия, от всех даже минимально необходимых стратегий воспитания, что я был рад, когда наконец дети съехали, получив квартиру после десяти лет выращивания собственной семьи под нашей опекой...

Внука я еще год-два отслеживал, кормя в обед и раздражаясь его упрямству, а потом — вовсе отошел от всяких моралей и контактов: он приходил сам, разогревал обед сам, и тарашась в телик, быстро оприходовал еду, уметаясь то в бассейн, то в театральные кружок, неизменно лишь выпрашивая у меня карманных денег на сладости или чипсы...

Словом, я получил от него приглашение на просмотр их концерта, ибо по времени это была середина дня, полдень, в который исключалось всякое присутствие его рабо-

тающих родителей и прочих воспитывающих родственников (особо чтимой им второй бабушки-музыкантши тоже не предвиделось...)

В тот день с утра у меня было посещение (впервые!) строящегося здания Краеведческого музея, который я мечтал давно иметь в городе, изо всех сил убеждая местного Губернатора в необходимости его возведения, ибо без знания своей малой родины уже не сотни, а тысячи юных душ легко смываются за любые пределы той земли, которой они не знают, да и презирают, не умея и не ведая всех пленительных и сокровенных тайн ее...

Губернатор послушался меня, или это мне так казалось, и здание стремительно выросло железобетонными колоннами прямо на берегу нашей золотоносной речки, выросло дерзко и — по-современному — нелепо, обещая лишь в проекте стеклянню-безбликим строением, полным тайн истории и географии...

Теперь мне предстояло наполнить его этими тайнами, ибо местная власть не только послушалась моих советов о каркасе Музея, но и милодливо согласилась выслушать и мои домыслы-умыслы о будущей его начинке, конечно — самой уникальной в мире и в стране.. Иначе и быть не могло — я писал вдохновенные концепции, вспоминая своих великих учителей — Тимофеева-Ресовского и Оболенского, окрыляясь их знанием и давней — давней юношеской мечтой, где в центре мира был Урал, а в центре Урала — мой Город, а у него в центре — Музей...

Боже, сколько лет надо было прожить, продумать, прострадать в этом краю, чтобы вот теперь — встретиться с друзьями — единомышленниками на бетонных ступенях этого рослого строения, ходить по продуваемым сквозняками пустым его залам, воображать, спорить, тряситься от

азарта... Это было так обворожительно и упоительно, что я чуть не забыл о приглашении внука...

Я видел в воображении всю эволюцию человечества, его упорную борьбу с хаосом и распадом, его по крупницам накапливаемый Разум — и именно эту хронiku я мечтал воспроизвести в музее своего родного города...

О концерте внука я вспомнил, когда уже безумно замерз и охрип от громогласных тирад и диалогов.. К школе меня благожелательно подвели, и раздевшись в давно знакомой мне крошечной раздевалке учителей, я проник в тот зал, где не был — почти десять лет, со времени прощального бала моей дочери — или сына.. Не помню, но зал стал словно меньше, дети набивали его до отказа, гадая и бадея под бешенную музыку рока на иностранном языке, толкаясь, наряжаясь, кушая конфеты и запивая кока — колой, которую подавали им сидящие вдоль стен на продавленных креслах сердобольные родители и бабушки...

Затем вышел к микрофону молодой директор, толково и иронично объяснив всем, что ныне — первый опыт собственных постановок (раньше у моих детей, это были дни комсомольских песен и взаимных состязаний в верноподданничестве), когда пятые-шестые классы проявляют все личные качества: сообразительность, находчивость, способность к пению и сюжету, а также взаимную «толерантность»...

Это слово, которое было из моего любимого набора терминов, особенно поразило меня: я считал, что его не могут знать в школе, где дрессировали, воспитывали, проверяли, обстрагивали и полировали поколения, дабы включить их в ряды, шеренги, колонны и тому подобное...

Но директор сказал именно так, и все ему аплодировали, следовательно понимали цель конкурса постановок...

Класс моего внука выступал последним в параллели пятых, поэтому мне пришлось посмотреть все экзерсисы его ровесников... С первых картинок пролога мне понравился знакомый сюжет: почти однотипный разбитной русский паренек просит у матери, читающей журнал мод, по сидеть для отдыха за компьютером (что я слышал круглые сутки у себя дома, пока компьютер был у нас), и мать — отвязываясь от сына — нехотя позволяет... Тот углубляется в ноутбук, и вдруг — трах... темнота, взрывы, другой мир... Оказывается, планету захватили инопланетяне — агрессоры, раздраженные тупиковым путем развития цивилизации на земле, когда все люди — расчетливы, мозговиты, конъюнктурны и разучились мечтать, фантазировать, грозя вообще превратиться в роботов...

И паренек в ужасе кричит им: «А как спасти Землю?..» Те отвечают: «Вспомни сказки, перечисли хоть десяток, читанных в детстве»...

И паренек пытается хоть что — то вспомнить под угрожающими дулами автоматов роботов...

Зал в восторге подсказывает. Сказки сыплются ему со всех рядов. Все ликуют, а он не может и двух фраз сказать о сюжетах... Даже Ивана-Дурака из «Щучьего веленья»...

Общими усилиями команды сюжет вспоминается... От каждого поворота один из роботов падает и теряет агрессивную энергию... Мир освобождается от угрозы... Ликование. Музыка. Хоровая, придуманная, собственная, песня, пусть на знакомую мелодию шлягера...

Я был в восторге: это было то, с чем я безуспешно боролся, когда от детсадовских сказок — мудрых и теплых — внук перенесся в компьютерный мир автогонок, фантастических битв, американских псевдоисторических выдумок, бесивших меня последние три года...

Честно сказать, когда вышли на сцену его одноклассники, где он играл с ними несколько ролей, я почти обессилел от усталости: пять постановок, одна мудрее другой, измучили меня в этом душном, яростном зале... Внук неплохо играл то роль Учителя, водрузив на нос выпрошенные у меня очки, точнее оправу без стекол, потом бандита с пистолетами, угрожая заблудшим в джунглях одноклассникам, вызывая их на какое-то состязание... И там тоже были всякие загадки — то по географии, то по физике... Отвечали из зала... Было видно, что толковые ребята вполне владеют всем — от истории до иностранных столиц, что, впрочем, часто мелькали на экранах телевизоров...

Словом внук вполне пользовался своим обаянием, рязвязностью на сцене, как и в жизни, неплохой дикцией и перевоплощением, что было вполне достаточно для меня в первый за эти годы визит в школу...

Я пулей выскочил из школы, мчась на следующее совещание, а потом на проводы Осени, которую именно сегодня проводили в местном Доме ученых, и где мы были приглашены вместе с женой...

Пожилые сопратезники наши тоже очаровали нас... постановкой на современную тему, где была и своя интрига, и лукавство, и иностранные женихи в русской деревне, и старинные обряды, комичные в условиях глобализма... Очаровательно сидеть в старинном особняке, где с потолка нависает лепка из гипса столетней давности, посверкивает изразцами голландка, пахнет выдержанным коньяком и звучат мелодии романсов, а романсеро танцуют в соломенных, с цветочками, шляпах...

Когда водевиль кончился, хозяйка дома — она же — исполнительница главной роли деревенской деbeatой невесты, автор текстов и прибауток — подвела к нашему

столу строгую молодежавую даму, показывая ей на пустующее место...

— А вот и ваша компания — будьте знакомы... — и назвала нас поименно...

— А я знаю Вас, Кирилл Алексеевич... Я такая-то, помните меня?

Я остолбенел: комсомольско-спортивная богиня-секретария восседала рядом со мной, унеся меня мгновенно на три десятилетия назад, в эпоху разборок, анкет, характеристик, выговоров, о которых я давно забыл, как о страшном сне... Я смутно вспомнил только это так знакомое мне ощущение страха и ужаса перед недопустимостью моих высказываний, неприемлемостью моего поведения или — еще хуже — отстаиванием моего собственного — видения...

Чего я там видел в те годы — я догадывался, глядя на нее...

«Повышается степень управляемости обществом», — подсказал мне внутренний голос, и я, естественно восхитился ее прелестным видом, прической и предложил ей добротный напиток, от коего она не отказалась...

— Я теперь в Министерстве образования работаю, отделом науки руковожу, — сообщила она мне вместо закуски, и я, будучи опытным аборигеном здешних мест, понял, что она, действительно, в струе восходящего потока роста аппарата чиновников и сулит мне многие радости в будущем, если я сумею найти с ней в новой эпохе новый язык...

Так счастливо и неожиданно во всем прошел этот мой замечательный день — 29 октября, день рождения Комсомола, в течении которого были крутом тосты во здравие чудесного процесса трансформации юных поколений, какковыми когда — то были и мы сами, теперь грациозно приспособившиеся к смене имиджа, начинки и перели-

довки вплоть до способности понимать не только своих внуков, но и счастливо уцелевших, даже помолодевших, молодежных фюреров своих, не извлекших из прошлого ничего, кроме фантастического искусства приспособливаться к любым поворотам непредсказуемой судьбы родного Отечества...

Естественно, ни о каком покаянии и речи между нами не могло быть... Я только позволил себе бросить фразу во время повально-оголоделого тоста за Комсомол:

— Я был плохим комсомольцем — диссидентом, вы же помните...

— Да, — сказала она понимающе, — надеюсь, Вы — не демократ, как некоторые...

— Конечно, нет... Я был инакомыслящим при коммунистах, и остаюсь им же при капиталистах...

— Оригинально, — медленно произнесла моя соседка, жуя сыр «Рокфор»...

29 октября 2004 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РОЖДЕСТВА ДО ПОКРОВА

(4 тетрадь, 2003 год)

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО	5
«И снова я о матери скорблю..»	6

СОНЕТЫ ДОЧЕРИ

«Уж скоро десять лет, как ты — жена..»	7
«Да, на пространстве нескольких шагов..»	7
«Два мальчика — у каждого плеча..»	8
«Какой струной родительской души..»	9
«Наставницей была тебе Природа..»	9

КРАСНЫЕ СОСНЫ	11
«Кот на ветке сидит березы..»	12
САНАТОРИЙ КИСЕГАЧ	13
«Основа жизни — ритм и повседневность..»	14
ОТСУТСТВИЕ	15
24 ФЕВРАЛЯ 2003 Г. — 12 ЛЕТ ВАДИКУ!	16
КОГДА..	17
БАЛЛАДА О ТРЕТЬЕМ	18
«Сорвется ли яблоко с ветки..»	20
«Растворись, растворись, растворись..»	21
«Ты сострадания не ждешь..»	22
«Обаяние старого фильма..»	23
«Закаленный изменами женщин..»	24
«Три кротких государя..»	25
«Газета двадцатого века..»	26
ТРУСОСТЬ И ПОЭЗИЯ (новелла)	27
«Почему у мамочки..»	36
СОНЕТ	37

СОЛОВЕЙ — 1	38
СОЛОВЕЙ — 2	39
22 ИЮНЯ — ВОСКРЕСЕНЬЕ, 2003 г.	
РАЗМЫШЛЕНИЯ	40
БАЛЛАДА О ХОЛОДИЛЬНИКЕ	42
СКРОМНАЯ ПОДЛОСТЬ	44
СЧАСТЬЕ	45
НОЧНАЯ ГРОЗА	46
«Гроза с диким треском...»	47
ИЮЛЬ	48
РЫБАК	49
ЭПИТАФИЯ ВЕЛИКОМУ СОВРЕМЕННОМУ (1 августа умер Наум Юрьевич Орлов)	50
«Перестаньте. Перестаньте...»	51
«На двух машинах приезжали дети...»	52
«А, может быть, все-таки Прошлое...»	53
ЛАСТОЧКА	54
КОШКА В ДЕРЕВНЕ	55
БЕССЛАВЬЕ	56
«Пить сухое вино “Шардоне”...»	57
БАННЫЙ ЛИСТ (Баллада)	58
РАЗМЫШЛЕНИЕ	60
БАЛЛАДА О СТАРОМ ВЕНИКЕ	61

МОЯ ЛЮБЕЗНАЯ ЕВРЕЙКА Цикл

«Моя любезная еврейка...»	64
«Достоин ли такого друга...»	64
«Достойна Ротшильда и Креза...»	65
«Тех рассуждений юных нить...»	65
«Не предлагая соучастья...»	66
«Господь уверен был: я струшу...»	67
«Таких семей я знал не мало...»	68

«Да, я сознательно и жестко...»	68
«И вот, через миры и годы...»	69
«Предав красавицы ланиты...»	70
«Да, я любил, любил тревожно...»	70
ПОСЛЕСЛОВИЕ	71
ДЕНЬ РОССИЙСКОГО ФЛАГА!	72
«Последние капли вина...»	73
«Я этой женщины, как ноты...»	74
«Одно свиданье в Ленинграде...»	75
«Черное видится белым...»	77
«А кто-то ждал меня в Москве...»	78
«Мы — не праведники, не негодяи...»	79
«Сателлиты мои, сателлиты...»	80
«Когда в работе потаенной...»	81
«Какое лето! Осень! Люди»	82
«Копи прозрачных топазов...»	83
ХРАМ	84
«Кому — нести знамена мятежей...»	85
Л. БРЕЖНЕВ! (МАМОНТ!)	86
«Кровавый Марс и красная Луна...»	87
«Культура — это коммунизм...»	88
КАК ВЕДЕТ ПРОВИДЕНИЕ	89
МЫСЛИ В «ЗАВЕРШЕНИИ» ТЕТРАДИ: «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ»... (Энциклопедия выживания (экзистенциализма)	93
«Моя любимая тетрадь...»	94
БАБЬЕ ЛЕТО	95
ПОДАРАЖЕНИЕ ПУШКИНУ	96
ОКТАБРЬ	97
ЭЛЕГИЯ ОСЕНИ	98
39 ЛЕТ (сонет)	99

«Сестра моя родная...»	100
ОДИН ОСЕННИЙ ДЕНЬ	101
МИЛОЧКЕ 61 ГОД	104
ТРИ СТАРЫХ СНИМКА	105
РАМАДАН	107
«Страны убийство на моих глазах...»	108
ДВА ХИЩНИКА	109
«Когда неведомым путем...»	110
НА ШИХАНЕ В ВИСИМЕ — РОДИНЕ МАМИНА-СИБИРЯКА	111
ХРАМ НА КРОВИ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ	112
СТУДЕНЧЕСКИЕ ОТЗЫВЫ О МОИХ «ОПУСАХ»	113
12 ДЕКАБРЯ — ДЕНЬ 10-ЛЕТИЯ КОНСТИТУЦИИ 1993 Г.	117
«Десять лет второму внуку...»	121
«Сребролюбие — старая ноша...»	122
МОЛОДОМУ СОВРЕМЕННОМУ	123
БОУЛИНГ	124
ЧЕТВЕРОСТИШЬЯ (В подражание Ф. Тютчеву)	127
«В конце концов — какое дело...»	131

НА ВЕРШИНЕ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

(5 тетрадь, 2004 год)

«В вершине жизненного цикла...»	132
«Знакомое тело до боли...»	133
«Сладость губ, чуткость мягкого тела...»	134
«Исполать тебе — жизнь-однолюбка...»	135
«Примета Верности — Любовь...»	136
«О! Красота дворянская усадьба!»	137
МИР — НЕ ТОВАР!	138

УТРО УТРАТ Цикл (на конец 2003 г.)	
«На утро утраченный год...»	139
«Не партий жаль, покинувших парламент...»	139
«“Людская подлость бесконечна” ...»	140
«Не так в России, чья ментальность...»	141
«Утрачен год. Ушла эпоха...»	141
«Изничтожена совесть.. И было...»	143
«Склад ядреных пословиц чудесен...»	143
«Лишь бы смерть к нам пришла не постыдна...»	144
«Что постыдны и жизнь, и кончина...»	145

В ЧЕСТЬ 70-ЛЕТИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

ОДА РОДНОМУ КРАЮ	146
------------------------	-----

ШАМПАНСКОЕ «АБРАУ-ДЮРСО» Цикл

«Напиток священный в России...»	148
«Так щедро, и так доброхотно...»	148
«Как мир наслаждений богат!»	149
БЫЛОЕ СЧАСТЬЕ	149

«Да, мы уйдем! Мы спустимся в пещеру...»	151
«Я ощутил законы тонкой связи...»	152
МОЛИТВА	153
«Все свершилось. По камню...»	154
ЗАХОЛУСТЬЕ	155
«Лида — лилия прекрасная!»	157
«Семь десятков — нашей Области!»	158
«Драматург, и поэт, и охотник...»	159
«Когда на сломах поколений...»	160
«И все же — жизнь преображенно...»	161
«На границе нашей эры...»	162
«Ты осознал необходимость...»	163

НЕНАПИСАННОЕ ПИСЬМО СЫНУ	164
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ (проблемы и определения)	165
ПОСЛЕ ТЕРАКТА В МЕТРО	165
СИРЕПОР (новелла)	167
«Профессор — отоларинголог...»	173
А ВЕЧЕРОМ ПОШЕЛ СНЕГ...	174
К 70-ЛЕТИЮ Р. П. ЧАПЦОВА	177
ОБРЕТЕНИЕ СМЫСЛА Цикл	
«В калейдоскопе дней, событий...»	179
«И первым было: “Не убий!”»	179
«И третий шаг: “Чти отошедших...”»	180
«Четвертый шаг — “единобрачие!”»	181
«Так шел к прозрению Человек...»	181
«Так обучался Человек...»	182
«Так Возрождение подошло...»	183
«Прогресс обозначает крах...»	183
«Есть правда высшая ума...»	184
АЛЕШЕ — 39 ЛЕТ 26 АПРЕЛЯ 2004 г.	185
«Много тайн ты узнаешь на свете...»	186
МОЯ СОБАКА	187
«Душа моя — был часто озадачен...»	188
«Жениться — это в бурю выбрать судно...»	188
«По-прежнему изящней всех на свете...»	189
«Поздравляю от души...»	190
ФИЛЬМ «МАРИЯ КАЛЛАС» В ИСП. Ф. АРДАН	191
ОНА И ОН	192
ХОСЕ	193
ЦЫГАНЕ	194
«Опять пошел биоценоз, свиреп...»	195

ПАСТУШКА (или три мира — три системы) Новелла	196
ИЗ ЖИЗНИ БРЫНСКОГО (новелла)	201
ШУТОЧНАЯ БАЛЛАДА	205
ВТОРОЙ КАМИН	207
БАЛЛАДА ОБ ОДНООБОВСТВЕ	207
«Я вглядываюсь в тусклый мир собаки...»	213
«Какое время выпало судьбе...»	214
«А все-таки меня спасает мать...»	215
БАЛЛАДА О СЛЕЗАХ	216
«Соловей, освященный закатом...»	217
К 40-ЛЕТИЮ БРАКА	218
ПРОГУЛКА	220
ЭТЮД	221
«Пустое ласточки гнездо...»	222
ЗАЛТОУСТ	223
СОН	224
МЕЧТА	227
СОПКА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ	228
БАЛЛАДА О ПОЕЗДКЕ С МАТЕРЬЮ В 1978 ГОДУ (ей 73 года)	229
СЕ — ЧЕЛОВЕК	232
«Жизнь состоит из мелочей...»	233
ПИСЬМО К ПРОКУРОРУ... (этюда)	234
СЕЛО	239
ТРЕТИЙ КОШМАР (этюда)	240
«Загадочен мир и трагичен...»	244
САША (новелла)	245
БАНЯ В ПОНЕДЕЛЬНИК (сонет)	252
РАССВЕТ В ИЮЛЕ	253

ТЕМА С ВАРИАЦИЯМИ Цикл

«Мы живем в прекрасной неизвестности...»	254
--	-----

«Мы живем в тревожной неизвестности...»	255
«Мы живем в великой Неизвестности...»	255

БАЛЛАДА (Памяти солдат, погибших от выстрелов в спину...)	257
КАЛИФОРНИЕЦ (новелла)	260
АВТОПОРТРЕТ	268
СТРАТЕГИЯ ДОБРА	269
20 ИЮЛЯ 2004 г. СОСНОВЫЕ ПОСАДКИ	
ЗА СЕЛОМ 30—40-ЛЕТНИХ СОСЕН	270
ПОРТРЕТ	271
«Как когда-то в России пропало...»	272
РОК	273
«О! Девочка родная!»	274
САГА О ПОСЛЕДНЕМ ПОХОДЕ (новелла)	275

НЕВЫСКАЗАННЫЕ СОНЕТЫ Цика

«Да, он сулит и в будущем обманы...»	285
«Без горечи висков увидеть проседь...»	286
«Наступит осень с совестью больною...»	286
«Становится ценою святотатства...»	287
«Как Короля — рассматривать нам рано...»	288
«Свят виноград и презираем плющ...»	288
«Как заповедал мудрый Иисус...»	289

БАЛЛАДА О ВЕРНОЙ ПОДРУГЕ	290
«Собачья наивность и преданность...»	292

ПАРАФРАЗ ТЮТЧЕВУ...

«Не то, что мните Вы — Россия...»	293
«Она становится железной...»	293
«От беззаветности знамен...»	294

«На сотни верст — российский стон...»	295
«Кто кровь за Родину прольет...»	295
ПОСЛАЕСЛОВИЕ	296

ОСЕННИЕ АСТРЫ	297
---------------------	-----

БЕСЛАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕМ ГЕРОЕ Цика	
«Любимые папа и мама лежат...»	298
ВЫСТРЕЛЫ В СПИНУ	299
ВОЙНА ДУРАКОВ	301
«Узрели бойню мировую...»	301
«Разгадка мира — на Востоке...»	302
«И бомбе молится шахид...»	303
«На мир насилия и разврата...»	303
«А Русь глядит оторопело...»	304
«А предводитель и кумир...»	305

«О! Современницы мои...»	306
ТУМАННОЕ ПРОСТРАНСТВО (новелла)	307

ЭТЮДЫ СОРОКАЛЕТИЯ

«В золотые дни сорокалетия...»	312
«Днем до 25 градусов, тепло...»	312
«Киноварь, багрянец и янтарь...»	313
«Много лет предвидел я заране...»	313
«Совокупность быта и наива...»	314
«В дни сорокалетия надо помнить...»	315
«Сороколетье — не сорокодулье...»	315
«Земля обетованная — Урал...»	317
«Просто до неприличности...»	318

ГРИБНОЙ СУП ИМЕНИ ВЕРНАДСКОГО (новелла)	319
«Все ли это пустяки..»	321
«Шестидесятилетие Победы..»	322
«От восторга перед жизнью..»	323
«Седые горы с пятнами бурана..»	324
«Да будет так: покорны высшей воле..»	325
«Как много есть от зверя в нас..»	326
ОБНАЖЕННАЯ ИСТИНА (тема с вариациями)	
«Обнаженная Истина века..»	327
«В обнажении Истин Природы..»	328
«Обнажение Истины — страшно..»	329
ДЕДЫ И ВНУКИ (запись на память)	330

Кирилл Алексеевич Шишов

ОПЫТЫ В СТИХАХ И В ПРОЗЕ

Верстка В. Б. Феркель.

В оформлении использована гравюра Г. Доре.

Сдано в набор 25.12.04 г. Подписано в печать 9.03.05 г.
Формат 70×100_{1/32}. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 12,72.
Тираж 300 экз.

Издательство «Цицеро»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано типографии «Фотохудожник».
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155а.